

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВ
им. СОТИМА УЛУГЗОДА**

на правах рукописи

АБДУЛАСАНОВА ЗЕНАЛМО ШАМШЕРБЕКОВНА

**СТРУКТУРНО – СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ
МЕСТОИМЕНЕЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(на материале таджикского, французского, шугнанского
и русского языков)**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

**Научный руководитель:
Парвонахон Джамshedов, доктор
филологических наук, профессор**

Душанбе – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретические аспекты исследования местоимений в языках различного строя	12
1.1. Анализ местоимения как лексико – грамматической группы слов....	12
1.2. Местоимения в системе частей речи в разносистемных языках.....	33
1.3. Морфологические категории и формы местоимений во французском языке.....	71
Глава II. Функционально – семантические особенности личных местоимений в таджикском, во французском, русском и шугнанском языках	79
2.1. Семантическая структура личного местоимения первого лица единственного числа в таджикском литературном языке.....	79
2.2. Семантическая классификация местоимений во французском языке.....	85
2.3. Личные местоимения в русском языке.....	90
2.4. Личные местоимения во французском языке.....	107
2.5. Личные местоимения в шугнанском языке.....	112
2.6. Местоимение в языках Бадахшанского ареала	121
2.7. Местоимения вежливого обращения в русском и французском языках.....	123
2.8. Система значений местоименных слов во французском языке.....	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
БИБЛИОГРАФИЯ.....	136

ВВЕДЕНИЕ

Местоимения относятся к числу древних и консервативных лексико – грамматических разрядов слов, которые имеют возможность сохранить в своем составе «следы древних звуковых изменений, исчезнувших падежных и словообразующих формантов, следы способов редупликации и словосложения» [Лайонз,1978, 3].

Актуальность темы исследования обусловлена малоизученностью местоимений, способных выполнять функцию замены имени и указательной опции, благодаря которому в последние годы особо остро возрастает интерес к человеку как субъекту, в речи. В исследованиях, посвященных данной теме, в основном изучались полнозначные слова, которые были обладателями многообразным лексическим составляющим и выполняющие роль средств прямой номинации. Будет некорректно утверждать, что местоимения были оценены недостаточно, потому как, они были безусловным предметом разработки многих мировых ученых, которые подходили к работе с разных углов зрения. Все же, несмотря на это, семантика знаковых единиц в языке остается полной из неизведанных ветвей, тем более в современной сопоставительной лингвистике.

По утверждению Пешковского: «Местоимение обозначает отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Пешковский,1956,163], тогда как Стеблин – Каменский давал иное пояснение, такое как: «Определение местоимений как «одночастных», имеющих денотат, но не имеющих сигнификата и постоянного класса денотации, и поэтому несамодостаточных и синсемантических элементов языка, получающих исключительно референциальное обоснование при употреблении в речи в процессах обозначения, подчеркивает их семантическое своеобразие, объясняет их функцию дейктических элементов высказывания и средств когезии в тексте, но не снимает вопрос о содержании системно заданного значения отдельных

местоимений, групп местоимений и местоименной системы в целом. Местоимения обладают своеобразным, «трудноуловимым», отличным от собственно лексического и грамматического, значением [Стеблин – Каменский, 1957, 82 – 83].

Специфические признаки говорящему могут определяться местоименным словом (к примеру: русс: **«какой – то оборванец – тадж: ким – кадом чандапӯш – фр: un certain gueux – шугн: arĉidumça odam»** выступает в предложении в виду местоименного наречия), местоименным прилагательным (к примеру: **«эдакий лис – тадж: ин хел рӯбоҳ – фр: un tel renard – шугн: disga rupçak»**), с помощью чего, слушающий собеседник может сделать вывод об образе описываемого – негативном или положительном, к какому роду относится – женскому или мужскому, множественное или единственное число. Во французских операциональных терминах это выглядит следующим образом: «mode de donation de la personne», «vision de la personne au moment de la saisie référentielle» [Benveniste, 1974, 87].

Определенное «видение» лица – предмета речи выражает в максимально допустимом в языке абстрактном виде представление субъекта о существовании и проявлении предмета речи, в том числе по параметрам его непосредственного восприятия или вне его; принадлежности к предметному ряду существ или неодушевленных предметов; статическим предметным признакам рода (пола), числа; степени его познания со стороны субъекта речи и другим параметрам. Проблема определения подобного рода параметров является одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с определением специфического способа представления лица, присущего отдельным местоимениям или группам местоимений. С точки зрения выражения определенного видения лица субъектом мысли и речи, означаемое каждого из местоимений, материализующееся в его форме, является постоянным, лежит в основе парадигматических связей между местоимениями

и привносится данным местоимением в вариативные контекстные употребления.

«Исследование этой общетеоретической проблемы актуально для французского языка в аспекте изучения соотношения одного рода, но разных видов местоимений, выраженного в раздвоенной парадигме личных, притяжательных и указательных местоимений. Проблема наличия или отсутствия семантической дифференцированности автономных и неавтономных местоимений в их соотношении» [Бенвенист, 1974, 32].

При анализе системы личных местоимений исследователи отмечают раздвоенность грамматической парадигмы форм, представляющих референт – лицо в одном и том же коммуникативном ранге (**фр: je – moi – тадж: ман – русс: я – шугн: wuz; фр: tu – toi – тадж: ту – русс: ты – tu; фр: il – lui – тадж: вай, ӯ – русс: он – шугн: yu etc – и.т.д.**).

В 1974 году Бенвист [Benveniste, 1974, 78] и Вольф [Вольф, 1974, 78] посвятили долгие годы своей жизни разработке темы семантики и грамматики личных местоимений во французском языке.

В свою очередь Бенвист высказывался так: «Значение местоимений таково, что оно задает способ представления лица, но не несет в себе развернутого содержания, которое бы соответствовало заданному видению предмета мысли и речи. Соответствующая данному видению предмета характеристика не принадлежит самому значению местоимения, но восполняется на уровне представления, имплицитруется заданным способом видения лица, составляет пресуппозиционный фон данного местоименного знака. Отсюда справедливость таких выражений, как местоимения «несут в себе», «инкорпорируют» определенное значение» [Бенвист, 1974, 76].

Наиболее глубокий акцент сосредоточен на неавтономных формах. Они, в свою очередь, презентируют лингвистическую разносторонность, на фоне которых автономные формы отличаются своей бескорректностью в плане соотношения с антропонимической областью референции.

По мнению Гак: «Существуют контексты, в которых однородные автономные и неавтономные формы противопоставляются по смыслу в высказывании или предписывают разную интерпретацию, будучи употребленными при одном и том же глаголе и в соотношении с одним и тем же референтом» [Гак, 1989, 31 – 33].

Опираясь на точку зрения В. Виноградова о том, что: «Для современного этапа развития местоименной теории следует считать достаточно аргументированным положение о том, что местоимения не являются «пустыми» метками, употребляющимися вместо имени, как это можно было бы заключить, исходя из этимологии грамматического термина «местоимение» [Виноградов, 1972, 257 – 259], мы можем утверждать, что важно рассмотреть те теоретические положения, которые бы смогли пролить свет на особенности функционирования в языке других типов знаков в связи с их семантическими свойствами, что и определяет актуальность темы исследования.

Степень научной разработанности выбранной нами темы представляют исследовательские труды таких русских ученых, как: А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, В. Г. Гак, Ф. Брюно, Е. А. Реферовская; таджикских ученых, таких как: П. Джамshedов, Б. Сияев, А. Мамадназаров, П. Авлиёевой, Ш. Ниёзмухаммедов «Забони адабии ҳозираи тоҷик», Н. Маъсумӣ, Ф. Зикрияев, С. Мирзоев, Х. Султонов, М.А. Нахангова, А. Каримов и шугнанские лингвисты: Т.Бахтибеков, Д. Карамшоев, М. Аламшоев, С. Назарзода и др. Референцию, в свою очередь, рассматривали: Б. Рассел, П.Ф. Стросон, С. Куно, И. Пете, А.Н. Гвоздев, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, В.Г. Гак, О.Н. Селиверстова. Касаясь теории актуализации, свои работы посвятил Ш. Балли, аспекты концепции функционально – семантического поля изучали: А.В. Бондарко, Ю.Е. Власова, А.Я. Загоруйко, П.В. Чесноков, Л.Д. Чеснокова, В.В. Гуревич, Н.А. Янко – Триницкая, В. Гладров, Я.О. Уляшева и др. Многие из перечисленных ученых в своих трудах зачастую отклоняют возможность соприкосновения местоимения с категорией языковых частей речи, в то время,

как показывает анализ материала сравниваемых языков, данный вопрос подтверждается в пользу включения местоимения в разряд частей речи.

Относительно исследования отдельных самостоятельных лингвистических положений прагматики нам представились работы Ч. Моррис, Ст. Милл, в сфере стилистики И.Р. Гальперин, Р. Барт, В.В. Одинцов, теории текста Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, О.И. Москальская, Т.М. Николаева, и переводоведения – Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, В.Г. Гак, Н.К. Гарбовский, Л.С. Макарова .

В данном исследовании мы подвергли тщательному рассмотрению личные местоимения, учитывая их особый лексико – семантический класс. Такая категория слов больше славится в формальном аспекте соотносительностью с именными самостоятельными частями речи, что является общеизвестным, ими приходится существительные или прилагательные, способностью к их замещению и обладающий общим значением неопределенности. Семантика стала предметом многочисленных работ, к примеру таких ученых, как: Ю.А.Рылов, Е.А. Широких, М.И. Алехина, И.В. Вороновская, Е.М. Галкина – Федорук, Н.С. Поспелов, И.И. Ревзин, Дж. Хокинс, Л.П. Бердникова и др. Исходя из такого немалого количества ряда ученых, вполне ожидаемым фактом является разнотолкование и расхождение в углах зрения о семантике и разграничении ее видов и подвидов.

Предмет темы исследования – особенности функционирования личных местоимений в языках разной структуры таджикского, французского, шугнанского и русского языков. В языковом обиходе есть совокупность серьезных проблем, связанных с теорией и типологией личных местоимений, к их числу приписываются такие как: универсальные категории личных местоимений; функциональные типы употребления местоимений: дейксис и анафора; местоимения в ряду других лексико – грамматических средств референции.

Объект исследования – личные местоимения, состоящие в современном таджикском, французском, шугнанском и русском языках, каждый из которых различны по своей строевой системе.

Цель исследования – детальное изучение разноаспектных качеств и функций личных местоимений в таджикском, французском, шугнанском и русском языках, базируясь на основе сопоставительно – типологического анализа. Кроме того, в цель данного исследования входит рассмотрение грамматических категорий в выбранных языках и определение специфических особенностей в каждом из них.

В пользу достижения положительного результата и указанной выше цели, перед нами была предпринята следующая перечень **задач**:

- дать теоретический обзор, проводимый учеными в плане сопоставительного исследования личных местоимений в разносистемных языках;
- выявить общепринятую характеристику, определить структуру грамматических категорий местоимений в исследуемых языках;
- выявить и описать сходства и различия в семантических, синтаксических и прагматических функциях личных местоимений в выбранных выше языках;
- проанализировать и описать категории личных местоимений в таджикском, французском, шугнанском и русском языках.

Научная новизна работы обосновывает первую попытку провести исследование в сопоставительно – типологическом плане личных местоимений в таджикском, русском, шугнанском и французском языках. Мы рассмотрели особенности функционирования прономинальной системы отталкиваясь от подобного мышления, вследствие чего, нам удалось прояснить общие и специфические черты в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах, а также, сопоставление грамматических категорий личных местоимений в разносистемных языках которые ярко отражают своеобразие в таджикском, русском, шугнанском и французском языках.

Методологическая база исследования основана на теоретических воззрениях таких ученых, как: И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, В.Г. Гак, В.В. Виноградов, Г.П. Немец, И.А. Бодуэн де Куртене, Б.А. Серебренников, У.С. Зекоха, А.И. Смирницкий, З.У. Блягоз, В.Н. Ярцева, Ю.А. Тхаркахо. Из иностранной литературы были учтены материалы трудов таких исследователей, как: Ш.Балли, О. Есперсен, Ф. де Соссюр, Латышев. В таджикском языкознании работы Б. Сияев, П. Авлиёвой, Н. Маъсумӣ, Ф. Зикрияев, С. Мирзоев, Х. Султонов, М.А. Нахангова, А. Каримов, Т. Бахтибеков, Д. Карамшоев, М. Аламшоев, С. Назарзода, А. Мамадназаров и др.

Теоретическое значение диссертации заключается в комплексности исследования, поскольку функции личных местоимений анализируются с позиций семантики, синтактики и прагматики. Представленный фактический материал, на наш взгляд, уточняет сведения о функциональности местоимений, подтверждая мысль о том, что основные характеристики языка проявляются в различных манифестациях. Как первый опыт подобного исследования, данная работа может быть использована для аналогичных изысканий и на материале других языков, для которых важность подобных задач также представляется совершенно очевидной.

Практическая значимость представленных в данной работе материалов могут быть полезны в ведении различных курсов по предметам «сопоставительное языкознание», «языкознание», «русский язык», «таджикский язык», «французский язык». Также особую ценность в работе имеют результаты анализа шугнанского языка в работе, которые могут быть использованы в различных языковедческих направлениях.

Материалы исследования могут быть использованы в научных и школьных грамматиках, будь то таджикская, русская, французская или шугнанская, поскольку освещают вопросы образования и словоизменения местоимений, в так как их функциональность исследована недостаточно.

На защиту выносятся такие положения, как:

- в таджикском, русском, французском и шугнанском языках местоимения, выделяясь как особая часть речи могут выполнять в предложении функции прилагательных, существительных, причастия и числительных.
- исследование прономинативных специфик функционирования в таджикском, русском, французском и шугнанском языках находит сходство и различие в каждом языке. Соотношение дейктической и анафорической функций в выбранных нами языках наиболее ярко проявляется в сочетании прямой и авторской речи в контексте и тексте.
- при общем анализе, мы выявили в частности из синтаксической составляющей местоимений, что их функции личностного образа имеют много подобий.
- Коммуникативный (функция использующаяся при общении) аспект личных местоимений **«русс: вы/мы – фр: vous/nous – тадж: шумо/мо – шугн: maъ – tama»** различаются в практике. Характерное для русскоговорящих людей форма обращения к множественному числу **«русс: вы – фр: vous – тадж: шумо – шугн: tama»** с подтекстом вежливости и уважения не воспринимается во французском и шугнанском языках и является непривычным для этих народностей.

Методы исследования – описательный, сопоставительно – типологический метод. В состав такого метода входят более распространенные тонкости, такие как: сопоставительный анализ и синтез, дедукция и индукция, классификацирование, описание и обобщение.

Личный вклад соискателя состоит в сборе обработке, анализе исследуемого материала и обобщение полученных результатов. Соискатель представил аналитический обзор литературы по исследуемой теме. Основные результаты получены соискателям самостоятельно.

Апробация работы. Работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского государственного институт языков имени Сотима Улугзода

(«24» «12» 2021 г., протокол заседания № 7). По теме диссертации опубликованы 3 статьи в научных журналах, включенных в Перечень ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, а в конце прилагается библиографический список.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ

1.1 Анализ местоимения как лексико – грамматической группы слов

Местоимения – это естественная историческая, не меняющаяся по образу функционирования группа. В данной группе собрались воедино участки высшего ряда, которые имеют близкую взаимосвязь с другими организационными частями речи. Каждая ветвь из целого местоимения как композита внушающе однообразны как по внутренним, так и по внешним данным. Такому ходу событий соответствуют различные аспекты, одним из которых является, в частности, происхождение указательных морфемных единиц, которые иначе называют «указательными». Таким образом, мы можем констатировать, что их посредством образуются некие языковые приватные и недоступные системные поля, в число которых не входят неологизмы и заимствованные слова. План точного конструирования структуры таких систем прорабатывается изначально, а далее, в ход развития вступают внутренние элементы микросистемы. По словам Лайонза: «Чрезвычайно важную роль в системе любого языка играют первостепенные разряды местоимений–указательные, вопросительные и личные. Они развиваются в тесной связи друг с другом, а зачастую имеют общие этимологические источники – дейктические частицы, из которых одни специализируются как указательные, другие как личные, третьи – как вопросительные или вопросительно – относительные местоимения» [Лайонз, 1978, 23].

Дейктические системы впоследствии формировались благодаря местоимениям, имеющим различный характер, такой как: отрицательный, неопределенный и безличный. Как известно, эти характеристики входят в состав второстепенных, они были воспроизведены из первостепенных, с добавлением разноструктурных лексических, морфологически и семантических единиц. К примеру, взяв корень первостепенное слова,

прибавить к нему соответствующую приставку, суффикс или окончание, в результате мы получим новый, второстепенный разряд. Само по себе местоимение, как отдельная самостоятельная часть речи отличается на редкость удивительной «привычкой» не поддаваться всяческим изменениям, исходя из чего, усложняется способ его применения. Об этом Н.Ю. Шведова пишет: «Система местоимений в своем строении отличается от других классов слов двумя существенными признаками:

- 1) своей закрытостью, т.е. весьма осторожным отношением к новациям
- 2) глубиной и ясностью своего устройства, которое играет определяющую роль в смысловом строении языка в целом» [Шведова, 1995, 15].

Стоит отметить на редкость твердую самостоятельность местоимений, так как они принадлежат только себе, не подчиняясь никакому давлению. Отдельный, высокий пьедестал занимает генетика местоимений, их сортировка происходит по признакам, которые они позиционируют и по их сходству. Благодаря этому местоимения являются наиболее устойчивым лексико – грамматическим разрядом языка: они сохраняют первоначальную структуру, а если видоизменяются, то в течение длительного времени, редко заимствуются. Формальные изменения, как правило, происходят путем добавления к старым формам суффиксальных элементов, местоименных корней или других сегментов модифицирующего характера. Огромную роль в этих изменениях играет аналогия, благодаря которой изменение одной из форм ведет к серийным преобразованиям всего разряда.

В работах по истории местоимений фактор системности не всегда учитывается, но острый акцент делается на тип и характер каждой местоименной единицы, также на их форму и родственную связь с другими членами предложения. Здесь необходимо отметить работу Б. Сияева по истории развития и функционирования местоимения в таджикском языке. В ходе проведенного исследования мы предприняли попытку изучить всю суть системного давления, оказываемого на местоимения, для этого нам

понадобилось раскрыть изначальную форму местоимений, и тех частей речи, которые от них рождаются, к примеру, ими могут быть прилагательные, наречия, частицы и союзы (союзные слова). Необходимо отметить работы Бахтибеков Т, Карамшоев Д, Аламшоев М и Файзова М в памирских языках.

Во многих источниках мы заметили некую распространенную тенденцию не полностью оценивать всей ценности и важности именно местоименных групп, зачастую исследователи разного ранга не подходят к этой части речи с необходимой серьезностью, что весьма зря. Исходя из внешних неярких и малообъемных показателей местоимений, ученые воспринимают их менее ответственно нежели иные части речи, однако местоимения ничем не уступают тому же подлежащему и сказуемому в языке и грамматике. Во французском языке необходимо отметить важные исследования В.Гака, Ш. Балли, Ф Брюно, Е. Реферовская и др.

Было бы целесообразней оставить былую неважную славу о местоименных единицах, и перенести их из категории «второсортных» к «первосортным», так как они имеют разные функции, такие как указательство и заместительство. В том числе, ко всем ранее перечисленным заслугам местоимения можно прибавить еще и то, что оно имеет особенность формирующую смысл, объединяющий категориальные уровни языка, и оно контролирует межсмысловые, межопционные и межпарадигматические отношения.

О данной проблеме рассуждает Н. Ю. Шведова: «Как уже сказано, система местоимений закрыта для интервенции каких – либо новаций: она стабильна в силу самой своей предназначенности, которая заключается; во – первых, в значении основных, исходных понятий, представленных в языке как некие центральные смыслы, и, во – вторых, в том; чтобы, расчлняя и уточняя эти смыслы, отразить средствами языка основные ступени познания и саму структуру познания, переходя от незнания к знанию, от неопределенности к определенности этого знания» [Шведова,1995,45], иными словами в значении местоимений можно найти более отреченный общий семантический смысл,

который имеет в то же время свою собственную глобальность. Местоимение имеет свойство «заряжать» другие языковые типы к функционированию.

В своем исследовании личных местоимений мы старались учитывать эту особую роль местоимений в организации языковых единиц, из чего вышло в отношении личностных местоимений, используемых в случае, когда речь идет о I – ом (я, мы) и II – ом (ты, вы) лицах, что они, как правило, должны идти в одном ряду с преобразованиями и изменениями формального типа и падежами специфического характера.

В случае же III – го лица все обстоятельства происходят в точности наоборот, так как во время выражения личностного значения и отсутствия коммуникативной необходимости, как в единственном, так и во множественном числе, определяется последовательное структурное и морфологическое единство форм из группы указательных местоимений с субстантивными словами.

С самого начала своего активного функционирования и процесса развития как в таджикском, так и в русском языках, местоимение было и есть предметом острого надзора ученых и исследователей всего мира. Им интересуются лингвисты, литературоведы и языковеды. В современной лингвистике данная часть речи остается привлекательной многим мыслителям. «Всякое языковое проявление есть выражение «я», которое формулирует мысль или выражает чувство. Соотносясь способом указания с человеком говорящим, местоимения представляют в языке человеческое существо в процессе осмысления мира и самого себя в этом мире, образуя центр понятийной сферы личности и ее опорной точки – субъективности» [Бенвенист, 1974, 257 – 328].

В том числе, мы можем дать правильное обоснование интересу, проявляемому в сторону местоимений тем, что, это неотъемлемая часть в повседневной речи человека, оно стоит на первом месте в диалоге и человеческой коммуникации. Весьма очевиден тот факт, что без местоимений речь не имела бы конструктивного смысла. Система местоимений в этой связи

рассматривается как «исход смыслового строения языка и его смысловых категорий» [Шведова, Белоусова, 1995 – 234], а «личные местоимения как языковая подсистема, в которой заложена понятийная основа лингвистической модели человека как личности».

Личные местоимения будучи непростыми лексическими единицами, постоянно находятся в центре внимания разных исследователей. По разработке данной части речи было написано много работ, в которых представлен семантический или морфологический анализ структуры местоименных систем в отдельных языках.

Однако, исследований, посвященных местоимению в межязыковой перспективе не так много. В приводимом ниже обзоре литературы мы ограничимся работами, посвященными общему типологическому освещению местоименных систем.

В данной диссертации мы выделяем и устанавливаем границы, поставленные между личностными местоимениями и категорией числа (единственное или множественное) в языке. Отталкиваясь от нескольких типологий, но в данном случае – С. Ф. Членовой, мы пришли к выводу, что местоимения также имеют исчисляющие характерные черты.

С другого угла зрения данную работу видит Д. Инграм, в своих работах он не заостряет внимания на морфологию и ее соприкосновение с местоимениями, он делает: «Семантический анализ значений, которые могут быть выражены в местоименных формах» [Ingram, 1978, 213 – 247]. Исходя из этого, ученый варьирует общим, насчитанным количеством местоименных форм, которое представляет собой фактическую базу в процессе установления типа местоимений. Подобный метод практикуется не только в случае с местоимениями, но и в случае описания ряда гласных букв.

Далее Инграм обращает внимание на частотный критерий. Он не просто постулирует существование той или иной местоименной системы, а проводит дополнительное различие между системами, которые встречаются часто, т. е. являются более типичными, и теми, которые встречаются редко. Этот подход

является довольно распространенным в типологических исследованиях. Во второй части своего анализа Инграм рассматривает правила, способствующие порождению дейктических признаков личных местоимений. Инграм проводит различие между правилами отдельно взятых языков и межязыковыми правилами с целью выделить набор правил, необходимых для создания личных местоимений в любом языке.

Напоследок ученый вникает в систему падежей, или как он их называет «серии личных местоимений» [Инграм, 1978, 213 – 247]. Итак, он предлагает «Набор правил, которые действуют в рамках личного дейксиса при порождении серий личных местоимений, где используется 60 языков» [Инграм, 1978, 213 – 247].

В своей работе Соколовская разрабатывает положение о семантических универсалиях в системе личных местоимений, присущих различным языкам, однако категории лица и числа стоит всегда выше. Соколовская говорит: «Предполагается, что система описания семантики описывает все возможные противопоставления по категориям лица и числа и ни в одном языке не существует противопоставлений по этим [Соколовская, 1980, 84 – 103]. Она справедливо замечает, что значительной из трудностей в типологических исследованиях является определение основных характеристик изучаемого феномена и проблема соотносимости сходных феноменов в разных языках.

Соколовская выделяет такие местоимения: **«русс: я/ты/он – фр: je/tu/il – тадж: ман/ту/вай/ў – шугн: wuz/tu/yu»** впоследствии которых она формирует производные **«русс: я и ты/я и он – фр: je et toi/ je et – lui – тадж: ман ва ту/ман ва ў/вай – шугн: wuzat tu/ wuzat – yu»**. Ею было выведено новое слово, которое использовалось только в контексте языка – «Металицы», данное слово использовалось в значении очередности элементов, которые находились, к примеру, мы можем привести в сочетании с буквой «Х», которая, в свою очередь, является чередуемой единственного, двойственного, тройственного и множественного чисел: **«русс: я – фр: je – тадж: ман – шугн: wuz» – х, «русс: ты – фр: tu – тадж: ту – шугн: tu»**

– X, «русс: он – фр: il – вай/ў – шугн: yu» – х, «русс: я/ты – фр: je/tu – тадж: ман/ту – шугн: wuz/tu» – X, «русс: я/он – фр: je / il – тадж: ман/вай/ў – шугн: wuz/yu» – х, «русс: ты/он – фр: tu/il – тадж: ту/вай/ў – шугн: tu/yu» – х, «русс: я/ты/он – фр: je/tu/il – тадж: ман/ту/вай/ў – шугн: wuz/tu» – х.

Вполне уместно хотим отметить роль и место Соколовской в русской лингвистике, ее заслуга в том, что она исследовала много аспектов местоимений в языке, применив при этом разноструктурные языки. Также, не отходя от темы, необходимо отметить, что ею были рассмотрены семь «металиц» и способы их выражения не только в русском, но и других языках (более 400 языков).

Особое место в литературе, посвященной исследованию местоименных систем, занимают работы К. Е. Майтинской [Майтинской 1969, 34]. В функционально – семантическом плане личные местоимения сближаются по своему значению и употреблению со служебными или лексически несамостоятельными словами, обладая неоднородными морфологическими и синтаксическими признаками, абстрактно – неопределенным значением и используя для указания на референцию именной части речи в предложении – высказывании. Местоимения не имеют фиксированной «прикрепленности» к конкретному предмету или признаку и требуют дополнительного контекста для реализаций тех или иных значений.

В последние десятилетия повышенное внимание лингвистов к теории актуализации, всестороннее изучение вопросов референции, а также развитие такой области языкознания, как лингвистика текста, привели к необходимости более глубокого рассмотрения средств выражения и семантики личности.

Специального внимания заслуживает ее монография «Местоимения в языках разных систем». Эта работа, опубликованная в конце шестидесятых годов, и на сегодняшний день является актуальным источником типологической информации о местоименных системах различных языков.

Монография Майтинской посвящена выявлению всевозможных типов внутрисистемных связей местоименных слов в разных языках, а также определению степени распространенности этих типов. Особое внимание в работе уделяется вопросу возникновения и развития местоименных слов, а также выявлению закономерностей развития типов некоторых подсистем у этих слов.

Работа Майтинской состоит из двух глав. В первой главе основное внимание уделяется изучению важнейших разрядов местоименных слов (указательных, личных и вопросительных местоимений), во второй главе рассматриваются второстепенные разряды местоименных слов (неопределенные, обобщительно – определительные и отрицательные местоимения, возвратные и возвратно – определительные местоименные слова).

В разделе, посвященном личным местоимениям, Майтинская представляет классификацию местоименных систем по нескольким независимым параметрам:

- по типам указания (системы личных местоимений, противопоставляемые по субъективной ориентации, и по указанию на объективные данные о предмете, в частности по разделению денотатов на группы (классы);
- по формам числа; где особое внимание уделяется способам образования форм неединственного числа;
- по склонению; где рассматриваются способы образования форм падежей.

Отличительным свойством работы является четкое разграничение разделов, посвященных синхроническому описанию местоименных систем, и разделов, содержащих историко – диахронические сведения.

Работа была проведена с использованием материала 250 языков. При этом основой исследования, опорными языками, как их называет Майтинская, послужили финно – угорские языки. Для регулярных сравнений привлекались

германские, романские и русский языки. Майтинская использовала данные других языков (не – финно – угорских и неиндоевропейских) [Майтинской, 1969, 34].

Майтинская выделяет три основных способа формирования мн. числа у личных местоимений:

- морфологический: означающий модификацию формы «я», *ман* т. е. образование плюралиса от соответствующей основы ед. числа с помощью показателя множественности;
- лексический: использование другой основы для обозначения мн. числа; этот способ иначе можно обозначить как супплетивный;
- композитный: при котором формы мн. числа состоят из двух и более простых элементов. Как правило, при этом для выражения значений не ед. числа используются (в качестве основы или аффикса) соответствующие формы ед. числа. В результате чего возникают формы, которые семантически можно представить как **русс: 'я – ты', 'он – я', 'ты – он' – фр: je – tu, il – je, tu – il, ман – тадж: ту, вай (ў) – ман, ту– ў (вай), шугн: wuz – tu, yu – wuz, tu – yu.**

Майтинская, классифицирует местоименные системы по принципу комбинирования этих способов формирования мн. числа в отдельно взятой местоименной системе. Он выделяет, к примеру, языки с морфологическим выражением мн. числа местоимений; языки без морфологического выражения мн. числа местоимений, но использующие лексический способ образования плюралиса по крайней мере в первом лице; языки, использующие морфологический и лексический способы образования плюралиса в формах 1 – го лица; языки, использующие морфологический или лексический способы и композитный способ для образования множественных форм 1 – го лиц; языки, использующие две композитные формы для образования инклюзива и эксклюзива 1 – го лица; языки, использующие специальные варианты одной формы для выражения инклюзивной и эксклюзивной формы мн. числа.

Коллекция местоименных систем, представленная Майтинской, является основным источником типологической информации о морфологической структуре личных местоимений. Анализ систем личных местоимений, предложенный Майтинской, является наиболее полным и всеохватывающим из всех известных работ, посвященных этой теме.

Категория числа личных местоимений является также объектом типологического анализа А. В. Бондарко. В своей работе она ставит задачу выяснить, какие возможны типы систем личных местоимений с точки зрения проявления в них категории числа. Основная цель исследования Членовой – «построить такую типологию, которая позволяла бы рассматривать эти системы не как разрозненные, а как частично сходные, частично различные между собой.

За отправную точку исследования А. В. Бондарко принимает систему личных местоимений, состоящую из 3 – х лиц и 2 – х чисел. Она называет эту модель ядерной, уточняя при этом, что «эта модель не является ядерной в смысле теоретико – множественного произведения, т. е. того минимального набора форм, который присутствует во всяком языке (с. 168)». С помощью ядерной модели Членова строит типологическое описание систем личных местоимений, рассматривая конкретные системы как результат видоизменения ядерной модели. А. В. Бондарко выделяет три основных способа, при помощи которых ядерная модель трансформируется в конкретные системы: редукция, расширение и углубление. При описании типов систем личных местоимений Членова пользуется следующими понятиями: ряд и серия личных местоимений [Бондарко, 1988, 12 – 18].

Ряд – это набор форм личных местоимений одного и того же числа, противопоставленных только по лицу. Серия – набор форм одного и того же лица, противопоставленных только по числу. Пользуясь этими понятиями, основные процессы модификации ядерной модели определяются следующим образом: редукция – есть сокращение числа элементарных форм в пределах серии. Примером редукции может служить выражение значений ед. и мн.

числа одной формой. Расширение – есть увеличение ядерной модели за счет введения дополнительного ряда (рядов) форм. Так, например, в некоторых языках категория числа формируется не только на основе двойного противопоставления ед. и мн. числа, а может быть расширена за счет двойственного, а также паукального чисел. Углубление – это увеличение числа форм в серии без введения дополнительного ряда. Примером углубления может служить развитие во многих языках инклюзивной и эксклюзивной формы 1 – го лица.

Таким образом, многообразие конкретных систем личных местоимений Членова описывает как результат последовательного применения одного или нескольких из перечисленных способов к ядерной модели. Существенным фактором при этом оказывается последовательность применил этих способов.

Любое типологическое исследование начинается с создания языковой выборки. Ни один лингвист не в состоянии принять к рассмотрению все существующие языки; таким образом, возникает проблема выбора ограниченного количества языков, анализ которых мог бы дать представление о реальном положении вещей. Часть этих проблем относится к традиционным и привычным сферам интереса лингвистов; другие же начали активно исследоваться лишь в последнее время и в ряде случаев результатами этих исследований явились принципиально новые данные не только о местоимениях как таковых, но и о грамматике и языковых универсалиях. Дейксис и анафора противопоставлены по функции. Изначально стоит подметить, что дейксис – это установление непосредственной и моментальной связи между референтом и его обозначением, не обращая особого внимания на мимолетные уровни. Исследование личных местоимений таджикского, французского шугнанского и русского языков в функциональном аспекте представляет собой актуальную лингвистическую проблему, непосредственно связанную с теоретическими и практическими потребностями современного языкознания, для него характерно изменение фокуса внимания. Анафора, имеет функцию сохранности, а употребление

дейктических средств, особенно таких как: **русс: «Я», фр: «Je», тадж: «Ман», шугн: «Wuz» и русс: «Ты», фр: «Tu», тадж: «Ту», шугн: « Tu »**, ориентировано только на текущие элементы внешней коммуникативной ситуации, которые, во – первых, в любой момент абсолютно очевидны, а во – вторых, очень быстро сменяются.

Функциональная характеристика личных местоимений таджикского, французского, шугнанского и русского языков в сопоставительном аспекте должна представлять собой систему трех координат: семантики, синтаксиса и прагматики. В соответствии с перечисленными выше многоаспектными характеристиками местоимения формулируется цель исследования.

Языковая выборка, используемая в типологическом исследовании, прежде всего должна отвечать требованиям репрезентативности – способности представлять языки, различные в генетическом, ареальном и типологическом (или структурном) отношении.

В первую очередь, языки должны выбираться из различных генетических семей. Языки, принадлежащие одной языковой семье, по определению обладают сходным набором признаков, следовательно, при рассмотрении языков – членов одной генетической семьи невозможно отличить признаки, которые представляют собой истинные языковые универсалии и те, которые являются признаками непосредственно рассматриваемой языковой семьи.

В результате исследования, базированного на выборке языков одной семьи, может создаться впечатление, что структурные характеристики, присущие данной языковой семье, распространены гораздо шире, чем есть на самом деле. Поэтому во избежание генетической непропорциональности выборки, следует принимать к рассмотрению языки всех языковых семей и изолированных языков.

На практике состав языков, используемых в типологических исследованиях, обычно отличается от рекомендуемой идеальной языковой выборки. Это происходит в силу различных причин, часто от исследователя не

зависящих. Так, например, далеко не для всех языков идеальной языковой выборки существуют надежные грамматические описания или же имеется возможность опросить информантов – носителей этих языков. Не редки случаи, когда грамматики отдельных языков оказываются – в силу социальных причин – не доступны исследователю. Вследствие этого индоевропейские языки – наиболее изученные и распространенные – оказываются широко представлены в привлекаемых языковых выборках.

Местоимение – это лексико – семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус). Дать точное определение местоимению трудно, так как, в отличие от существительного и прилагательного, местоимение не называет какой – либо предмет или качество, а всего лишь указывает на него. Местоимения обладают обобщенным значением, которое проявляется в определенном контексте или ситуации.

Одни лингвисты считали их выразителями наиболее общей идеи предметности, качественности [Верхотурова, 2000 , 29].

Другие, напротив, приписывали и приписывают им чрезвычайно конкретное, но не постоянное, ситуативное изменчивое значение. Третьи видят их основное своеобразие в том, что они характеризуют актант ситуации через его отношение к говорящему лицу или выражают другие отношения, связанные с актом речи.

Четвертые полагают, что местоимения составляют одно из главных средств актуализации языкового знака, установления его связи с обозначаемым, т. е. референтом или денотатом [Лайонз, 1978, 16].

Европейская грамматическая традиция, восходящая к античности, рассматривает местоимение как одну из частей речи, и эта трактовка местоимения сохраняется в описательных грамматиках. Однако в некоторых грамматических теориях 20 века местоимения считаются грамматически

неоднородными и распределяются по частям речи в соответствии со своими главными синтаксическими функциями. В этом случае местоимения – существительные и местоимения – прилагательные включаются в состав более широкого семантического класса местоименных элементов, объем которого определяется исследователями по – разному.

Ш. Балли, Э. Бенвенист подчеркивают, что «связь значения местоименных слов с речевой ситуацией. В этом случае они определяются как актуализаторы или средства перехода от языка к речи» [Балли,1955,78].

Другие ученые указывая на «гетерогенность класса местоимений, считают все же возможным выделение их в отдельный класс на основании ряда общих характеристик, отличающих их от существительных: местоимения не принимают детерминантов, они часто имеют объектный падеж, они также имеют категорию лица, они имеют выраженные родовые признаки, формы единственного и множественного числа очень часто морфологически не соотносятся. Далее они предлагают выделять местоимения на основании частной и общей референции» [Гак,1989, 54].

Итак, до сих пор остается спорным статус местоимения как части речи. Среди причин неправомерности выделения местоимений в отдельную часть речи называют морфологическую и функциональную неоднородность этого класса, отсутствие свойственных только местоимению синтаксических функций.

Как следует из вышеизложенного, в основе разных точек зрения на место данного разряда в системе частей речи лежат два принципа – семантический и синтаксический.

При семантическом подходе учитывается, прежде всего, общий характер семантики местоимений. В соответствии с этим местоимения получают статус самостоятельной части речи.

При синтаксическом подходе учитывается, прежде всего, способность местоимений выступать в функции тех или иных членов предложения, и тогда на основании отсутствия собственных функций местоимения распределяются

в виде отдельных семантических групп среди других частей речи, выполняющих подобные синтаксические функции.

Наиболее распространенным и более целесообразным решением, по – видимому, является признание местоимения самостоятельной частью речи. Такой подход оправдывает себя, так как принят во многих теоретических и практических курсах языка.

Особенно велика роль местоимений в современном шугнанском и французском языке при выражении категории одушевленности – неодушевленности. Эта способность местоимений тем более существенна, что ни артикль, ни формы существительного или прилагательного указанных значений не выражают.

Критике подвергаются Аламшоевым М. ученые, исследующие местоимения: «Двусмысленное употребление указательных местоимений косвенных форм было конкретизировано Файзовым М. (Файзов, 1966, 72), типа шугнанского: **«wam kitob yos – русс: Отнеси ее книгу – тадж: Китоби ўро бар – фр: Portes son livre»**; **«шугн: wam kitob yos – русс: Отнеси ту книгу – тадж: Вай китобро бар – фр: Portes ce livre – là »** [Аламшоев, 1992, 67].

В описании личностных местоимений часто встречается невнимательное отношение многих авторов научных трудов, они не отделяют личное местоимение III лица (мы/вы – мо/шумо – nous/vous – mas – tama), несмотря на то, что сегодняшний памирский язык и его многочисленные диалекты (подвиды) используют указательные местоимения дальней степени регулярно. При том, что бытует уже принятое в пределах нормы мнение об отличительных особенностях местоимений, в чем не раз убеждались многие исследователи, все же, как мы указали ранее, допускаются различные несостыковки.

На особенности форм множественного числа I (я/ты) и II (он/она/они) лиц обращает внимание Д. Карамшоев, однако иных функций и значений не рассматривается. В полной мере не исследован вопрос, связанный с

суффиксами групповой множественности, типа: шугн: **mu tát – at wi amroyen pi kü sifiş** – русс: **Мой отец и его спутники поднялись в гору** – тадж: **Падарам ва ҳамроҳгонаш ба кӯҳ баромаданд** – фр: **Mon père et ses compagnon sont monté à la montagne** и заимствованными словами – местоимениями шугн: **«çunin; amçunin»** – русс: **«так; такой»** – тадж: **«чунин; ҳамчунин»** – фр: **«ainsi; tel»** – шугн: **«iç – andi; çandun»** – русс: **«несколько; сколько – то»** – фр: **«quelques; quelque»** – тадж: **«якчанд – то; андаке»**. Нет четкого категориального определения форм шугн: **«varð»** и **«yiga»** – русс: **«оба; обе и другой»** – тадж: **«харду ва дигар»** – фр: **«tous les deux et autre »** – шугн: **«digayen; digaren»** – русс: **«другие»** – тадж: **«дигарон»** – фр: **«autres»**. Разнобой в интерпретации местоимений наблюдается также при описании и категориальном определении других форм. Так, например, Карамшоев Д. относит шугн: **«хубаѡ»** русс: **«сам»** – тадж: **«хуаш»** – фр: **«lui – même»** к разряду определительных местоимений [Карамшоев, 1963, 130].

По мнению М. Аламшоева: **« – ати – формы по значению и функции относятся к разрядам местоимений»** [Аламшоев, 1992, 77]. Среди лингвистов, изучающих памирские диалекты и их виды еще не сформировалось устойчивого мнения в определении функции грамматического статуса местоимения **«ar»**, который обозначает: русс: **«каждый, всякий»** – тадж: **«хар кадом»** – фр: **«chacun»** – шугн: **«arčai»**.

В опубликованных работах четко и последовательно не рассмотрены вопросительные и неопределенные местоимения с точки зрения структуры и разграничения их по разряду. Не всегда сопоставляются формы и функции местоимений шугнанского языка с местоимениями других языков и диалектов шугнако – рушанской группы. **«А проникновение в глубь и сущность языка невозможно без сопоставления о другим неродственными языками».**

В работах, посвященных шугнанскому языку, в полной мере не затрагиваются синтаксические функции местоимений.

С целью разграничения местоимения как части речи, представляется целесообразна рассмотреть его не как отдельное языковое явление, а еще к по отношению к другим частям речи с точки зрения морфологии и синтаксиса, поскольку «выделение местоимений в отдельную часть речи должно производиться не только на основе специфики их смыслового содержания, но и а учетом степени их морфологической и синтаксической обособленности от существительных и прилагательных», ибо исключительное их семантическое своеобразие приводит к появлению исключительных синтаксических и морфологических особенностей.

В системе местоимений значение одушевленности – неодушевленности выражено во всех группах местоимений, кроме указательных (поскольку указательные местоимения сходны по значению с определенным артиклем, а артикли со значениями одушевленности – неодушевленности вообще не связаны). Особый характер местоимений ярко проявляется в их сочетаемости. Обобщенно – предметные местоимения, в отличие от существительного, не сочетаются с артиклями. Это объясняется отвлеченностью их лексического значения: поскольку местоимение не называет никакого конкретного предмета, не может быть речи о его классификации или индивидуализации. Если взглянуть на историю возникновения артиклей, нам становится ясно, что изначально они произошли из местоимений, и в свою очередь, являются своеобразными местоименными словами.

Местоимение является частью речи, которая отличается своей негармоничностью, самостоятельностью и своеобразными особенностями, также, будучи действительной необходимостью в речи человека, они присутствуют в большинстве языков планеты. Местоимение выделяется как в таджикском, русском, французском так и в шугнанском языках. В каждом из языков местоимения имеют различия, несмотря на их типичность, в основном они отличаются в функциональных процессах.

В отношении местоимений оказываются более или менее несостоятельными все критерии: семантические, синтаксические, морфологические, – используемые для выделения других частей речи.

В виде аргументации выбранного способа анализа, стоит более обширней рассмотреть сравнительно – сопоставительный метод, итак – это одно из сильнейших многосторонних аспектов лучшего познания окружающей среды. Также сравнение может послужить в виду развивающего метода логики и аналитического мышления человечества, так как сравнивая друг с другом предметы или произошедшие ситуации, человек осознает где была допущена ошибка или наоборот – успех.

Таким образом, человек способен сделать дальнейшие выводы из сделанных сопоставительных анализов, дать определенную характеристику и подобрать соответствующие чувства.

Сравнение имеет особое место в жизни людей, как в социальной сфере, так и в научной составляющей. С философской точки зрения, «сравнением выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируется, упорядочивается и оценивается содержание бытия и познания. Сравнить – это сопоставить «одно» с «другим» с целью выявить их возможные отношения; посредством сравнения мир постигается как «связное многообразие». Сравнение лежит в основе суждений о сходстве или различии рассматриваемых объектов.

Ш. Балли, рассуждая относительно этого, писал: «Теоретически безразлично, принадлежат ли они или не принадлежат к одной и той же исторической семье языков» [Балли, 1955, 39].

Необходимо принять тот факт, что значительные отличия в грамматических данных и чертах относительно нынешнего таджикского, русского, шугнанского и французского языков говорят о том, что трудности их типологического сравнения между друг другом – это и есть источник встречающихся нелегкостей в процессе освоения чужого (иностранного) языка.

Не стоит забывать еще и о том, что при сравнительно – сопоставительном методе освоения языков, обязательная база и фундамент для адекватности изучения иностранного языка – это путь к переработке интерференции языка родной. Таковой метод известен своей эффективностью и многофункциональностью, так как при сопоставительном обучении, учащийся сможет узнать самые разные аспекты языка, проанализировать их и запомнить. Таким образом, актуальность данного способа обогащается и повышается.

Для шугнанских языков, можно назвать лишь несколько работ, среди которых: Карамшоев, 1963; Карамхудоев, 1973; Пахалина, 1966; Курбанов, 1976; Бахтибексв, 1979; Мирзабдинова, 1983, Файзов, 1966, Аламшоев 2008. Вопросы сопоставительно – типологического изучения русской и французской грамматических систем отражены в трудах таких лингвистов, как Л.В. Щерба, К.А. Ганшина, А.Г. Басманова, Б.И. Турчина Гак, Брюно, Балли Фодор, Попова, Потапова, Мартин Болтерси и других.

Местоимения являются своеобразной лексико – грамматической категорией слов, исследование которой представляет значительный интерес для любого языка. Специфический характер местоименных слов неизменно привлекал внимание лингвистов, так что местоимениям, как правило, уделяется довольно много места, а научных грамматиках и в курсах истории различных языков. Однако работ монографических, которые теоретически обобщили бы весь круг проблем, связанных с местоимениями, до сих пор, насколько неизвестно, очень мало. Между тем, в самом определении местоимений, характеристике их лексических и грамматических особенностей, в подходе к решению проблемы о принципах выделения местоимений, в особую часть речи мнения исследователей далеки от единства. Существуют неясности даже в трактовке основной группы местоимений, их ядра – личных местоимений, прежде всего в толковании таких понятий, как категории лица и числа (для некоторых языков – и категории рода) в применении к личным местоимениям.

Такие неясности, как отмечалось в литературе, можно наблюдать, например, и в отношении систем личных местоимений в языках, грамматическая структура которых исследована весьма детально, как например, во французском или в русском [Майтинская,1969,29].

Первой задачей описания местоимений, а грамматической системе любого языка является их определение в установление признаков, на основании которых можно говорить о выделении местоимений в качестве особой части речи.

Определение местоимений как заместителей имени, восходящее ещё к античной грамматической традиции, отразившееся в самом наименовании этой группы слов и бытующее до сих пор в некоторых лингвистических работах, было отвергнуто в русской грамматической науке еще в первой половине 21 века [Павский,1850, 249 – 250].

В самом деле, замещение имен – лишь одна из функций местоимений, причем далеко не всех. Так, частности, личные местоимения первого и второго лица, вопросительные и неопределенные местоимения вообще не выступают в качестве заместителей имен. Определение местоимений как слов, замещающих имена, неверно также и потому, что оно полностью игнорирует специфику лексического значения местоимений.

В русской грамматической науке основное внимание в исследовании местоимений уделялось трем проблемам:

1. Характеристике лексика – семантического своеобразие местоимений;
2. Анализ их грамматических особенностей.

Так, уже в 1850 г. Г. Павский писал: «Местоимения не заменяют имен, а служат только указанием на них или напоминанием об них, вовсе не выражены качества, вида, числа вещей, только намекают на них. Местоимение не только не заменяет имени, но даже прямо противоположно ему... Как номер или заглавие книги не может заступить место самой книги, так точно и местоимение не заступает места имени» [Павский,1850, 249 – 250].

В этом плане не вполне точным представляется определение, данное в вузовском учебнике по морфологии таджикского языка: «*Одатан ҷонишин ба ҷои ягон ҳиссаи номии нутқ (ном, сифат, шумора ва зарф) қор фармуда мешавад*» [Грамматикаи забони тоҷикӣ, 1998, 90].

Многие исследователи видят своеобразие местоимений прежде всего в том, что этот разряд слов не называет понятия, а лишь указывает на них. Так, Ф.Д.Ашнин пишет: «Местоимения – это слова конкретное реальное значение которых определяется всецело ситуацией. Неограниченная возможность самых разнообразных конкретных значений в местоимениях приводит к тому, что в отрыве от данной конкретной ситуации они обладают всеобщностью значения [Ашнин, 1956,72]. Сходное определение приводится в академической «Грамматике русского языка»: «Среди слов знаменительных резко выступает небольшой разряд местоимений, то есть таких существительных, прлагательных, отчасти наречий и числительных, которые в сущности, не называют никаких категорий лиц, предметов, качеств или чисел, а лишь тем или иным способом указывают на них. Это точка зрения восходит к теории, находящей свое крайнее выражение в распределении местоимений по классам имен существительных или прилагательных [Грамматика русского языка,1952,26].

Другие ученые видят специфику местоимений в их функции, в том, что они замещают знаменительные слова. Эта точка зрения, как указывалось выше, восходит к греко – римской грамматике (ср. терминологию: древнегреч и др) [Бабайцева,1991,64].

Сходная трактовка отчетливо сформулирована, например, М.И. Стеблин – Каменским, полагающим, что местоимения – это слова, выражающие отношение говорящего к действительности, требующие уточнения в процессе речи по отношению к предмету речи [Стеблин – Каменским,1957,82 – 83].

Применительно к афганскому языку сходной точки зрения придерживается крупнейший советский иранист В.А.Лившиц: «Местоимения выступают как слова, указывающие на предметы и признаки предметов в их

отношении к говорящему... Местоимения указывают предметы самым общим образом, отвлекаясь от конкретных качеств и свойств предметов, причем отражают в своем содержании отношение к предметам субъекта речи» [Лившиц, 1952,19].

Можно выделить следующие существенные признаки местоимений:

- а) местоимения не называют, а указывают;
- б) для местоимений характерна высокая степень отвлечения от конкретных качеств и свойств денотата (обозначаемого);
- в) местоимения отражают отношение говорящего к денотату.

1.2 Местоимения в системе частей речи в разносистемных языках

Местоимения (например, в индоевропейских языках) обладают определенными чертами сходства с существительными прилагательными. Лично – предметные местоимения, подобно прилагательным, обозначают признаки предмета.

Местоимениям свойственны основные морфологические категории существительных. Они способны выступать в предложении в тех же синтаксических функциях, которые присущи существительным и прилагательным – подлежащего, прямого и косвенного дополнения, определения, предикативного члена. Все это давало повод некоторым лингвистам не признавать местоимения в русском языке, равно как и во многих других современных индоевропейских языках, отдельной частью речи и распределять их между существительным и прилагательными (местоименные наречия относят обычно к числу наречий и те авторы, которые сохраняют местоимения в качестве отдельной части речи).

В то же время местоимениям присущ ряд особенностей, не свойственных другим частям речи. Местоимения обозначают предметы самым общим образом, в отвлечении от их конкретных качеств и признаков, указывая вместе с тем на отношение говорящего к предмету. Категориальным значением местоимений как части речи, прежде всего отличающим их от других слов является указание на предмет, исходя из данной ситуации.

Функция указания является ведущей для местоименных слов, определяющей их смысловое значение. Признаки, выражаемые местоимениями, ограничены сферой указательных и определительных отношений. Местоимениям присуща высокая степень общего и отвлеченного в их значении и, наряду с этим, способность конкретизироваться в контексте речи, в каждом отдельном случае их употребления. Эта особенность местоименных слов, их смысловая всеобщность.

Некоторые местоимения способны выступать в качестве заместителей имени; так, среди таджикских местоименный в роли заместителя имени могут выступать лично – предметные: **тадж: вай, ӯ, вайҳо, онҳо, онон** – **русс: то, тот, те, они**, **шугн:уо,вад фр: celui – là, celles – là** указательные **тадж: ин, он, хамин, хамон, шугн:уам,уо,мад,вад** – **русс: этот, эти, это, эта, се, ces, cette, celui – ci, celles – ci.**

Разделяя основные грамматические категории имен существительных и прилагательных, местоимения в то же время обладают рядом особенностей в формах выражения этих категорий. Так, в русском языке склонение многих местоимений представляет не только изменение окончаний, но и изменение основ, и в русских личных местоимениях отчетливо выступает супплетивность падежных форм; указательные, притяжательные и определительные местоимения в русском языке отличаются от прилагательных некоторыми падежными формами, и т.д.

Сходные явления отмечаются и в древнеиранских языках, как и вообще в индоевропейских языках [Мейе, 1938, 332]. С разрушением системы склонения исчезла главная морфологическая характеристика местоимений – особый тип местоименного склонения.

В среднеиранский период в среднеперсидском языке сохранились лишь реликты склонения. Так, например, личное местоимение 1 л. ед. ч. имело две падежные формы – прямого и косвенного падежа, но уже в III в.н.э форма прямого падежа употребляюсь редко и нерегулярно [Расторгуева,1953, 632–634].

Однако и в дальнейшей истории таджикского и персидского языка в местоимения сохранили ряд морфологических особенностей. Ниже мы покажем особенности выражения грамматических категорий лица и числа в системе личных и лично–предметных местоимений в современном таджикской языке и попытаемся ответить на вопрос о том, имеют ли понятия «категория лица» и «категория числа» в применении к этим местоимениям такое же значение, как в применении к глаголу и существительному.

В отличие от русского и французского языков, не имеющих особенностей в категории числа в системе личных местоимений, форма множественного числа личных местоимений в данных языках образуется скорее супплетивным способом, то есть при помощи разных корней (основ). Особенно интересной и исключительно редкой формой образования множественного числа в системе личных местоимений обладает таджикский язык. Сравним:

лицо	
единственное число	множественное число
I ман – я – je	мо, моён, моҳон – мы – nous
II ту – ты – tu	шумо, шумоҳо, шумоён – вы – vous
III вай, у, он – он, она, оно – il, elle	онҳо, онон, вайҳо – они – ils, elles

Местоимения обладают в некоторыми синтаксическими особенностями. Так, в русском языке местоимения, в список исключения входят притяжательные местоимения, такие как: **русс:** «его/ ее/ их», **фр:** «son/ sa/ leur», **тадж:** «аз они вай/ӯ/ аз они онҳо» **шугн:** «wend/ wamand/ wefand».. Они не имеют родительного падежа со значением принадлежности; лично – предметные местоимения не могут иметь при себя небособленных адъективных определений, и т.п.

Подробное исследования в диахронии таджикского местоимения произведено Б.Сияевым в его докторской диссертации и монографии. Исследование Б. Сияева целью анализировать распределение форм местоимений, в особенности, функционирование местоимений таджикского языка в историческом аспекте. В его работе выявлен по периодам и текстам изменение синтаксических функций различных разрядов местоимений. Что касается личных местоимения в работе Б. Сияева основной акцент сделан на

рассмотрение категории лица, числа, историю функционирования и изменения в парадигмы личных местоимений в таджикском языке [Сияев, 2003, 44].

В таджикском языке, где основным типом определительных инструкций является изафетное словосочетание, в котором определение находится в постпозиции к определенному, для большинства местоименных определений характерна, напротив, препозиция.

Личные местоимения, выступая как знаменательные слова, могут, в отличие от существительных, одновременно выполнять и функции служебного слова – обозначать лицо спрягаемого глагола. Эта особенность личных местоимений связано с тем, что понятия лица и числа, составляющие их лексическое содержание, являются для глагола формальными грамматическими категориями положение во французском языке, где основная тяжесть выражения категорий лица и числа глагольных форм ложится на личные местоимения; такое же явление имело место и в истории таджикского языка – в среднеперсидском языке при формах переходных глаголов в прошедшем времени лицо и число выражались нередко лишь местоимениями.

Совмещение функций знаменательного и служебного слова характерно также для относительных (или вопросительно – относительных) местоимений – так, в частности обстоит дело с таджикским местоимением **тадж: кӣ – русс: кто – шугн: ħai – фр: qui** выступающим и в функции союза («кӣ» и «ки» по происхождению являются одним и тем же словом); так произошло в истории таджикского языка с изафетным показателем **(и)**, развывшимся из относительно –указательного местоимения и сохраняющим и в современном языке явные следы своего исходного релятивного значения и употребления.

Несомненно, что отсутствие общих грамматических (морфологических, синтаксических и словообразовательных) признаков, которые были бы характерны для всех разрядов местоимений в таджикском языке (как и в других иранских языках, равно как и вообще в индоевропейских), в сильной

степени усложняет вопрос о критериях выделения местоимений в отдельную часть речи. Высокая степень отвлеченности, присущая лексическому значению местоимений, и широкое привлечение личных и других местоимений для грамматического служения приводят к тому, что некоторые лингвисты исключают местоимения из числа знаменательных слов (слов – названий) и считают их словами формальными, незнаменательными, служебными [Буслаев 1869, – 180].

Против отнесения местоимений к числу формальных, незнаменательных слов протестовал ещё А.А.Потебня. Оспаривая правомерность применения к местоимениям термина «формальность»; он писал: "Оснований деления здесь два: ответственность и значение отношения (формальность)", но не всякая отвлеченность есть формальность, так, что в сущности, здесь смешаны два деления. Число есть одно из высших отвлечений, но числительное не есть слово формальное..., оно заключает в себе, а не предполагает только, в прошедшем как лексические, так и формальные стихи [Шахматов, 1941, 422 – 423].

А.А.Потебня подошел к правильному пониманию лексика – семантического значения местоимений, увидел в них не только выражение отношения, но прежде всего обозначение предметов посредством субъективного на них указания. Потебня считал местоимение словом знаменательным, но в противоположность именам, словом не «качественным», а указательным. «Не требует доказательства, – писал А.А.Потебня, – то, что в тот, этот мы различаем указание, как частное содержание этих слов, и грамматическую форму: род, число и пр. Местоимения, кроме некоторых случаев, означают не отношения и связи, а явления и восприятия, но связи, а явления и восприятия, но обозначают их не посредством признака, взятого из круга самых восприятий, а посредством отношения к говорящему, то есть не качественно, а указательное» [Потебня, 1874, 82].

В.А. Богородицкий выделял личные местоимения из числа других местоименных слов и включал их в состав слов «полнозначных», относя их, наряду с существительным и глаголами, к числу слов «с самостоятельным собственным значением». Вместе с тем местоимения «определятельно – указательные» В.А.Богородцкий помещал в состав слов, «относящихся к существительному наряду с именами прилагательными и числительными [Богородцкий, 1935, 104 – 106] .

Таким образом, в грамматической концепции В.А.Богородицкого местоимениям отказывалось в праве именоваться особой частью речи. Не считал местоимения частью речи и Л.В.Щерба по мнению которого «старая группа местоимений распалась, а новых отчетных противоположений местоименных прилагательных и существительных... не выработалось» [Щерба, 1957, 63 – 84].

Местоимение обозначают ситуативный признак; ситуативный признак – это отношение того, о чем говорят, и собеседникам (и в первую очередь – к говорящему лицу) как к центру речевой ситуации.

Местоимение, однако может выступать в абсолютном употреблении, представляя в системе частей речи (наряду с числительным) такой компонент, который объединяет и конкретное, лексическое значение, и абстрактное, обобщенное: значение, приближающейся к грамматическому.

Благодаря этому оказывается возможным дифференцировать внутри системы не только тип признака, но и тип автономной сущности. Здесь, правда, имеется важное различие. Ибо если тип признака устанавливается в соответствии с основными элементами структуры реальной действительности особым образом преломленной в сознание, то тип автономной сущности устанавливается в соответствии со способом её изображения, диктуемым условиями речевой ситуации. При этом автономная сущность изображается через указание на всю совокупность свойственных ей признаков, посредством слова, передающего понятие о ней и соотносящего ее с классом подобных ей объектов.

Кроме того, автономная сущность может изображаться. Это значит, что предметы (явления и.т.п) обозначаться могут в речи обозначаться лишь через указание на один признак (ситуативный) посредством слова, указывающего на положение по отношению к центру данной речевой ситуации. В результате понятие с соответствующем предмете эксплицитно оказывается невыраженным. Оно либо вовсе отсутствует, либо выражается только частично; например, через формы местоимений, обозначающие одушевлённость, неодушевлённость и другие качества категории), либо имплицитно наличествует в сознании собеседников. Лексически выраженным оказывается лишь понятие об отношении предметов к собеседникам, которое показывает, как он «описывается» в соответствующую обстановку речи. Этим и объясняется смешанный характер общего значения местоимений, которым определяется его «двойное» место в системе частей речи.

Соответственно, по своему значению местоимения делятся на две неравные в количественном отношении группы:

- 1) обозначающие участников речевого акта (собеседников),
- 2) обозначающие предметы их речи. Последние подразделяются на указательные и неопределенные .

Сопоставленные характеристики местоименных слов в языках различных систем и разной типологии показывают К.Е.Майтинской, что местоимения имеют ряд специфических формальных признаков, которые позволяют выделить их в самостоятельный класс слов [Майтинская, 1969, 66].

Следует, однако, подчеркнуть, что черты грамматического своеобразия у отдельных разрядов местоименных слов проявляются в языках весьма различно. Выявление формальных особенностей местоименный является частью общей процедуры грамматического анализа, целью которого является определение признаков, по которым элементы любой языковой структуры (и, следовательно, элементы структуры частей речи) различаются между собой, и определение системы соотношений этих элементов поскольку именно соотносительность элементов превращает части речи из собраний

разрозненных слов в цельные, грамматически организованные классы. Но поскольку части речи – не только лексические, но и грамматические классы слов, характеризуемые определенными совокупности формальных признаков, которые выражают грамматические категории, и поскольку каждая грамматическая категория – это единство грамматического значения и формальных средств его выражения, то при попытках классификации частей речи и научного их описания в разной мере должны учитываться как смысловые свойства слов, так и их формальные признаки – средства выражения грамматических значений.

Трудности выделения местоимений в особую часть речи объясняются, прежде всего, тем, что формальных признаков, которые был бы свойственной всем разрядом местоименных слов, или нет вовсе, или их очень немного. Исследователи, исходящие только из морфологического принципа выделения частей речи нередко относят к местоимениям лишь те их разряды, которые грамматически четко отличаются от других слов. Так поступали, например как было отмечено выше, многие русские языковеды (в том числе и А.М. Пешковский). Применительно к современному русскому языку этот принцип последовательно проведен в последнем по времени фундаментальном описании его грамматической структуры – в новой академической грамматике. В этой работе в особый грамматический разряд выделены только «местоимения существительные», среди которых рассматриваются личные я, ты, мы, вы, возвратное себя, указательное он (она, оно, они), вопросительные кто, что, неопределенные кто – то, что – то, кто –нибудь, что –нибудь, кто –либо, что –либо, кое – кто, кое – что.

Как можно видеть, общеграмматическое значение у местоименных слов выражается корневым элементом, то есть входит в их лексическое значение. Если обратиться, например, к французскому языку, то, как и во многих других современных индоевропейских языках, в нем выступает весьма сложное соотношение грамматических признаков, по которым местоимения противопостоят другим словам и признакам, которые сближают местоимения с

другим частями речи. Так, личные местоимения предоставлены парами однокоренных форм тождественного значения, одна из которых употребляется атрибутивно, другая – абсолютно. В отличие от прочих частей речи, французские местоимения охраняют специальные формы среднего рода, связанные с выражением категории одушевлённости и неодушевлённости [Гак, 1989, 67].

Личные местоимения сохраняют остатки склонения. Подавляющее большинство местоименных форм не допускает употребления артикля (ни в атрибутивной, ни в абсолютной функции), у остальных местоимений его использование имеет особое значение. Местоимения, как правило, не могут быть исключительно препозитивны (черта, общая с числительным) и др.

«Специфика значений, свойственных местоимению, сближает их, как замечено исследователями, со значениями таких грамматических категорий, как лицо, время наклонение модальность и др. Этим объясняется легкость, с которой происходит грамматикализация отдельных местоименных форм. Но это не может служить основанием для исключения местоимений из состава частей речи»

Наиболее полная характеристика особенностей лексического содержания местоимений принадлежит академику В.В.Виноградову. Она изложена в его теоретической грамматике русского языка, но имеет, несомненно общелингвистическое значение. Как слова субъективно – указательные, определяющие действительность в ее отношениях к говорящему, данной ситуации речи, местоимения выделяются в особый лексика – семантических тип слов [Виноградов, 1938, 145 – 146].

Местоимения – это указательные слова «с меняющимся применением и следовательно, сменяющимся конкретным содержанием в зависимости от субъекта, обстановки, ситуации речи. В разговорной речи обстановка и синтактико – фразеологические связи, в книжной речи контекст определяют смысл местоименных слов, их отношение к конкретным предметам и явлениям».

Местоимения характеризуются также «неопределенностью вещественного значения корня – основы. В них отсутствуют номинативное отношение к постоянным предметам, качествам и обстоятельством...Они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим[Виноградов, 1938,323].

Этот древний грамматический класс указательных слов в процессе исторического развития индоевропейских языков подвергая разложению. Большая часть этих слов слилась с категориями прилагательных и наречий или превратилась в частицы речи; «лишь небольшая группа местоимений, указывающих на лица и предметы, до сих пор остается вне системы живых грамматических классов. Эта группа до сих пор сохраняет яркие признаки своего грамматического своеобразия.

Одновременно идет, однако, и другой встречный процесс – развитие местоименных значений у существительных и прилагательных, процесс прономинализации. Существительные, имеющие такие значение, как **«русс: человек – тадж: одам, шугн:odam, фр: homme»**, **«русс: люди – тадж: одамон, шугн: odamen, фр: gens »**, **« русс: вещь – чиз, тадж: ċiz, фр: chose»**, **«русс: дело – тадж: кор, шугн: kor, фр: affaire»**и некоторые другие прилагательные типа **« русс: известный – тадж:машхур – фр: connu, шугн: маѣur »**, **« русс: определенный – тадж : муайян – фр: défini, шугн: muaiyan»**, **русс:следующий – тадж:дигар – фр: suivant – шугн: digar »** могут терять конкретность своего лексического значения и тяготеть по этому признаку к местоимениями [Гвоздев, 1950, 23].

В некоторых случаях процесс прономинализации ведет к полному переходу существительного, прилагательного или наречия в состав местоимений. Таким был, например, путь немецкого местоимения **man** «некто», «что-то», возникшего из существительного **mann** «мужчина», «человек», или французского «оп»некто», происходящего из латинского **homo** «человек». В других случаях прономинализация коснулась только значения, не сопровождаясь преобразованием звукового облика слова и

грамматической его трансформацией. Такой тип прономинализации, наиболее частый, широко представлен в русском языке (*например, русс: друг друга – тадж: якдигар – фр: l'un l'autre – шугн: yakdigar*) [Буслаев, 1869, 180]. как и в таджикском, в котором в состав местоимений оказались втянутыми, например, числительные (*тадж: як – фр: un une – русс: один – шугн: yiv*), прилагательные, в том числе и арабского происхождения (*например, тадж: фалон, баъзе – фр: un tel, quelques – русс: такой – то, некоторые – шугн: yelav*).

Встречные процессы разложения древнего класса местоимений и пронаминализации некоторых имен привели В.В.Виноградова к выводу о том, что «понятие местоименности в современном языке — понятие лексико — семантическое» иначе, говоря, что местоимения выделяются прежде всего с точки зрения их значения, а не по грамматическим признакам [Виноградов, 1938,324].

Несомненно, что вопрос о степени обособленности местоимений в целом среди других частей речи, иначе говоря, вопрос о потенциале местоимений как части речи должен решаться в разных языках различно. Критерии выделения частей речи в языках различных семей и главное, различной грамматической типологии могут не совпадать.

В таджикском языке части речи дифференцируются по значению, формальным признакам (морфологическим, относя еще и словообразование) и синтаксическим функциям. Если применить эти критерии к местоимениям, то оказывается, что таджикские местоимения четко выделяются из числа других слов по значению, но весьма неоднородны с точки зрения грамматического своеобразия, специфики, отличающей их от других частей речи.

В классе местоимений можно выделить центральные элементы (ядро класса) и элементы периферийные. О наличии такого деления свидетельствует и типологический анализ. Ядро местоимений, прежде всего местоимения личные. Предметные, представлены в подавляющем большинстве

исследованных языков. Другие же разряды предоставлены в языках весьма различно, причем их классификация часто зависит от методики исследования. Как было отмечено, ядро класса составляют личные и лично – предметные местоимения. К ним примыкают указательные и вопросительные местоимения; такой состав центральных разрядов местоименных слов характерен для индоевропейских, тюркских, монгольских, финно – угорских и семитских языков, сходное положение наблюдается и во многих других языках мира.

Периферийные разряды – притяжательные, возвратные, определительные, неопределенные и другие могут отсутствовать в классе местоимений. Так, таджикский язык (как и большинство других иранских языков) не имеет особых притяжательных местоименных форм: во многих индоевропейских и финно – угорских языках отсутствуют специальные относительные местоимения (это положение характерно, в сущности, и для таджикского, в котором функции относительных выполняют местоимения вопросительные); отсутствуют особые неопределенно – личные местоимения и т.д. [Майтинская, 1969,34].

Подходя к этой проблеме с точки зрения грамматической соотнесенности местоименных слов с другими частями речи, можно отметить что «местоименные существительные» обычно входят в состав центральных разрядов; часть местоименных прилагательных также тяготеет к ядру класса местоимений (указательные местоимения, по грамматическим признакам нередко сближающиеся с прилагательными), тогда как другие «местоименные прилагательные» относятся к периферийным разрядам (равно как и местоименные числительные» и «местоименные наречия»).

Ниже будет показано, как «периферийность» и центральность соотносятся с явлениями прономинализации и депрономинализации.

Как и в других языках, местоимения в современном таджикском языке включают и элемент динамики: в них отражаются процессы развития. Местоимения как часть речи пополняются словами из других классов – в этом

случае имеется в виду прономинализация; местоимения и сами с другой стороны, переходят в другие классы слов (депрономинализация).

Глубокое рассмотрение процесса прономинализации привело бы к необходимости изучения происхождения местоимений вообще, что выходит за пределы стоящих перед нами задач; история таджикских местоимений (от древнеиранского состояния) излагается в соответствующих разделах работы.

С точки зрения современного языка таджикские местоимения могут быть разделены на такие группы:

а) Местоимения, корни которых восходят к древним (древнеиранским и, соответственно, индоевропейским) местоименным корням. К этой группе в таджикском языке, как и в русском, относятся прежде всего личные местоимения.

Сюда же следует отнести указательные, возвратные, вопросительно – относительные (кӣ, чӣ) и некоторые неопределенные местоимения. Местоимения последней группы имеют сложную судьбу: **тадж: кас ё чиз – русс: кто – нибудь или что – то – фр: quelqu'un ou quelque chose de, шугн: ҷаӣ, ҷиз** восходящие к др. «*-ur. kas – cit u cis – cit*» сперва превратились в существительные, то есть депрономинализировались, а затем вновь были втянуты в орбиту местоимений, хотя грамматически от имен существительных полностью не обособились.

б) Местоимения, перешедшие в эту часть речи уже в средне – персидского языка – ближайшего предка новоперсидского и таджикского). На материалах многих языков установлено, что в местоимениях отражаются очень глубокие процессы языковой эволюции, протекающие, как правило, весьма медленно, в течение столетий. Поэтому удается найти сравнительно немного примеров стойкого переходов слов из других частей речи в местоимения – таких как, например, **англ. self, нем. selbst, франц. on, нем. man. арабск binafsihī «сам» (nafс – «душа»), узб.ўз «сам»** (и соответствующие формы в других тюркских языках, восходящие к существительному со значением «сущность, существо»), **афг. дзан «сам»** (из перс. джан). Для

древнеиранских языков примером такого рода является tanu «тело» (др. – перс. tan, извест, tan, ср.др. – инд. tanu, выступающее в качестве эквивалента возвратного местоимения; в последующие периоды истории иранских языков tan «тело» (<tanu) самостоятельно в качестве местоимения не употребляется, ср., однако, xestan в классическом фарсѣ, которое, подобно современному таджикскому хештан (языке поэзии, а также в архаичном и сатирическом стилях грозы), выступало в качестве возвратного местоимения.

Среди местоимений современного таджикского языка к словам такого типа можно, видимо, отнести дигар «другой», восходящее к древнеиранскому dvitiya – kaza (древнеперс. dūvitiya – и. eduituo) и прономинализовавшееся уже в среднеперсидском языке, хотя грамматическом и не утратившее связей с именами прилагательными.

б) Местоименные слова арабского происхождения. Таких слов сравнительно немного, все они принадлежат к «периферийным» разрядам местоимений, причем прономинализация их произошла, в основном, уже на персидского – таджикской почве (в раннесредневековом фарси) и не сопровождалась разрывом грамматических связей с именами существительными и прилагательными (например, фалон, баъзе – *un tel, quelques* – такой – то, некоторые – *yelav*). б) Местоименные элементы, заимствованные из узбекского языка. К их числу относится **ким**, входящее в состав сложных неопределенных местоимений *тадж: ким кӣ, ким чӣ, ким кадом* – *русс: какой – то, что – то* – *фр: un certain – quelque chose de – шугн: harčaica*. Заимствование из узбекского в таджикские говоры можно датировать, видимо, периодом на ранее ХХІ – ХХІІ вв., в таджикский письменный литературный язык узбекские местоимения проникли из северных таджикских диалектов и утвердились в нем совсем недавно – в 20 – 30 гг. нашего столетия, в период, когда оформились нормы современного таджикского литературного языка.

д) Слова, обнаруживающие признаки перехода к местоимениям в настоящее время. В любой период развития языка некоторые

существительные, прилагательные, числительные, наречия могут приобретать более общее значение, что создает предпосылки для их прономинализации; произойдет ли она окончательно – предсказать невозможно. Применительно к русскому языку об этом писал В.В.Виноградов: «Существительные лишаясь конкретно – предметной знаменательности, иногда становятся чисто формальными словами, частями составных аналитических форм. Такая утрата лексического значения свойственна, конечно не всем существительным, а лишь равнительно немногочисленной их группе, куда относятся: человек, народ, вещь, простореч. малый, женщина, вулгарн. баба, фамильярн. парень, душа, животное и некоторые другие»

Может показаться, что в этих случаях происходит и грамматическое преобразование имен в местоимения и что соответствующие слова теряют связь со своими прежними классами. Но это не так. Между древними местоимениями и новыми грамматическая разница все же сохраняется. Новые местоименные существительные сохраняют все грамматические признаки своей категории (т.е. класса существительных), все особенности своих систем, своих парадигм. Вторичные лексические местоимения резко отличаются по своей морфологической природе от «прожиточной» группы старых местоимений»[Виноградов, 1938,325].

Местоимения в современном таджикском языке не подвергались до сих пор детальному исследованию. Известна лишь одна монографическая работа, посвященная одному из разрядов таджикских местоимений – энклитическим местоимениям: кандидатская диссертация А.Л.Бухаризаде. Краткие сведения о составе класса местоименных слов содержатся в школьных учебниках таджикского языка; более точный обзор дан в учебнике таджикской морфологии для высших учебных заведений

Выделение местоимений в особую часть речи в школьных учебниках производится исключительно по семантическим признакам, причем мало внимания обращается на грамматическую специфику отдельных

местоименных слов, так что степень грамматической обособленности различных местоименных разрядов остается, в сущности, не выявленной.

Исключительно ценные наблюдения над особенностями употребления местоимений в таджикских говорах и замечания по поводу состава отдельных местоименных разрядов в диалектной речи содержатся в многочисленных диалектологических работах, особенно в трудах В. С. Расторгуевой.

Историческому развитию местоимений в иранских языках уделил много внимания. В. А. Лившиц в своей работе, посвящённой местоимениям в афганском языке (пашто); его наблюдения очень важны для понимания истории таджикских местоимений.

Мы сочли целесообразным привести в соответствующих главах диссертации самые краткие сведения по истории местоименных форм таджикского языка, используя грамматическую литературу по древнеперсидскому языку, а иногда привлекая материалы по языкам Авесты и древнеиндийскому.

Работы, в которой было бы прослежено развитие системы местоимений в иранских языках – от древнеиранского состояния до современных языков, до сих пор нет. В этой связи следует остановиться на книге Н. Раста «Происхождение персидских местоимений» (на персидском языке), опубликованной в Тегеране в 1955 году [Rast, 1955, 97].

В этой работе содержится сводка данных о формах личных местоимений в иранских языках, как древних, так и современных. Соответствующие данные собраны автором из публикаций текстов, грамматических и диалектологических работ, опубликованных до 1953 года. Сводка эта, однако, далеко неполная, и главное, не систематичная: автор не сумел правильно «привязать» современные формы личных местоимений в иранских языках к соответствующим древне – и среднеиранским формам, так что читатель не получает ясного представления об истории личных местоимений.

Как было отмечено выше, разделы, посвященные местоимениям в современном таджикском литературном языке, в учебниках таджикского языка весьма кратки. Классификационные схемы, представленные в этих учебниках, различаются главным образом в определении состава «периферийных» разрядов. Из более существенных расхождений отметим следующие:

а) во многих школьных учебниках к числу местоименных энклитик (бандакчонишинҳо) отнесены не только энклитики **–ам, ат, аш, амон, ашон,** но и глагольная флексия (**ам, ӣ ад, ем, ед, анд**) и формы глагола – связки (**ам, ӣ, аст, ам, ед, анд**). Совместное рассмотрение местоименных энклитик с глагольными флексивными показателями лица и числа и с формами глагола – связки является данью арабского – персидской грамматической традиции. В таджикских школьных учебниках совместное их рассмотрение существовало довольно долго (до середины 50 – х годов), так что местоименные энклитики, часто именуемые притяжательными местоименными суффиксами» (бандакчонишинҳои соҳибӣ), рассматривались вместе с бандакчонишинҳои хабарӣ (т.е. формами глагола – связки) и бандакчонишинҳои феъли (т.е. глагольной флексией лица и числа).

б) Большинство авторов не упоминает о том, что вопросительные местоимения в таджикском языке могут выступить и как относительные: считается, очевидно, что функции относительных местоимений выполняют в таджикском только союзы (прежде всего союз **ки**).

в) Многие авторы рассматривают местоимение и сочетание его с тадж: *тадж: кӣ, чӣ, кас, чиз, кадом* – *русс: кто – кто –нибудь, что, что – то, который* – *фр: qui, que, quelqu'un quelque chose de, quel* – *шугн: ĉai, ĉiz, ĉidum* в качестве особой группы отрицательных местоимений.³⁾ Мы объединяем эти местоимения с неопределенными, поскольку негативное указание, выражаемое ими, выступает только в отрицательных предложениях и зависит от наличия отрицания.

г) В классификационных схемах, выдвигавшихся авторами школьных учебников в 30 –х гг., выделялись особо «притяжательные местоимения», сюда отнесены обороты типа *тадж: аз они ман – русс:мой – фр:mon – шугн: mund*. Аналитическое конструкции такого рода, образуемые на основе служебного употребления указательных местоимений, не представляют собой новых лексем и не могут выделены в особый разряд местоименных слов.

В вузовском учебнике по таджикской морфологии С.Д.Арзуманов, автор раздела «Местоимения», выделяется следующие разряды местоименных слов:

- 1) личные (шахсӣ);
- 2) возвратно – выделительные (нафсӣ – таъкидӣ);
- 3) определительные (таъинӣ);
- 4) вопросительные (саволӣ);
- 5) указательные (ишоратӣ);
- 6) неопределённые (номуайянӣ);
- 7) отрицательные (манфӣ) [Арзуманов, 1956, 91].

Выше говорилось уже о том, что так называемые «отрицательные местоимения» более целесообразно включают в разряд неопределённых. С другой стороны, анализ показывает, что вопросительные местоимения функционально выступают и как относительные, а потом целесообразно рассматривать обе их функции.

Классификация таджикских местоимений в грамматическом очерке В.С.Расторгуевой 2) включает:

- 1) личные (самостоятельные и местоименные энклитики);
- 2) указательные;
- 3) вопросительные;
- 4) возвратно – определительные;
- 5) неопределённые;

Такое явление мы находим и в учебнике для еврейско – бухарских школ. Мы придерживаемся этой классификации, внося два уточнения:

а) вопросительные местоимения рассматриваются и в их относительной функции;

б) ряд особенностей позволяют выделить в отдельный разряд определительные местоимения [Расторгуева, 1954, 240].

От отношения к принципам выделения местоименных слов в особую часть речи во многом зависит также подход к классификации местоименных слов. При этом «чем строже выдерживается грамматический, прежде всего морфологический, принцип, тем меньше разрядов слов отнесено к местоимениям; чем больше применяется лексической принцип, тем более разнообразны разряды слов, включаемые в грамматических работах в раздел о местоимениях»[Майтинская, 1969, 37].

Известен ряд принципов классификации местоимений.

Во – первых, это принцип морфологический. При нем основанием для классификации служат морфологические особенности местоимений; например, древнеиранские местоимения при таком подходе традиционно разделяются на изменяющиеся по роду и на не имеющие словоизменения по роду. Классификация при таком подходе часто двухступенчатая, следующая степень в классификации древнеиранских местоимений – разделение по корням; местоимения, образованные от корня, и т.д. Это точка зрения, приводящая к последовательной классификации, применим, а, к сожалению, лишь в языках четко выраженной синтаксической структуры и морфологической «прозрачности». Местоимения в таких языках, как английский, французский или таджикский, в силу «скрытого» характера их грамматических категорий и вследствие аналитичности этих языков, не могут быть последовательно и удовлетворительно классифицированным таким способом.

Во – вторых, лексико – грамматический принцип, когда местоимения классифицируются в зависимости от того, какие лексико – грамматические разряды теми или иными местоимениями замещаются. В этом случае выделяются: местоимения – существительные; местоимения –

прилагательные; местоимения – числительные; местоименные наречия [Самойленко,1959, 48].

Этот принцип требует четкой классификации частей речи; кроме того, нельзя не заметить, что получаются довольно большие рубрики.

В – третьих, семантический принцип, применяемый со времени античной грамматики и являющийся в сущности комплексным: при применении этого способа учитываются и семантические функции (неопределенность «личность и предметность», определительность и т.п.), и синтаксическая роль местоимений и морфологические особенности. Этот способ с успехом применяют для различных языков. То, что он способен точно раскрыть природу местоимений таджикского языка, показывает соотносительность разрядов – существование некоторого подобия «парадигмы» местоимений члены которой находятся в определенной корреляции с точки зрения характера указания на предмет:

- указательное: *тадж: ин гуна – русс: такой, этот – фр: tel, celui – ci, celle – ci – шугн:disga – yam*
- вопросительное: *тадж: чӣ гуна – русс: какой – фр: quel – шугн: çarang*
- определительное: *тадж: ҳар гуна – русс: всякий – фр: chacun – шугн: arçarang*
- неопределенно – отрицательное: *тадж: ҳеҷ гуна – русс: никакой – фр: aucun – шугн:уеҷауаф*

«Конечно, всякое более или менее глубокое исследование приводит к выяснению противоречий в классификации, к практическому обращению к нескольким критериям одновременно. Мы будем описывать местоимения в таджикском языке, исходя из следующей схемы:

- личные и лично – предметные:
- самостоятельные;
- энклитические;

- возвратно – определительные;
- относительно – вопросительные;
- указательные;
- определительные;
- неопределенные» [Самойленко 1959,43].

В основе этой классификации – значение, причем особое внимание обращается на лексико – семантическую природу местоимений вообще. При анализе наибольшее внимание, естественно, следует уделять ядру класса местоимений – личным, указательным и вопросительным.

Применительно к современному таджикскому языку разряды местоимений устанавливаются с учетом традиционной классификации на основе и грамматических и семантических признаков, в зависимости от того, какую сферу объективного мира им свойственно отражать и каким путем они ее отражают, а также по типу отношения субъекта речи к событию или его участникам.

Таким способом выделяют разряды:

- Личные (собственно личные и лично – предметные) местоимения указывают на лица или предметы в их отношении к говорящему и являются выразителями следующих понятий:
 - лица говорящего или группы лиц, в которую входит говорящий;
 - адресата речи;
 - лица или предмета, о котором идет речь, но непосредственно участия в речи не принимающего.

В личных местоимениях наиболее ярко выступает соотнесенность предметов и лиц с субъектом речи. Понятия лица и числа составляют лексическое значение личных местоимений. Поэтому они занимают центральное место в системе местоимений. Указывая на предметы объективной действительности, они характеризуют их лишь с точки зрения

отношения к ним говорящего абстрагируясь от реальных качеств и признаков предметов.

Таким образом, выражение категорий предметности в личных местоимениях ограничивается самым общим указанием на любые объективно существующие предметы, но зато устанавливаются отношения субъекта к предметам. Выражая таким образом предметность – хотя и особым, несвойственным другим словами способом, личные местоимения по своей семантике и грамматическим признакам идут параллельно с именами существительными.

Возвратные местоимения по своему значению прямо не соотнесены с понятием определённого лица. Они являются местоимениями «второй степени», указывая на отнесенность объекта, его принадлежность субъекту предложения. По своей семантике возвратные местоимения опираются на личные местоимения. Значение возвратности в таджикском языке отчетливо связано и со значением избирательности, эмпазы: когда местоимение оказывается в зависимом (объектном или атрибутивном положении), то значение избирательности относится к субъекту и, таким образом, возникает значение отнесенности атрибута или объекта к субъекту предложения.

Указательные местоимения имеют значение пространственного указания – выделения предмета из числа ему подобных с точки зрения положения предмета в пространстве относительно субъекта речи. На базе этого значения развиваются значения производные: указание на предмет, как уже упомянуты в предыдущий речи, и указание на предмет, предваряющие его качественную характеристику. Указательные местоимения выступают как максимально общие по своему значению слова, указывающие на любые понятия – от конкретных предметов и лиц до самых отвлеченных представлений. Смысловая неопределенность емкость указательных местоимений в контексте речи диалектически сочетается с конкретностью выражаемого ими указания. Возможности конкретизации общего, заложенного в их значении, безграничны, так как эти местоимения способны

выступать при любом существительном, указывать на любой отдельный предмет, явление, лицо. Этим местоимениям чуждо сопротивление словаря, ограничивающее определенными смысловыми и лексическими сферами употребление качественных и относительных прилагательных и вытекающее из конкретности признаков, выраженных прилагательными. Высокая степень отвлеченности, характерная для указательных местоимений, обуславливает широкое возможности для употребления их в качестве средств выражения различных грамматических и стилистических средств. Этот разряд – одна из самых употребительных частей лексики, обладающая способностью заменять отдельные слов, целые предложения и большие отрывки текста.

Вопросительно – относительные местоимения тоже имеют функцию указания, но по сравнению с личными и указательными местоимениями дерзки имеет здесь особенности: во – первых, указание носит опосредованный характер, эти местоимения указывают на денотат, следующий далее в речи, либо в предваряемом ответном высказывании (ответ на вопрос) собеседника, либо за некоторой синтаксической границей в речи того же субъекта (относительная функция); во – вторых, указание носит менее субъективный характер, имеется в виду ориентация не на участника речи, а на объективные свойства денотатов. Вопросительное – относительные местоимения требуют от собеседника ближайшего определения лиц или предметов, либо определения свойства или порядка этих предметов, либо определения свойства или порядка этих предметов.

Определительные местоимения самым общим образом указывают на выделение предмета из совокупности, показывая характер этого выделения. Их главная семантическая особенность – учет количественной стороны этого выделения.

Неопределенные местоимения, указывая на лица, предметы или признаки, оставляют неизвестным общее представление о предмете, лице, качестве. Указывается лишь общее отношение объекта к некоторому классу. Особенность этого разряда – возможность выражения неопределенности

путем отрицательного указания, путем исключения денотата из известного класса и отнесения его таким путем к классу неопределенному.

Отсутствие четких границ у «части речи местоимение», его грамматическая размытость вызывается, кроме проблематичности отнесения к ним тех или иных групп слов (вследствие их «промежуточного» характера), постоянно протекающим процессами прономинализации, завершившиеся или не завершившиеся переходом существительных и прилагательных в истории различных языков в состав класса местоименных слов. В таджикском языке можно выделить следующие лексические группы слов, тяготеющих по своей семантике и употреблению к классу местоимений, хотя еще и не вошедших в его состав.

Группа существительных, сочетающихся с указательными, вопросительными, определительными, неопределенными местоимениями и образующих, таким образом составные местоимения с указанием на объективные данные предмете. Таких слов довольно много, но процесс грамматикализации их не всегда можно считать завершено.

Очень распространенным является и сочетания имени с **гуна** с местоимениями:

Тадж: «Дар ин гуна сафар миёни мо туркмано чандин бор задухӯрд воқеъ мешуд» [Айни, Раб1935,44].

Русс: «Во время таких поездок не раз происходили битвы между нами и туркменами».

Фр: «Pendant de ces voyages, il y avait de nombreuses batailles entre nous et les Turcménes».

Шугн: «Di jinow safarand maš bain – ardat turkmanen yid sut »

Тадж: «Корҳо чи гуна мераванд? Русс: «Как идут дела дела?» Фр: «Comment vont les choses?» Шугн: «Corenen çarang?».

Тадж: «Дар ин ҷо ҳама гуна гулро ёфтан мумкин буд».

Русс: «В этом месте можно было найти самые разные цветы».

Фр: « *Dans cette place pourrait être trouvée une grande variété de fleurs*». **Шугн:** « *Yodand fuk hel gul veredov tumkin*».

Показательно возникновение стяженной формы **хамтӯ** // **хамту** (хамин тавр), выступающей и в функции модальной частицы.

Тадж: «*Имсол ҳар гуна тадбирро ба кор бурданам... лозим аст*»[Айни.С.1939,44].

Русс: «*В этом году мне нужно провести разные мероприятия*».

Фр: «*Cette année, je dois faire passer des mesures différentes*».

Шугн: « *Mam sol boyad ičiz navigariyen naẓzimbam* ».

Тадж: «*Ман дигар фикр мекунам*».

Русс: «*У меня другие соображения*».

Фр: «*J'ai d'autre considération*»

Шугн: «*Mund digar fikreyen*».

В сходном употреблении засвидетельствованы хел, хол, чумла, навъ, зайл и др.

Тадж: «*Мо чӣ навъ ҷанг хоҳем кард?* »

Русс: «*Как мы будем воевать?* »

Фр: « *Comment battons – nous ?* »

Шугн: «*Mašta ɟarang ded kinam?* »

Тадж: «*Ин хел харбузаро аз ҳеҷ қуҷо ёфта наметавонед*».

Русс: «*Такую дыню вы нигде не найдете*».

Фр: «*Vous ne trouverez pas un melon comme celui – ci nulle part*».

Шугн: «*Disga harbuzata yejoyaf naviriyet*»[Грамм.].

Группа слов, преимущественно арабского происхождения, характеризующая высокий или архаический стиль и заменяющая личные, указательные и другие местоимения.

Примеры:

Мазкур – в качестве субститута указательного местоимения.

Тадж: «*Ҷавонон... ба тарзи мазкур пурсунос кардаанд*».

Русс: «*Юноши поздоровались таким образом*».

Фр: *«Les jeunes gens ont dit bonjour de cette façon ».*

Шугн: *«Yoŝenen disga salom ċud ».*

Камина – в качестве субститута личного местоимения 1 л.ед.ч

Тадж: *«Камина маротибаи дуҷум ба сохтмони купруки Ғеҷак сарокала рафта истодааст».*

Русс: *«(Ваш) покорный слуга второй раз со всеми пожитками отправляется на строительство моста Геджак».*

Фр: *«Pour la deuxième fois (Votre) domestique obéissant va à la construction du pont Gedzhak" avec tous ses biens ».*

Шугн: *«Kamina doum marotiba pe vam sohtmune yede Gedjak sud»[А.С – 45].*

Соир – в значении определительного местоимения:

Интересна глагольная форма сказуемого, ориентирующаяся в соответствии **камина** – **ман**.

Тадж: *«Вай низ дар зайли соири занон барои хизмат омада буд» [Халимов 1988,498 – 499].*

Русс: *«И она, как и другие женщины, пришла для услужения».*

Фр: *« Et elle est venue pour service comme d'autres femmes ».*

Шугн: *« Ya mis diga yiniken jinovte xizmat ċid yat ».*

В то время как ряд слов арабского происхождения уже вошли в состав «периферийных» разрядов таджских местоимений (*например, тадж: фалон, баъзе – фр: un tel, quelques – русс: такой – то, некоторые – шугн: yelav*) другие, хотя и употребляются как прономинализованные, остаются приметой лишь арханического стиля речи. Ср., например, положение слова *«тадж: фалону бисмадон – русс: такой – сякой – фр: mauvais dans tous les sens – шугн: disgayat wete» – тадж:«Фалон мекунед, бисмадон мекунед» – русс: «Сделайте то, сделайте это» – фр:« Fais tantôt , Fais ça » шугн: « We kenat , Me ken ».*

Особая судьба у местоимений *тадж: кас ё чиз – русс: кто –нибудь или что – то – фр: quelqu'un ou quelque chose de – шугн: ċai, ċiz* которые

тоже прошли путь прономинализации и часто выступают в значениях «вещь» и «человек»

Нужно заметить, что вопросительные слова типа *тадж: кучо, чаро, кай* – *русс: куда, почему, когда* – *фр: où, pourquoi, quand* – *шугн: tarka, kande, čizjat, kande* и т.п. тоже таготеют к местоимениям, относясь к наречиям так же, как *тадж: кӣ или кас* – *русс: кто или кто* – *нибудь* – *фр: qui ou quelqu'un* – *шугн: čai, ar čai, тадж: чӣ или чиз* – *русс: что или что* – *то* – *фр: que ou quelque chose de* – *шугн:čiz* относятся к существительным. Поэтому некоторые авторы включают эти слова состав местоименных наречий. Но скорее они занимают промежуточное положение, переходное между наречиями и местоимениями, относясь формально к наречиям: процесс их прономинализации не завершен, они не обладают всеми признаками местоимений.

Как и другие части речи, местоимения не являются «закрытой» категорией. Они пополняются за счет других слов, часто слова других классов приобретают также признаки местоимений; как обобщенное значение или способность заменять имена, но не достигают при этом окончательной прономинализации. Такие группы слов одними исследователями рассматриваются как местоимения, другими же, в соответствии с их морфологическими особенностями – наречиями (или, компромиссно, «местоименными наречиями») (или, компромиссно, «местоименными наречиями»), числительными (или «местоименными числительными») и т.д.

Таким образом, центральное ядро местоимений – личные, указательные вопросительные – окружено маргинальной зоной, содержащей, например, неопределенные местоимения, и еще более отдаленной переходной зоной, в которой наиболее активны процессы прономинализации.

Местоимения функционируют во всех языках мира, впоследствии чего они стали максимально многосторонними и разноструктурными. Будучи языковой универсалией высокая ценность местоимений издавна была определена в грамматике Падучева: «Так как люди были вынуждены в одном

и том же тексте говорить часто об одних и тех же вещах, а повторение одних и тех же имен производило бы слишком назойливое впечатление, пришлось придумать слова, которые замещали в речи эти имена, и потому их назвали местоимениями» [Падучева, 1984, 163]. Вместе с тем местоимения как класс слов имеют в языке и речи особые функции, отличающие их от знаменательных частей речи: «Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно это субъективно – объективное значение, т.е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Падучева, 1984, 163].

В грамматике русского языка местоимения в редких случаях группируются и признаются отдельной и самостоятельной частью речи, а зачастую, их не отделяют от другого множества. Мы рассмотрели из книги В.В. Виноградова, посвященную грамматике русского языка, отрезки, где он полагается на высказывания своего коллеги – ученого, лингвиста А. А. Потебни, который писал: «Местоимения, когда – то являлись отдельным классом слов; однако позднее они слились с другими частями речи, сохранив своеобразие своей семантической природы как слова относительные, указательные и субъективные» [Потебня, 1960, 268].

В то время как В.В. Виноградов писал, что: «В местоимениях только особый лексический тип слов, у которого нет ни грамматического, ни лексико – семантического единства» [Виноградов, 1972, 266], А.А. Потебня, в свою очередь, считал, что: «Местоимения особый лексико – семантический класс слов» [Потебня, 1960, 268].

М.В. Панов также считал, что «местоимения не должны претендовать на звание части речи» [Панов, 1999, 172]. В то же время А.А. Шахматов относил местоимения к незнаменательным частям речи, которые не выполняют функцию номинации, а обозначают отношение [Шахматов, 1941, 55].

В современной отечественной грамматической традиции, представленной в коллективной монографии «Русская грамматика», в отдельную часть речи выделяются только субстантивные местоимения, так как особенности выражения категорий рода, числа и падежа имеют у них ярко выраженную специфику. Адъективные местоимения относятся к разряду прилагательных, поскольку их морфологические характеристики совпадают с прилагательными.

Несмотря на то, что не все исследователи выделяют местоимения в отдельную часть речи, все они отмечают наличие у местоимений функционально – семантических особенностей. Особенность местоимений состоит в том, что «семантическая классификация накладывается на все грамматические разряды» .

Отстаивая самостоятельность местоимений как класса слов, он подчеркивал, что местоимения как особая часть речи не тождественна таким знаменательным классам слов, как существительное или глагол. Однако это не означает, что местоимения менее важны, чем другие части речи: именно по своей семантике местоимения настолько обособлены, что они могут, так сказать, «позволить себе роскошь иметь свои специфические грамматические формы и даже категории» [Гвоздев,1950,194].

Об особом положении этого класса слов в русском языке пишет и Н.Ю. Шведова, который называл местоимения «супер частью речи», которая может выполнять функции различных именных частей речи, поскольку внутри местоимений имеются и местоимения – существительные, и местоимения – прилагательные. В своих работах, ставя систему местоимений по уровню абстракции выше других частей речи: «класс местоимений – это арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом» [Шведова,1995, 44].

Несмотря на более ярко выраженные функционально – семантические особенности, местоимения вместе с тем имеют некоторые грамматические особенности. А.М. Пешковский рассматривал местоимения как группу слов, которая, с одной стороны, не является грамматической, поскольку не

представлена одинаковыми рядами форм слов, а с другой стороны, признавал, что в ней присутствуют слова, схожие по значению [Пешковский, 1956,164].

По мнению А.В. Исаченко критерий местоимений целесообразно: «...считать критерием их объединения в одну часть речи, поскольку «появление местоимений в предложении регулируется правилами прономинализации, носящими строго синтаксический характер. Лучше выделять местоимения как категорию синтаксическую» [Исаченко,1965, 223]. Мы совершенно согласны с точкой зрения, представленной Исаченко в 1965 году, и также поддерживаем мнение данного мыслителя о том, что местоимения в различных языках имеют характерные синтаксические особенности [Исаченко,1965, 223].

Несмотря на наличие особых морфологических и синтаксических черт, местоимения не имеют единого грамматического показателя, являющегося критерием их выделения в самостоятельный класс слов. Отсутствие единого грамматического показателя местоимений и первичность функционально – семантического критерия выделения этого класса слов приводят к тому, что местоимения представляют собой открытую систему, в которую могут включаться лексемы, принадлежащие другим частям речи.

Так, и в русском, и французских языках имеются существительные широкой семантики, которые в некоторых контекстах могут приобретать местоименные функции. На то, что слова типа «человек», «люди» приобретают в высказывании местоименные функции, указывает и Н.Ю. Шведова [Шведова, 1995, 51]. При этом она отмечает, что такие существительные не переходят в разряд местоимений, поскольку они сохраняют все грамматические особенности имени существительного, но в некоторых случаях это относится и к числительным.

Таким образом, местоимения занимают особое промежуточное положение между знаменательными и служебными частями речи; некоторые из них, будучи знаменательными частями речи, в определенных контекстах приобретают функции служебных слов. А.М. Пешковский приводит в

качестве примера русскую лексему, она может быть как относительным местоимением, так и союзным словом. Из этого А.М. Пешковский делает вывод о том, что «местоимения из – за своей отвлеченности везде являются «нарушителями порядка», везде создают особые комбинации, особые случаи» [Пешковский, 1956, 167].

Помимо существительных и числительных, которые могут включаться в состав местоимений, как в русском, так и во французском языке имеются прилагательные с местоименной семантикой.

М.А. Шелякин отмечает: «В разряд местоимений могут переходить такие прилагательные, как данный, последний, следующий, определенный, целый» [Шелякин, 1975, 8]. Н. Ю. Шведова, подтверждая слова предыдущего ученого приводит: «...список слов в русском языке, тяготеющих к местоимениям *русс: человек, люди; дело, вещь, предмет; данный, нашенский, последний, следующий; до сих пор* – *тадж: одам, одамон, кор, чиз, ашьё, хамин, аз они мо, охирин, дигар, то ҳол* – *фр: homme, gens, affaire, chose, objet, en question, les notres, dernier, suivant, jusqu'à* – *узгн: odam, odamen, kor, čiz, predmet, ikam, mašand, oxirun, digar, to šičeç*» [Шведова, 1995, 61].

Все вышесказанное дает нам возможность утверждать, что местоимения обладают способностью приобретать в речи различные виды лексемы, выполняющие субстантивные, адъективные и адвербиальные функции.

Подобное же происходит и во французском языке, минуя отсутствие одного целого и неизменного фактора грамматического показателя, местоимения все равно являются непростым и своеобразным классом слов. Сближает местоимения со знаменательными частями речи способность быть членами предложения, то есть иметь самостоятельные синтаксические функции. Местоимения также имеют такую характерную черту, как качества близкие с другими частями речи, так и отличительные.

Главное отличие местоимений от знаменательных частей речи состоит в том, что они не имеют номинативной функции, а выполняют функцию замещения. Рассматривая вопрос о тесной связи между местоимениями и знаменательными словами как словами, замещающими и замещаемыми, А.А. Реформатский сравнивал местоимения с употреблением бумажных денег, «которые не имеют собственной ценности, но ценность их обеспечивается золотым фондом государства. Таким «золотым фондом, обеспечивающим значимость местоименных слов, являются знаменательные слова» местоимения являются лишь «тенью номинативных слов» [Реформатский,1996, 88].

В то же время А.А. Реформатский писал: «Местоимения могут субстантивироваться и адъективироваться, а также переходить в разряд служебных слов. Кроме того, грамматические категории местоимений отличаются от аналогичных категорий знаменательных слов особенностями плана выражения. Так, отношение между формами единственного и множественного числом существительных и местоимений различно. Например, отношение между формами стол – столы не такое же, как между формами **я** и **мы**, поскольку мы можем подразумевать не только **я+ты**, но и **я+он**» [Реформатский,1996, 91].

Различия между местоимениями и знаменательными словами проявляются и в типе значений, которые эти классы слов имеют. Местоимения объединяются в отдельный класс слов на основании того, что все они обладают так называемыми пустыми значениями.

А.И. Смирницкий отмечает, что: «...местоимения лишены постоянного лексического значения, поскольку не служат обозначением какого – то конкретного предмета, однако они имеют общую семантическую функцию, которую он определяет следующим образом: указание на тот или иной предмет или признак, определяемый ситуацией» [Смирницкий,1959,180]. Это отмечал и А.А. Реформатский, подчеркивая лексическую «безличность» местоимений [Реформатский,1996, 111].

М.В. Панов говоря о местоимениях, указывал на то, что: «Лексическое значение местоимений с фонемами, помещенные в местоимение лексическое значение пребывает в слабой позиции, в позиции не различия. Оно тут же в тексте возведено в сильную позицию – представлено однозначным словом, для местоимений он, она, оно, они – препозиционно, для местоимений вопросительных кто, что – постпозиционно» [Панов,1968, 250].

М.А. Шелякин несовсем далеко отходит от центра данной мысли и объясняется следующим образом: «Местоимения – не «пустые» слова, они обладают определенными значениями, структура которых состоит из элемента указательности и признаков, отражающих «параметры» предметов с точки зрения их соотносительности с говорящим» [Шелякин,1975,15].

В результате всех высказываний, подводя общий итог и нашедши положительный знаменатель, мы понимаем, что смысл и посыл, который ведется в том или ином местоимении (I, II, III лиц) проясняется в конкретной речи (диалоге/ прямой речи/высказывании/монологе). Это весьма объяснимый и понятный факт, потому как, местоимения обретают свое истинное предназначение в дуэте с тем или иным его оратором, итак местоимения более трудоспособны в области прямой речи, нежели самого языка.

Такой очевидный специфический характер местоимения изучался разными лингвистами и лингвистами, об этом также писал А. А. Реформатский. Ученый указывал на возможное изменение смысла и структуры местоимений в зависимости от контекста, в котором они пребывают: «они меняют свой смысл в зависимости от того, кто это говорит, где и когда, и мыслятся лишь как вторичное название для названных знаменательными словами вещей и явлений» [Реформатский,1996, 27].

Таким образом, местоимения «служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь» [Белошапкина,1989, 288]. Именно в разграничении языка и речи как системы знаков и языковой деятельности, находящей свое отражение в акте коммуникации, кроется

различие между знаменательными и служебными частями речи [Белошапкина, 1989, 291].

Зависимость местоимений от речевой ситуации отмечается и в «Русской грамматике»: «эти слова имеют специфическое отвлеченное значение, которое конкретизируется в контексте или в речевой ситуации.

Соотнесенность местоимений с речевым актом обсуждалась в определении местоимения, которое дал М.А. Шелякин: «под местоимениями принято понимать слова, которые указывают на все то, что имеет отношение к речевой ситуации (непосредственному акту речи)» [Шелякин, 1975, 25].

Таким образом, можно сказать, что, занимая промежуточное положение между самостоятельными и знаменательными частями речи, местоимения выделяются в отдельный класс слов не столько по лексико – грамматическим особенностям, сколько по их функции в речи. В этом состоит отличие местоимений от других классов слов.

Признавая местоимения особым классом слов, стоит выделить функции, которые они выполняют. Основная функция местоимений, как было отмечено выше, – замещение, суть которой состоит в том, что местоимения отсылают к объектам действительности. Однако местоимения, выполняя функцию замещения, не приобретают значения замещаемой единицы.

Е.М. Вольф предлагает в виде примера предложение, в котором задействовано местоимение – «ее» (аз они вай/ў). Данное местоимение носит подтекстуальное значение существительного **«собака»**: «Держи ее!». Само местоимение «ее» не обозначает какое – то определенное существительное, а лишь указывает на то, что это местоимение отсылает к существительному женского рода» [Вольф, 1974, 85].

Функция замещения очень важна для языка в его обращении в речь. Как пишет А. А. Реформатский: «Местоимения – удобное звено в устройстве языка; местоимения позволяют избегать нудных повторов в речи, экономят время и место в высказывании» [Реформатский, 1996, 89].

Выполняя функцию замещения, местоимения «не конструкторы, не инженеры, а скорее это «уборщики», «подметальщики», «ассенизаторы». Не менее образное сравнение приводит А.А. Реформатский в другой работе: «...местоимения выделяются в особый класс слов – заменителей, которые, как «запасные игроки» на футбольном поле или «дублеры» в театре, выходят на поле, когда вынужденно «освобождают игру» знаменательные слова» [Реформатский, 1996, 89].

Другой важной функцией местоимений является функция референции, также связанная с отношениями между объектами действительности. Н.Д. Арутюнова предлагает такое определение: «Референция – это отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности, это способ «зацепить» высказывание за мир» [Арутюнова, 1988, 18].

Е.В. Падучева также выделяет функцию референции как одну из главных функций местоимений, считая местоимения не грамматическим, а лексико – семантическим классом слов, которые указывают на тип соотнесенности высказывания с действительностью. Референция – это понятие, объединяющее язык и речь, поскольку «хотя референция осуществляется в ходе речевого акта, т.е. в высказывании, все механизмы референции принадлежат языку: средства, с помощью которых говорящий осуществляет свою референцию и делает ее достоянием слушающего, входят в семантику предложения» [Падучева, 1974, 7].

Функция референции оказывается особенно важной при анализе неопределенных местоимений во французском языке. Анализируя особенности их употребления, исследователи различают референтное употребление, при котором они соотносятся с отдельными объектами внеязыковой действительности как представителями класса, в отличие от нереферентного употребления имен, когда в фокусе внимания оказывается класс предметов. Внутри референтного употребления различаются определенные виды отношений, которые выражаются указательными

местоимениями, и неопределенные, выражаемые неопределенными местоимениями.

В.А. Плунгян отмечает, что не референтное употребление имен связано в западноевропейских языках с нулевым артиклем [Плунгян,2003,110].

Как говорил в 1974 году Вольф: «Все местоименные лексемы объединяет признак «прономинальности», однако внутри местоимений выделяются разряды, каждый из которых, помимо прономинальности, содержит дополнительные семантические признаки. Так, личные местоимения содержат признак персональности, указательные – демонстративности» [Вольф,1974,94].

Примечательно, что во французских грамматиках отрицательные местоимения рассматриваются внутри разряда неопределенных местоимений. Большой интерес представляет вопрос о том, составляют ли местоимения особую часть речи. Как известно, в определении частей речи в большинстве случаев учитываются как лексические, так и грамматические особенности слов, причем одними учеными на первый план выдвигаются лексические, другими – грамматические (морфологические или синтаксические) особенности.

Осложняется вопрос о частях речи тем, что они отграничены друг от друга нечетко: в русском языке, например, причастия характеризуются как свойствами глагола, так и свойствами прилагательных, деепричастия – свойствами глагола и наречий, тесно связаны во многих языках предлоги (послелогои) и наречия, послелогои и существительные, существительные и наречия, существительные и прилагательные и т. д.

Местоимения, наряду с числительными, причастиями, деепричастиями, относятся к категориям слов, которые во многих языках спорны по их отношению к частям речи. Считая, что для определения частей речи важнейшее значение имеют морфологические особенности групп слов, мы, естественно, приходим к выводу, что местоимения как часть речи в разных языках представлены неодинаково. Почти во всех языках как отдельная часть

речи функционируют личные местоимения, потому что самой их природой обуславливаются их своеобразные морфологические особенности.

От отношения к принципам выделения местоименных слов в особую часть речи в известной степени зависит также отношение к вопросам классификации местоименных слов. Чем строже выдерживается грамматический (прежде всего морфологический) принцип, тем меньше разрядов слов отнесено к местоимениям; чем больше применяется лексический принцип, тем более разнообразны разряды слов, включаемые в грамматических работах в раздел о местоимениях.

Количество разрядов слов, относимых к местоимениям, зависит, естественно, и от строя рассматриваемого языка. Если в каком – либо языке нет артиклей, то не возникает спора о том, является ли артикль разрядом местоимений или разрядом служебных слов. Если в каком – либо языке нет слова типа немецкого *man*, нет необходимости рассуждать о том, является ли это слово особым лексическим случаем существительных или же считать его неопределенно – личным местоимением.

Грамматический подход к классификации местоимений проявляется в двух основных разновидностях: за основу берутся либо функциональные (по замещаемым словам), либо морфологические особенности. Исходя из лексико – грамматического разряда замещаемых слов, авторы грамматик или специальных разработок местоимения подразделяют на местоимения – существительные, местоимения – прилагательные, местоимения – числительные и даже местоименные наречия.

Местоимения – существительные, прилагательные, числительные и наречия выполняют в предложении те же функции, что и собственно существительные, прилагательные, числительные и наречия.

Так, подразделяя восточно – славянские местоимения (по их морфологическим особенностям) на личные и безличные, С. Ф. Самойленко перечисляет следующие различительные признаки: «Личные местоимения не имеют категории рода, а категорию числа и падежа они выражают при

помощи супплетивных образований; неличные местоимения, кроме категории падежа и числа, обладают категорией рода, имеют свой тип склонения, не свойственный ни личным местоимениям, ни именам» [Самойленко,1959,34].

Далее для характеристики местоимений указанных двух групп С. Ф. Самойленко подчеркивает еще синтаксические различия: «основное для личных местоимений – это выражение подлежащего и дополнения, неличные же используются, прежде всего как определения» [Самойленко,1959,39].

Однако, перечисляя частные подгруппы, входящие в основные (к неличным относит он притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, относительные, отрицательные и неопределенные местоимения), С. Ф. Самойленко отмечает также некоторые переходные случаи [Самойленко,1959,37]. Например, предметно – личное местоимение (др.русс. он, оно, она, русск. он, оно, она, сближаясь по синтаксическим функциям с личными местоимениями, в структурном отношении стоит ближе к местоимениям неличным. Переходные явления наблюдаются и у русских местоимений себя, кто, что и т. д.

1.3. Морфологические категории и формы местоимений во французском языке.

В выборе форм местоимений проявляются свойственные им грамматические категории. Существует семь общих категорий, распространяющихся на разные группы местоимений: предметность, одушевленность, определенность, число, род, синтаксическая функция (они отражают свойства референта или категории замещаемого имени), и самостоятельность (автономность), свойственная самим местоимениям.

Имеются и категории специфические для отдельных групп: лицо (у личных и притяжательных местоимений), указательность (у указательных) и др. В большинстве случаев все это – классификационные категории, различающие отдельные местоименные слова, лишь род и число в некоторых случаях являются словоизменительными (местоимения изменяются по роду и числу).

Категории неодинаково распределяются по классам местоимений во французском языке и внутри них. Род и число различаются у одних относительных местоимений (*фр: lequel/ laquelle/ lesquels – русс: который, которая, которые – тадж: кадом – шугн: çidom*) и не различаются у других “*qui*”. Многие формы полифункциональны (pous выполняет те же функции, что четыре разных местоимения в 3 – м л. м. *р.: ils – leur – les – eux*). Сохраняются пережитки прежних норм употребления. Все это делает систему местоимений сложной, малоустойчивой, трудной для анализа и изучения. От классической эпохи (17 – 18 вв.) до настоящего времени наибольшие изменения в грамматическом строе французского языка касаются норм употребления местоимений.

Предметные формы местоимений указывают на референт, обозначаемый именем существительным. Непредметные соотносятся с иными частями речи: прилагательными, инфинитивами, целыми предложениями, десубстантивированным существительным. Они указывают также на

«неименуемый референт». Значение непредметности проявляется только в употреблении форм 3 – го лица и наиболее четко – в оппозиции **le neutre V** /1e, la, les.

Например: фр: Savez – vous sa date de naissance – Je la sais [Попова, 1975, – 66] .

Русс: Знаете вы её дату рождения? – Это я знаю.

Тадж: Шумо рӯзи таваллудаи ро медонед? – Ҳа ман инро медонам.

Шугн: Wam ruzi tavalud famiyo? – Di wuz fatum.

Фр: Savez – vous qu'elle est née en 1970? – Je le sais.

Русс: Знаете вы что она родилась в 1970 году? – Это я знаю.

Тадж: Шумо медонед вай дар соли 1970 таваллуд шудааст? – Ҳа ман инро медонам.

Шугн: Fāmiyo ya soli 1970 tavalud sic – Di wuz fatum.

Предметные референты могут быть одушевленными или неодушевленными. В личных местоимениях это различие проявляется в следующих оппозициях:

– приглагольные местоимения **lui/y**:

Фр: Je lui fais confiance (à cet homme) [Гак, 1978, 37] . – Русс: Я доверяю ему(этому мужчине) – Тадж: Ман ба вай бовар мекунам(ба ин мард)

Шугн: Wuz werd bovari dam (de čorikard)

Фр: J'у fais confiance (à ces paroles) – Русс: Я верю этому (этим словом).

Тадж: Ман ба ин бовар мекунам (ба ин гапҳо)

Шугн: Wuz devard bovari dam (dev gapen)

– приглагольные/автономные местоимения с предлогом: **y, lui, en/de lui**

Фр: J'у pense – Русс: Я думаю об этом [Шигаревская, 1970, 56].

Тадж: Ман дар бораи ин фикр мекунам.

Шугн: Wuz dar borai de fikre kinum.

Фр: Je pense à lui – Русс: Я думаю о нем.

Тадж: Ман дар бораи ӯ фикр мекунам.

Шугн: Wuz dar borai wi fikre kinum.

- предлог + автономное местоимение/наречие : **hors de lui/dehors.**

Фр: Ils sont sortis hors de la ville.

Русс: Они вышли из города.

Тадж: Онҳо аз шаҳр баромаданд.

Шугн: Wađen az xar naẖtoyd.

Фр: Ils sont sortis dehors.

Русс: Они вышли на улицу.

Тадж: Онҳо ба кӯча баромаданд.

Шугн: Wađen tar kuča naẖtoyd.

В указательных эта оппозиция проявляется в том, что *cela, ceci* не употребляются по отношению к одушевленным референтам.

В относительных: *à qui* относится только к одушевленным, *à quoi* к ним относиться не может.

В вопросительных: **qui?** – кто? **à qui?** – у кого? относятся только к одушевленным, тогда как **que?** что? – **à quoi?** – чему? указывать на них не могут.

В неопределенных местоимениях данная оппозиция выражается противопоставлением: **фр: personne** – **русс: никто** – **тадж: ҳеҷ кас** – **шугн: уеҷауаф**, **фр: quelqu'un** – **русс: кто –нибудь** – **тадж: касе** – **шугн: арҷауҷа**, **фр: quelque chose** – **русс: что –нибудь** – **чизе** – **шугн: арҷизҷа**

Однако в целом в системе местоимений оппозиция «одушевленность/неодушевленность» проявляется недостаточно четко и последовательно. Между явно одушевленным референтом – говорящим лицом – и неодушевленным находится промежуточная группа – животные, для обозначения которых в языке нет особых местоимений, так что в речи они обозначаются то формами одушевленности:

Фр: Tiens le chien – **русс: Держи собаку** – **тадж: Сагро дор** – **шугн: De kud anja.**

Фр: Je lui passerai le collier – **Русс: Я надену ему ошейник** – **Тадж: Ман гарданбандро ба гарданаи мебандам** – **Шугн: Wuzta we makard vaẖ visum a**

не: *j'y passerai*, то формами неодушевленности (*фр: Qui voyez – vous? [Хум, 1977,16]*).

– *русс: Кого вы видите? тадж: Шумо киро мебинед? шузн: Тамата ёи wenet?* может относиться только к человеку, не к животному). Поэтому некоторые авторы считают, что правильнее говорить не об одушевленности/неодушевленности, но об оппозиции «лицо/вещь» (если животные не принимаются во внимание), либо лицо/не – лицо (если животные включаются в одну группу с предметами).

Но даже там, где эта оппозиция функционирует, отмечается много отклонений от правил употребления форм одушевленности/неодушевленности, пережитков прежнего состояния языка и т. п.

Три разряда референтов: непердметный – пердметный неодушевленный – одушевленный по – разному охватываются формами местоимения. *Cela, rien, у, que?* – это, ничто, указывают и на явление (непердметный референт) и на вещь пердметный неодушевленный; *il, celui, chacun* – на одушевленный и пердметный неодушевленный; *a qui* – только на одушевленный и т. п.

Синтаксическая функция. У некоторых категорий местоимений различные формы соответствуют разным синтаксическим функциям. В соответствии с этим различаются местоимения: с единой формой для всех функций: личные автономные (*moi – я, toi – ты, lui – ему*); указательные (*cela – то,это,celui – этот,то celui – là – тот, ce – это*); неопределенные (*personne – никто, tout – все, chacun – каждый, rien – ничто,ничего и др.*). В этом случае синтаксические отношения выражаются, как у существительных, с помощью порядка слов и предлогов:

Фр: Personne ne le sait [G. Lazard, 1963, 221]. – русс: Никто не знает его – тадж: Ягон кас ёро намешиносад – шузн: Yeёayaf we nafamt; фр: Je ne connais personne ici – русс: Я никого здесь незнаю – тадж: Дар инчо ман ягон касро намешиносам – шузн: Wuz yeёayaf yodard nafatim. фр: Il

ne pense à personne – русс: Он ни о ком не думает – тадж: Вай дар бораи ягон кас фикр намекунад – шугн: Yo dar borai yeče fikr nakext.

С одной формой, закрепленной за определенной функцией и не имеющей соотносительных форм: **on** (только субъект), **soi**, **autrui** (только объект);

С двумя формами, различающими субъект и объект; фр: **je/me** – русс: я/мне – тадж: ман/ба ман – шугн: **wuz/murd**, фр: **tu/te** – русс: ты/тебе – тадж: ту /ба ту – шугн: **tu /turd**.

С тремя и более формами, различающими субъект и разные типы объектов; фр: **il (elle)/le** – русс: он, она, его – тадж: вай, $\bar{y}$, аз они вай – шугн: **yo, ya, wend (la, les)/lui (leur)/y/en**. Особые формы для объекта имеются только у несамостоятельных местоимений.

Традиционная грамматика усматривала категорию падежа в формах **je – me, tu – te, il – lui – le**, которые, действительно, восходят к падежным формам латинских местоимений. Однако французская система оказалась более разнородной. Местоимения **y** и **en** дополняют местоимения третьего лица в других функциях. Выделяется пятичленная схема склонения, выделяя падежи: субъектный (фр: **il, le** – русс: он, его – тадж: вай, $\bar{y}$, аз они вай – шугн: **yo, wend**), прямообъектный (фр: **le, me** – русс: его, меня – тадж: $\bar{y}$ ро, маро, ти – шугн: **wend, tu**), косвенно – объектный (фр: **lui, me** – русс: ему, мне – тадж: ба $\bar{y}$, ба ман – шугн: **wird, murd**), местный (**y**) и отложительный (**en**). Форма **te** считается омонимом двух падежей, однако для **en** этого не признается, хотя эта форма может употребляться и в качестве прямого объекта фр: **A – t – il des livres? – Il en a. (des livres)** – русс: У него есть книги? – Да есть – тадж: Вай китоб дорад? – Ха дорад – шугн: **Wenden kitoben yasto? – Un yast** в ряде иных функций. С другой стороны, **lui, y** различаются не по функции, но по характеру референта (одушевленность). Ср. Фр: **Il lui cède** – русс: Он ему уступает – тадж: Вай ба $\bar{y}$ гузаит мекунад – шугн: **Yo werd joi čidakčid**; фр: **Il y cède** – русс: Он сдается – тадж: Вай таслим мешавад – шугн: **Yuta rozi sud**.

Таким образом, следовало выделять падежи: прямообъектный – **те, le, en**; косвенно – объектный: **me, lui, у, en**; местный **у, en** и т. п. Но в таком случае не получается схемы, основанной на соответствии форм и значений. Б. Потье выделяет для вопросительных местоимений падежи: номинатив (**qui?**), аккумулятив (**que?, qui?**), датив (**a qui?**), бенефактив (**pour qui?**), локатив (ой?). Но тогда надо выделить столько падежей, сколько есть предлогов (**de qui?, avec qui?** и т. п.) Б. Потье.

В современном французском языке **en, у, le, lui** следует считать не формами местоимения. И, но отдельными местоимениями, имеющими свои значения и функции. Ввиду отсутствия параллелизма форм и функций, нет оснований для признания наличия системы падежей у фран – цузских местоимений.

Самостоятельность (автономность). Эта категория, не существующая в русских местоимениях, характерна для французских. Во многих случаях имеется две формы местоимения: самостоятельная (автономная), которая может употребляться независимо и даже составлять отдельное предложение (*фр: Qui a fait cel a – Moi – русс: Кто это сделал? – Я – тадж: Кӣ инро кард? – Ман – шугн: ҷае де ҷуд? – wuz.*) и служебная (несамостоятельная), которая может употребляться только с другими членами предложения.

Среди личных местоимений данная категория выражается в оппозициях: *фр: moi – je – русс: я – тадж: ман – шугн: wuz, фр: toi – tu – русс: ты – тадж: ту – шугн: tu, фр: il – русс: он – тадж: вай – шугн: уо, фр: eux – ils – русс: они – тадж: онҳо – шугн: ваџ.*

Разделение местоимений на самостоятельные и служебные не вполне последовательно: некоторые служебные формы не имеют автономных соответствий: *он, le neutre*; одной самостоятельной форме может соответствовать несколько служебных: *moi – je, me; lui – le, en; одна* и та же форма нередко выступает как служебная и как самостоятельная. Ср. *Moi – je et nous – nous, elle(s) – elle(s).*

Самостоятельные – ближе к существительным и не различают в своих формах разных функций (ср. *Pierre, a Pierre, de Pierre – lui, a lui, de lui*), тогда как служебные больше дифференцируют свои формы в зависимости от функций: *il – lui – le; qui* (субъект и объект) – *que* (только объект).

Не следует смешивать самостоятельные и служебные формы с ударными и безударными. Самостоятельные – всегда ударные: *фр: Moi, je le sais – русс: Я его знаю – тадж: Ман ѓро мешиносам – шугн: Wuz we fatum; фр: Il s'est adressé à moi – русс: Он обратился ко мне – тадж: Вай ба ман муроҷиат кард – шугн: Yo ye tar tu murojiat čud*. Служебные могут быть безударными, если они предшествуют глаголу: *фр: Il vient – русс: Он придёт – тадж: Вай меояд – шугн: Yota yovd; фр: Il me dit cela – русс: Он мне об этом скажет – тадж: Вай дар бораи ин ба ман мегӯяд – шугн: Yota dar borai de murd luvd* и ударными, если они следуют за ним в вопросительной форме или в императиве: *фр: Vient – il? – русс: Он придёт? тадж: Вай меояд? – шугн: Yota yovdo?, фр: Dis – moi – русс: Скажи мне – тадж: Ба ман гӯй – шугн: Murd lu. фр: Prenez – le – русс: Возмите его – тадж: Вайро гиред – шугн: We zet; me, te* при этом заменяются формами *moi, toi*. *Moi* и *toi* могут быть самостоятельными (*фр: pensez à moi – русс: думайте обо мне – тадж: дар бораи ман фикр кунед – шугн: dar borai tu fikre kenet*.) или служебными (*фр: excusez – moi – русс: извините меня – тадж: маро бубахшед – шугн: murd baxeč kinet*).

Глава II

Функционально – семантические особенности личных местоимений в таджикском во французском, русском и шугнанском языках

2.1. Семантическая структура личного местоимения первого лица единственного числа в таджикском литературном языке.

Личное местоимение первого лица единственного числа в литературном таджикском языке до сих пор не становилось предметом специального анализа. Между тем, «каждое слово особый микромир, изучить тайны которого не только необходимо и поучительно, но и увлекательно». Ниже предпринимается попытка анализа семантической структуры личного местоимения первого лица в литературном таджикском языке.

Личным местоимениям, как и другим указательным словам свойственно дейктическое значение, т.е. *«тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz»* получает лексическое наполнение лишь в речевой ситуации и имеет экстралингвистическую референцию, которую можно установить в пределах речевой ситуации. В научных работах и учебниках по таджикскому языку отмечается, что *«тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz»* обозначает говорящего. Данное определение следует квалифицировать как одностороннее, ограниченное и недостаточное. На самом же деле *«ман»* – это многозначное слово с вежливыми эквивалентами и субститутами, которое вполне заслуживает отдельного исследования.

Уместно отметить, *«тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz»* имеет преимущественное употребление в автобиографических произведениях. В других произведениях от I – го лица автор вводит вымышленного повествователя в лице одного из персонажей описывающего события, в которых он принимал участие или очевидцем которого он был.

«Тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz» может относиться не непосредственно к производителю речи в данном речевом акте, а к третьему лицу, о котором обычно что – либо сообщается. В таких примерах одно лицо

как бы получает две номинации: одно авторское / *тадж: ў,вай/ русс: он,она/ фр: il,elle/ шузн: уо/*, второе собственное «*тадж: ман – русс: я – фр: је – шузн: wuz*». В данном случае имеет место внезапный ввод в текст личного местоимения I – го лица, заменяющего регулярное в подобных примерах 3 – е лицо. Внезапная замена номинации лица не нарушает, однако, связность и понятность текста, так как прочно подготовлена ориентированностью предшествующего микро контекста на разговорную речь.

Например: Тадж: Рӯзе дар маҷлиси Султон Ҳусайнмирзо сухан дар бораи лаълҳои калони пурқиммат мерафтааст, ӯ гуфтааст, ки дар хазинаи давлати ман лаъле ҳаст, ки дар хазинаи ҳеч подшоҳе нест [А. С, 17].

Русс: Однажды в заседание Султана Хусайнмирзо заговорили о большом драгоценном камне, он сказал, что в сокровищнице моего государства есть драгоценный камень, которого нет в сокровищнице ни одного короля.

Фр: Une fois dans la réunion du Sultan Houseinmirzo, ils ont commencé à parler d'une pierre précieuse, il a dit que dans le trésor de mon état il y a une pierre précieuse qui n'est pas dans le trésor d'aucun roi.

Шузн: *Yi ruz tar Sulton Xuseyn majlis gap dar borai qimat – lal tuyd yu lod – ide mu xazina- and lal yast- ide ičidom podxoyand wi xazina-and id nist.*

В данном случае «*тадж: ман – русс: я – фр: је – шузн: wuz*» как и любое другое слово, может быть коммуникативным центром высказывания и основным фокусом речевой ситуации:

При олицетворении «*тадж: ман – русс: я – фр: је – шузн: wuz*» указывает на любое живое существо: Например: *тадж : Лекин ту маро гӯр карда наметавонӣ, ман Доно мегӯию халос...* [А. С, 27].

русс: *Но ты не можешь меня похоронить, ты говоришь, что я умный и всё.*

фр: *Mais tu ne peux pas m'enterrer, tu dis, que je suis intelligent.*

шузн: *Amo tu mu gur čid navarđiye, faqat love wuz – um dono.*

Под стилистическими особенностями местоимений понимается случаи употребления одного местоимения в роли другого, которые называются транспозицией. Явление транспозиции касается личных местоимений.

Как известно, самым распространенным случаем местоименной транспозиции является употребление местоимения I – го лица множественного числа, вместо местоимения I – го лица ед.ч. Это явление широко распространено в таких языках как русский, узбекский, дари и др. Названная транспозиция имеет широкое употребление и в таджикском языке.

При употреблении одного местоимения в роли другого происходит определенное изменение в семантике этих местоимений. Например, когда употребляем « *тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: маъ*» вместо «*тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz*» то синтагматическое значение «*тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: маъ*» не совпадает с его парадигматическим значением. Другими словами, «происходит столкновение парадигматического значения с синтагматическим значением, в результате чего и возникает стилистический эффект».

Причины местоименной транспозиции называются исследователями следующие:

1. во избежание «яканья»,
2. для выражения скромности,
3. во избежание категоричности/ в научном стиле/,
4. с целью сближения с коллективом, и др.

В исследовании, посвященном местоимениям таджикского языка, не дается характеристики местоименной транспозиции « *тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: маъ*» – «*тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz*». Отдельные замечания по этому вопросу мы находим в работах, посвященных языку того или иного автора художественного произведения. В академической грамматике таджикского языка отмечается употребление «*мо – мы – nous – маъ*» вместо «*тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz*» для выражения

скромности. Между тем следует отметить, что в современном таджикском языке названная транспозиция – не единственная местоименная транспозиция.

При анализе фактического материала мы установили, что в процессе формирования речи возможны следующие местоименные транспозиции:

тадж: мо – ман – русс: мы – я фр: nous – je шугн: таъ – wuz тадж: ту – русс: ты – фр: tu – шугн: tu – тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz,

тадж: шумо – русс: вы – фр: vous – шугн: tama – тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz.

тадж: «Ман инро аз шумо анча нештар шунида будам, мулло Пулод – Чоряккор калимаи мулло Пулодро махсус талаффуз намуд»;

русс: «Я слышал это давно, Мулло Пулод – Чоряккор специально произносил слово Мулло Пулод»

фр: «Il y a longtemps je l'entendu Mullo Poulod – Choryakkor a utilisé le mot Mullo Poulod spécialement»

шугн: «Wuzum pigoyaf de xud xalifa Pullod – Çoryakkore kalimai xalifa Pullod maxsus talafuz čud »[Маъсуми,1954, 150].

тадж: «Мо хонда истодаем. Оё хабар дорӣ?» русс: «Мы читаем. Ты об этом знал?» фр: «Nous lisons. Tu sais cela? » шугн: «Maš xoyam. Tama fameto?»

тадж: «Аммо, некин мо ҳам чӯра боз, қадри чӯрагиба мерасем, балоша гирам чӯрая»;

русс: «Но, что ж, мы снова будем друзьями, у нас все будет хорошо»

фр: «Mais nous redeviendrons amis, tout ira bien pour nous».

шугн: «Maštaš vo rafiq savam mašandta fuc soz sud».

Если в примере говорящий, обозначая себя местоимением «МО», приближает себя с коллективом, то в примере он выражает свою важность, свое величие перед другими лицами. Особенно часто транспозиция «тадж: мо – русс: мы – фр: nous – шугн: таъ» – «тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz» имеет место в научном стиле речи, во избежание выражения

категоричности: « тадж: *ту* – русс: *ты* – фр: *tu* – шугн: *tu*» – «тадж: *ман* – русс: *я* – фр: *je* – шугн: *wuz*»:

Тадж: «*Ин кист, ки маро мебарад?*» – худ аз худ менурсидам ва дар дил мегуфтам, ки ҳарчи бошад шукр кун, ки туро аз пули сироти дӯзах гирифта мегузарад» [А. Р, 67].

Русс: «*Кто это ведет меня?*» – я спросил себя и сказал про себя, будь благодарен, что он унесет тебя с моста ада».

Фр: «*Je me suis demandé et j'ai dit dans mon cœur: sois reconnaissant qu'il t'emmène sur le pont de l'enfer*».

Шугн: «*Yed čai mi čayest?*». Az xuta xu diland lum kulux lu yota tu tar bixist ča yest ».

Личные местоимение тадж: «Вай – *ӯ*». – русс: «он, она». – фр: «*il, elle*». – шугн: «*уо*». – тадж: «ман». – русс: «я». – фр: «*je*». – шугн: «*wuz*»:

Тадж: «*Аълоҳазрат, чи мешуд, ки лутфу марҳамати худро аз канизашон дарег надошта ҳамин иснодро ба гардани вай нагузоранд? – хандид Варвара ва якбора оҳи бадарде кашид*».

Русс: «*Ваше величество, а если бы они не утаили милости от служанки своей и не возложили бы ей на шею этот позор? – рассмеялась Варвара и вздохнула*».

Фр: «*Votre Majesté, et s'ils n'avaient pas caché la miséricorde à leur femme de chambre et mis cette honte sur son cou? Barbara rit et soupira* ».

Шугн: «*Aloazrat waven rostaf de čaluvjatat dam kaniztiyen de bor čanačixj – činte Varvaraxu oxi sare tijd*».

Тадж: «*Оҳ Боря, агар аз ман менурсиданд, ки ба ҷанат меравӣ ё дар Хуҷанд мемонӣ, ман дуйумаширо интихоб мекардам*»[Тоджиев,1948 ,77].

Русс: «*О Боря, если бы меня спросили, попаду ли я в рай или останусь в Худжанде, я бы выбрал второе*».

Фр: «*O Borya, si on me demandait si j'irais au ciel ou resterais à Houjand, je choisirais le deuxième*».

Шугн: «O Borya az muta capexcen tar Janata saviyo ar xujandta rese uzta duvum intihob kinum ».

Как видно из примеров, употребляясь вместо *«тадж: ман – русс: я – фр: je – шугн: wuz»*, другие местоимения изменяются только семантически, причем иногда требуется привлечение большого контекста, чтобы определить перенос значения этих местоимений с одного лица на другое. При этом они остаются неизменными синтаксически, что выражается их согласованием с глаголом соответствующих лиц. Чаще всего семантическая замена одного местоимения другим происходит в речевых ситуациях, выражающих внутренний мир персонажей. Переключение на другое лицо позволяет говорящему/ думающему/ рассуждать о себе глазами постороннего и говорить/ думать/ об интимных подробностях без излишнего стеснения.

Иного рода транспозицию слова *«кас – » – лицо, человек* и *«одам» – человек*. Во – первых, *«кас»* и *«одам»* являются существительными, во – вторых, как и все существительные, они относятся к третьему лицу. Сочетания *«ин кас»/ этот человек/ «он кас»/ тот человек/, «хамин кас»/ именно этот человек/, «хамонкас»/ именно тот человек/, «ин одам»/ тот человек* и др., употребляются в качестве эквивалентов личного местоимения 3 – го лица и это отмечено во многих учебниках и отдельных исследованиях, а также в академической грамматике. Дело, видимо, в том, что слова *«кас»* и *«одам»* в упомянутых сочетаниях являются скорее всего существительными, а не местоимениями.

Действительно, эти слова обладают всеми особенностями существительного и могут самостоятельно функционировать в языке. Тем не менее, их отвлеченное значение позволяет им в определенных речевых ситуациях выступать в качестве эквивалентов не только личных местоимений 3 – го лица, но также и личных местоимений I – го лица. Следует отметить, что факт употребления этих слов в качестве эквивалентов личного местоимения I – го лица единственного числа нами констатируется впервые.

Следовательно, в определенных речевых ситуациях «**кас**» и «**одам**» могут функционировать в качестве личного местоимения I – го лица.

2.2. Семантическая классификация местоимений во французском языке

Местоимения составляют особую часть речи в силу своей семантики, синтаксических форм и выражаемых ими грамматических категорий. Во французском языке местоимения обладают многими специфическими особенностями. Основные дискуссионные вопросы, связанные с местоимениями – это правомерность выделения местоимения как части речи; деление местоимений на именные элементы (**nominaux**) и заместители (**representants**) и статус с этих двух групп внутри местоимений; включение в их состав местоименных прилагательных (**on, ton, ce** и т.п.); природа преглагольных местоимений (**je, me**).

В отличие от других частей речи местоимение не называет объект непосредственно, но указывает на него в условиях данного акта речи. Всякий акт речи характеризуется распределением ролей между говорящими, временем, местом, отношением к высказываниям, которые предшествовали данному или должны следовать за ним.

Существуют два способа опосредованного указания на объекты:

- дейксис – указание с точки зрения говорящего, который находится в центре речевой ситуации. Такая функция свойственна местоимениям 1 – 2 – го л., притяжательным, указательным. Во фразе человека, выбирающего книги – *фр: «Je prends celui – ci – русс: Я возму это» – тадж: «Ман инро мегирам – шугн: Wuzta de zem»*. Слово **je** обозначает говорящего, ибо он произносит данную фразу, а **celui – ci** обозначает предмет, на который он указывает; б) анафора – указание на объект путем отсылки на предыдущее (реже – последующее) обозначение его в тексте.

Фр: Voyez cet homme bizarre – русс: Видите этого странного человека! – тадж: Шумо ин одами аҷибро мебинед – шугн: Tama de ajoib čorik weneto. Фр: Le connaissez – vous – русс: Вы знаете его? тадж: Шумо ўро мешиносед – шугн: Tama de fameto?

В анафорической функции выступают прежде всего местоимения 3 – го лица, притяжательные, вопросительные и относительные. Замещение прямого обозначения местоимением называется репрезентацией, а соответствующие местоимения субститутами или репрезентантами.

Дейктическая и анафорическая функции свойственны не только местоимениям – существительным, но и другим словам. Таковы детерминативы *ce – это – ин – уам, mon – мой – аз они ман – mund, quel – какой – чи хел – carang* и т. п., наречия *ici, là – bas, ainsi, alors, maintenant, après, avant – здесь, там, так, тогда, сейчас, раньше* и т. п., глагольные выражения *le faire, en faire autant* и др. Можно говорить о репрезентации разных частей речи. Однако грамматическая традиция, толкуя термин «местоимение» этимологически (*proponen* значит «вместо имени»), не относит заместителей глаголов и наречий к числу местоимений. Замещаемое слово и местоимение соотносятся с одним и тем же референтом (обозначаемым объектом), то говорят, что они кореферентны.

Замена существительного местоимением подчиняется определенным правилам. Прежде всего, следует отметить, что местоимение заменяет не одно существительное, но всю именную группу: Прежде всего, следует отметить, что местоимение заменяет не одно существительное, но всю именную группу: *фр: C'est du lait bouillant qu'il te faudrait – русс: Это кипящее молоко, что тебе нужно – тадж: Ин шири чӯшондагӣ, ки ба ту лозим аст – шугн: Yed wurvdođjin xuvd, tord darkor yo sa. Фр: Mais je n'en ai pas – русс: Но у меня его нет(en=du lait bouillant – кипящее молоко) – тадж: Аммо ман ўро надорам(шири чӯшондагӣ) – шугн: Аммо mund yo nest(wurvdođjin xuvd).*

Основное правило анафоры заключается в том, что местоимение и существительное исключают друг друга в одной и той же позиции. Обычны конструкции *фр: Pierre parle – русс: Пьер говорит – тадж: Пиер мегӯяд – шугн: Pierta luvd или Il parle – русс: Он говорит – тадж: Вай мегӯяд – шугн: Yota luvd, но не Pierre il parle.* При отклонении от этого основного правила

анафора выступает в своей вторичной функции – строевой или стилистической:

- строевая функция проявляется в сложной инверсии в вопросе: *фр: Pierre viendra – t – il – русс: Пьер придёт? – тадж: Пиер меояд? – шугн: Pierta yovdo?*
- структурно – стилистическая функция – в средствах выделения: **Pierre, lui, sait tout; Pierre, il est venu;**
- плеоназме в просторечии (без интонации расчлененного предложения):
фр: Pierre il est là – русс: Пьер там – тадж: Пиер дар онҷо аст – шугн: Pier tarām
фр: Tu en as de la chance – русс: У тебя нет шанса – тадж: Ту имконият надорӣ – шугн: Tund imkoniyat nest где оно не соотносится ни с каким ранее употребленным именем.

Идеи Брюно осуществлены в «Синтаксисе» Ж. Р. Лебидуа. Эти авторы отказываются от местоимения как части речи (самостоятельные местоимения они называют **nominaux**) и делят местоимения на группы слов: указательных, личных, притяжательных, неопределенных, связующих и вопросительных, объединяя в каждой группе субстантивные и адъективные формы, самостоятельные и служебные.

Э. Бенвенист говорил: «Различая дейктические и анафорические элементы в системе местоимений, проводит основную линию раздела между формами первого и второго лица и остальными. В первых он видит подлинные указатели лица, которые соотносят элементы ситуации с моментом речи. Они – выполняют фактически функцию собственных имен, которые тоже являются пустыми обозначениями лица. Местоимения третьего лица, по мнению Бенвениста, не являются обозначениями лица речи, это – субституты, заменяющие другие элементы высказывания» [Benvenist, 1966, 8].

Различия между местоимениями первого, второго и третьего лиц, между дейктическими и анафорическими словами не настолько велики, чтобы ликвидировать класс местоимений, расчленяя его на части.

И дейктическим и анафорическим местоимениям присуще одно общее свойство: речевая переменчивость значения. В зависимости от конкретного акта речи одно и то же местоимение отсылает к разным объектам, и, напротив, один и тот же объект может получить разные местоименные обозначения. Этим местоимения отличаются не только от нарицательных, но и от собственных имен. Одно и то же имя (например, Paul) может прилагаться к разным лицам, но эта связь устойчива, человек сохраняет свое имя. Соотнесенность между местоимением и объектом неустойчива, она заново устанавливается в каждой фразе. Поэтому предложения, содержащие местоимения, становятся семантически неполными в отрыве от ситуации и контекста.

Одни формы употребляются в дейктической функции (личные местоимения 1 и 2 – го лица), другие – преимущественно в анафорической (относительные местоимения). Некоторые (личные 3 – го лица, указательные) могут выступать в обеих функциях, другие – одновременно, например, притяжательные (**le mien**), где категория лица устанавливается по ситуации речи, формы рода и числа выбираются в силу анафорического замещения существительного. Поэтому невозможно резко противопоставлять местоимения по признаку дейксиса и анафоры.

Зачастую есть некие необоснованные сомнения в законности добавления в состав местоимений такого рода, как «**pronoms indefinis**». Данный тип используется в роли указателя и в функции дейксиса и анафоры. Пример: фр: «**Ce n'est peut – être pas vrai, mais chacun le dit**» – русс: «**Это не может быть правдой, но все это говорят**» – тадж: «**Ин номумкин аст, ки рост бошад, аммо ҳама инро мегӯянд**» – шугн: «**yed rost nestst fukaf loven yed rost**» – относится к случаю №2, который имеет обобщенное значение.

Предложение: фр: «**Il a beaucoup de visiteurs**», перевод русс: «**У него много посетителей**» – тадж: «**Вай меҳмонони бисёр дорад**» – шугн: «**Wend metun fana**» – относится к случаю №1, предложение имеет

синтаксические особенности и еще один повод в пользу добавления их в группу местоимений.

Во французском грамматике насчитываются шесть точных групп местоимений, такие как

1. личные местоимения – «я / мы / ты / вы / он / она / оно / они», также вышеперечисленные имеют 1 – ое и 2 – ое лицо/ ед. или мн. числа;
2. притяжательные местоимения – «мой / моя / моё / твой / твоё твоя / ваш / наш / их / её / его /свой»;
3. указательные местоимения – «этот/тот/та/то/такой/таков»
4. вопросительные местоимения – «чей? /чья? / чьё? / чьи? / какие? / какое? / каковы? /какая»;
5. относительные местоимения – «который /какой / кой / тот / кто / что / сколько / чей /каков»;
6. неопределенные местоимения – «некто /нечто / некоторый /несколько / кое – кто / кто – то /кто – либо / кто – нибудь / что – то / кое – какой / чей – то / чей – либо».

Каждый из приведенных групп местоимений имеет свой способ указания на референта. В соответствии с этим меняются их семантико – грамматические факторы.

В своей работе в 1974 году Эмиль Бенвенист писал: «Первые три группы обозначают объект по соотнесенности с лицом речи, которая у личных и притяжательных проявляется в категории лица, у указательных в указательности (близость или отдаленность от говорящего). У трех других групп это значение не выражается: вопросительные и относительные определяют свой референт только по связи с семантическим источником, последние указывают на неопределенный референт. Поскольку местоимения в целом отражают ситуацию речи и служат, по выражению Бенвениста, для «обращения языка в речь», центральной группой являются личные местоимения, выражающие соотнесенность с лицом речи в наиболее чистом и вместе с тем дифференцированным виде» [Бенвенист, 1974, 40].

2.3. Личные местоимения в русском языке

Личные местоимения характеризуются последовательным изменением по падежам и наличием у части слов (он) категорий рода и числа. Личные местоимения делятся на местоимения первого лица – я, мы\ местоимения второго лица – ты, вы и местоимения третьего лица – он (она, оно, они).

Личностное местоимение «я» указывает на говорящего человека, например:

Русс: «Я» – пойду завтра в кукольный театр. – тадж: «Ман» пагоҳ ба театри лухтак меравам». – *фр: «Demain j'irai au théâtre de marionnettes»* – *шугн: «Xumneta tar jinjitak teatr sawam».*

Русс: «Я» хочу научиться кататься на роликах – тадж: «Ман мехоҳам гилдиракчарониро омӯзам». – *фр: «Je veux apprendre à faire de la roulette»* – *шугн: «Wuz hoҳum rolikboze ху ихmandum».*

Русс: «Вчера было солнечно и «я» решила выгуливать собаку в парке. – тадж: «Дирӯз офтобӣ буд ва «ман» тасмим гирифтам, ки сагро дар боз сайр кунам». – *фр: «Hier il faisait beau et «j'ai» décidé de promener le chien dans le parc».* – *шугн: «Biyor xir vud wuzum hoҳix čud ve kud tar sayru gašt zewedum ».*

Личностное местоимение «ты» указывает на субъект, к которому относится речь, например:

Русс: «На обед «ты» хочешь борщ или картофельное пюре? » – тадж: «Барои хӯроки нисфирӯзӣ «ты» борщ ё пюре картошка мехоҳед?» *фр: «Tu» veux du borsh ou de la purée de pommes de terre pour le déjeuner? «Obedand turd borch yo kartochka fort?»*

Личностное местоимение русского языка «он/она/оно» указывает на человека, который не является участником диалога, другими словами, на посторонний субъект. Данное местоимение («он/она/оно») имеет форму первого и второго лица, и отличается от других тем, что с его употреблением не обязательно дополнительное называния говорящего или собеседника,

например: *«он» хорошо играет на фортепиано, «он» обладает глубоким талантом астрологии, «он» является олимпийцем, и выиграл золотую медаль, «она» открыла занавесу тайны перед иностранными зрителями, «она» любит розовый цвет, «она» носит высокую элегантную обувь, пусть «оно» останется секретом между нами, «оно» предстало перед моими глазами во сне, «оно» вскоре еще даст о себе знать.*

Если затронуть иную категорию – с морфологическим уклоном, определяющую мужской, женский и средний род местоимений, то можно отметить, что они подразделяются надвое:

местоимения, которые не обладают морфологическим подтекстом и смыслом (в определении рода) – «я/ты», например:

русс: «Я уже в предвкушении завтрашнего вечера», «ты отвезешь меня с собой на рыбалку?» – тадж: «Ман аллакай бесаброна шаби фардоро интизорам», «маро бо худ ба шикори моҳӣ мебарӣ?» – фр : « J'ai déjà hâte à demain soir » « tu me prendras pour pecher ?» – шузн : « Wuzum dis xumne xab intizor tuta mu xuqat tar moxi anjivd yose ?»

местоимения, которые обладают морфологическим значением (в определении рода) – «он», например:

русс: «Он ожидал увидеть такое количество мячей на корте» – тадж: «Дар майдон ин кадар туб диданро интизор набуд» – фр: «il ne s'attendait pas à voir autant de ballons sur le court de tennis» – шузн: «Ar maydunum disga lap put wintow intizor navad»

При использовании местоимений «я/ты» говорящий должен предопределять свою речь и ее направление в сочетании со словами в мужском, женском, среднем роде. Это был первый способ, а второй – это сочетание со словами, которые приходятся в предложении в роли подлежащего или сказуемого.

Сам же выбор: «в каком роде будет стоять слово?» зависит от того лица, на которое указывает местоимение, например:

Русс: «Мне донесли от лица преподавателя МГУ, что я прошла все экзамены успешно» – тадж: «Ба ман аз номи муаллими Университети давлатии Москва хабар доданд, ки ман хамаи имтихонхоро бомуваффакият сунурдам» – фр: «Au nom du prof de l'Université de Moscou on m'a porté que j'ai passé tous les examens avec succès» – шугн: «Murden lud uzum fuk imtionen ba xube naxjid»

Русс: «Это письмо я хочу адресовать тому самому – любимому» – тадж: «Мехохам ин мактубро ба худи хамон кас — махбубам ирсол намоям» – фр: «Je veux adresser cette lettre pour mon amour aimé» – шугн: «Хойиҳум там хат ху оџиқард туфа кинум» [Плунгнян, 2003 – 88]

В случае, когда приобретают олицетворение предметы, имеющие средний род, прилагательные или глаголы прошедшего времени, сослагательного наклонения, то сказуемые в предложении становятся в форме среднего рода, например:

«Ты свет моих очей и солнце посреди ночи, лики луны в сумерках и темное небо над головой – «Ту нури чашмони ману офтоби нимашаб, чехраи моҳ дар шаб ва осмони тира дар болои»;

«Вся восточная долина покрылась маком и тюльпанами ярко заполняя все поле, радовали глаз» – «Тамоми водии шарқӣ бо кӯкнор ва лолаҳо фаро гирифта шуда буд, ки тамоми киштзорро ба таври равшан пур карда, ба чаши писанд омад»;

«Козы паслись, щипая только подрастающую зеленую травку, чувствовалось весеннее восхождение» – «Бузхо мечариданд, танхо алафи сабзи руёндаро меканданд, кас фароҳии бахорро хис мекард».

Местоимения «я/ты» способны утрачивать свое значение. Таким образом «я» приобретает значение человека, личности, индивидуума, в том время как «ты» употребляется при непринужденном обращении к кому – либо близкому человеку, приятелю, однако «я/ты» стоят в среднем роде, например:

Пустое вы сердечным ты

Она, обмолвясь, заменила (Пушкин);

*Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное я (Анн.);
В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались, как чужие,
Забыв, что есть простое ты (Блок);*

Местоимение **я** может также развивать знач. (любой, всякий человек, человек вообще): Было бы хорошо, если бы книга с шутливым названием «Мама, папа и я» была прочитана каждым «я», каждой матерью и отцом, порождающими новые «я». В этих случаях слово **я** получает признак муж.р.

Местоимение **он** имеет морфологическую категорию рода, выраженную тремя рядами падежных форм: формами ед. ч. муж. р. (им. п. он); формами ед. ч. сред.р. (им. п. оно); формами ед. ч. жен. р. (им. п. она). Таким образом, местоимение – существительное **он** изменяется по родам, подобно прилагательным. Принадлежность к тому или иному роду обозначена в им. п. ед. ч. нулевой флексией (муж. р.), флексией – о (сред. р.) и флексией – а (жен. р.).

Род местоимения **он** (она, оно) обусловлен или полом того лица, название которого замещается этим местоимением (брат не приехал: он болен; сестры не было дома: она пошла в театр), или родом того существительного, вместо которого употреблено местоимение: он (стол) был завален книгами: она (книга) лежала на столе; оно (окно) было открыто. Род местоимения **он** (она, оно), как у существительных (и в отличие от прилагательных), определяет собою родовые формы определяющих его слов (прилагательных, причастий): он, веселый и беспечный; она, родная и любящая; оно, большое и светлое, а также родовые формы координируемого с местоимением слова в сказуемом (он веселый, она веселая; он пришел, она пришла, оно пришло):
А он, мятежный, просит бури, Как будто в бурях есть покой (Лермонтов);

Личные местоимения не обладают особыми формами для различения одушевленности/неодушевленности замещаемых ими существительных. Все личные местоимения имеют тождественные флексии в формах род. и вин. п.; таким образом, по своему словоизменению они подобны одушевленным существительным.

Местоимение он (она, оно) при словоизменении формально не выражает различия между указанием налицо или не – лицо: род.:

«Без него (профессора) лекции не начинали»;

«Без него (электрического света) лекцию не начинали;

винительный падеж п.:

«Его (профессора) провожали двое студентов»;

«Его (свет) включили час назад»

При согласовании прилагательного и причастия, определяющие местоимение – он (во мн. ч. – они), последовательно в формах вин. п. указывают на одушевленность или неодушевленность заменяемых местоимением существительных:

Русс: «Я увидел его (дом), высокий и красивый» – **тадж:** «Ман вайро дидам(хонаро), баланд ва зебо» – **фр:** «Je l'ai vu» (maison) haute et belle – **шугн:** «Wuzum we wint (we mala), balandat, xušru»

Русс: «Они заметили их (друзей), веселых и оживленных» – **тадж:** «Онҳо вайҳоро диданд (рафиқонашонро)хурсанду хандон» – **фр:** «Ils leurs ont remarqué (leurs amis) heureux et animé». – **шугн:** «Waden wef wint (xu amrogun) ».

Категория числа у местоимений **я, ты, мы и вы** – это не словоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в системе двух противопоставленных рядов, организуемых морфологическими формами разных слов: падежными формами местоимений я, ты со знач. ед. ч. и падежными формами местоимений мы, вы со знач. мн. ч.

Значения ед. и мн. ч. у местоимений – существительных отражают внеязыковые различия единичности и не единичности тех лиц, названия которых этими местоимениями замещаются.

Противопоставление ед. и мн. ч. у личных местоимений осуществляется при помощи парадигм склонения следующих слов. У местоимений 1 л. – это противопоставление падежных форм слова **я** и падежных форм слова **мы**; у местоимений 2 л. – это противопоставление падежных форм слова **ты** и падежных форм слова **вы**.

Категория числа у личного местоимения он – в отличие от местоимений **я, ты, мы и вы** – это словоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в системе противопоставленных рядов форм со словоформой он, она или оно в качестве исходной – в ед. ч. и со словоформой они в качестве исходной – во мн. ч. Значения ед. и мн. ч. местоимения он (она, оно) отражают внеязыковые различия единичности и не единичности тех предметов (лиц и нелиц), на которые это местоимение указывает.

Противопоставление ед. и мн. ч. у местоимения – существительного он (она, оно) осуществляется при помощи парадигм склонения. При этом каждая из трех парадигм ед. ч. (с исходной словоформой он, она или оно) противопоставляется падежной парадигме мн. ч. с исходной словоформой они.

Личные местоимения **я** и **ты** обозначают единичное лицо говорящего (я) или собеседника (ты). Эти местоимения могут иметь также обобщенное значение и абстрагировано представлять любое лицо. Аналогичной способностью к выражению абстрагированно – обобщенных значений обладают также некоторые местоименные прилагательные

Обобщенное значение приобретают местоимения **я** и **ты** в таких условиях контекста или в таких ситуациях, когда отнесенность к единичному и определенному лицу одновременно предполагает возможность – при

сходной ситуации – отнесенности к любым другим лицам, приведем следующие примеры:

Русс: «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо» – тадж: «Ман одамам ва чизе барои ман бегона нест» – фр: «Je suis humain et rien d'humain ne m'est étranger » – узгн: «Wuzum odamat yečizga beguna murd nest»

Русс: «Но ты останься тверд, спокоен и угрюм» – тадж: «Аммо ту устувор, ором ва тира мон» – фр: «Mais tu resteras ferme, tranquille et sombre » – узгн: «Амо ту доимаф дисга хаҳ хи анја »

Русс: «Ты царь: Живи один» – тадж: «Шумо подшоҳ ҳасмед : танҳо зиндагӣ кунад» – фр: «Tu est roi : Vies seul » – узгн: «Тут подҳо: Тоқа зиндагӣ кин»

Русс: «Ты набираешь полную грудь воздуха, а потом мало – помалу, медленно, очень медленно, как можно медленней выпускаешь его изо рта» – тадж: «Шумо як сина пур аз ҳаво мегиред ва баъд оҳиста – оҳиста, хеле оҳиста, ҳарчи оҳиста, онро аз даҳони худ мебароред» – фр: «Tu prends une pleine bouffée d'air, puis petite à petite lentement, très lentement, aussi lentement que possible pour le laisser sortir de votre bouche » – узгн: «Tu хи сина пур аз аво кине, бад охиста охиста аз хи геv ве зеведе »

Местоимение ты может быть употреблено говорящим в обращении к самому себе: Ты хотел вторично изведать счастья в жизни, – говорил он сам себе (Тургенев.).

В употреблении местоимения – существительного он (она, оно) в большей мере, чем в употреблении слов я и ты, обнаруживается способность местоименных слов в своем конкретном значении применяться к той или иной ситуации. Так, он, она (чаще с отрицанием) может обозначать (именно тот, тот самый, кто нужен, о ком идет речь, кто подразумевается): Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» – и упала без памяти (Пушкин); Назовите же меня, назовите,

кто я? – Вы?.. – Больной вдруг вперил глаза в лицо Лары и после долгого соображения ответил: Вы – не она .

Кроме того, местоимение он (она, оно) имеет несколько специфических употреблений.

Местоимение он, она может быть употреблено в знач. (возлюбленный (возлюбленная)), (герой (героиня) романа) (устар.): Но почему ж ты столько огорчен? И кто виной? Супруг, отец, конечно... – Не то, мой друг! Но что ж? – Я ей не он (Пушкин.).

Местоимение он может замещать собой название лица (или совокупности лиц), а также название какого – либо существа (животного, человека), упоминание которого по тем или иным причинам нежелательно или запрещено (таковы слова неприятель, враг, а также черт, дьявол, нечистая сила): Этот – то белый вал и есть неприятель – он, как говорят солдаты и матросы (Л. Толстой);

В разговорной речи и в просторечии местоимение он в форме сред.р. оно употребляется в знач. (это): Пускай поэт Дурачится; восемнадцать лет Оно простительно (Пушкин.).

Значение множественного числа у личных местоимений выражается словами мы и вы; эти слова обозначают, что лица, на которые указывают местоимения, представлены в количестве, большем, чем один. Значение мн. ч. у личных местоимений имеет ряд особенностей.

Слово мы не обозначает множественности говорящих (мы – это не несколько я), а указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий; мы – это (я и ты), или (я, ты и вы), или (я и они), или (я, ты и они): Мы в круге млечного пути, Земные замерли мечты. Мы можем ввысь перенести Свои надежды – я и ты (Блок); Одна женщина звонила мне по телефону. Я был болен. Поговорили. Сказал, что сижу дома. А она мне говорит, уже вешая трубку: «Мы сегодня идем в театр». Так как я только что с ней говорил, то не понял: Кто же мы? Я болен. До чего неверно!

В художественной речи и в индивидуальном употреблении мы может обозначать не только группу «говорящий и какое – другое лицо или лица», но и «говорящий и не – лицо, не – лица»: Ночь и я, мы оба дышим (Фет); А вот и мы, – говорил он.... – Он имел в виду себя и машину (журн.); Теперь мы отвозим молоко вниз, к дороге, – сказал Жан. – Мы – это я да мой мул (журн.); Вчера мы ходили на зайцев, – сказал один охотник, – моя собака и я (журн.).

Слово мы может выступать как собирательное имя, указывающее на совокупность лиц (в числе которых находится и говорящий), объединенных по какому – либо общему для всех признаку: И умереть мы обещали, И клятву верности сдержали Мы в Бородинский бой (Лерм.); От Ивана до Фомы, Мертвые ль, живые, Все мы вместе – это мы Тот народ, Россия (Твард.); Вот основное, что мы получили от хозяйственной реформы. Я подчеркиваю слово «мы», ибо имею в виду все общество в целом (газ.); Вышел сборник «Мы и планета»

Слово мы может употребляться также для указания на одно лицо. Наиболее обычны следующие возможности употребления мы вместо я. В авторской речи в знач. (автор) (так называемая «формула скромности» или «авторское мы»):

В сочетаниях мы с тобой (т. е. (я и ты)), мы с ним (т. е. (я и он)), а также мы с вами (я и вы), мы с ними (я и они): Вот тот мир, где жили мы с тобою; Знать, только ивовая медь Нам в сентябре с тобой осталась (Есенин).

К употреблению **мы** вместо **я** прибегают иногда в целях самоутверждения или при стремлении поднять свой авторитет в глазах собеседников, слушателей: Ладно. Будем мужчинами. Мы ведь уже совсем взрослые товарищи. Нам уже выдали бумагу с гербовой печатью. Паспорт выдали. Мы уже в консерваторию норовим поступить. Нам ли бояться подобных инцидентов? Объяснения с какой – то рыжей девицей? (Рекемч., слова подростка); – Мы тоже из комендатуры, – говоря о себе во

множественном числе и простодушно улыбаясь, сообщил Алехин (В. Богомолов).

В насмешливой, шутливой речи: Видали мы таких; Слыхали мы о ваших похождениях; Знаем мы вас, как вы плохо играете! (Гоголь).

В литературе отражается утратившееся сейчас употребление мы вместо я в торжественных обращениях и посланиях царствующих особ: Мы, император всероссийский.

В экспрессивной речи при выражении снисходительного, иронического или участливого отношения возможно употребление мы в значении. (ты) или(он): Видно, лишний наследник нам не по нутру? – Как тебе не стыдно предполагать во мне такие мысли! (Тург.);

Нежите вы меня, милая барышня, а я, может, и вовсе не стою ласки вашей. – Не стоит! Она – то этого не стоит! – воскликнула опять с тем же жаром Катерина Ивановна, – знайте, Алексей Федорович, что мы фантастическая головка, что мы своевольное, но гордое – прегордое сердечко! Мы благородны, Алексей Федорович, мы великодушны, знаете ли вы это? Мы были лишь несчастны (Дост.);

Слово **«вы»** обозначает множественность собеседников (за исключением говорящего); частный случай – обозначение группы «собеседник и еще кто – то» в таких сочетаниях, как вы с ним, вы с ней, вы с ними (т. е. (ты и он), (ты и она), (ты и они)).

Слово **вы** в отличие от **мы** не обладает разнообразием употреблений. Самое характерное – это употребление вы при вежливом или официальном обращении к одному лицу («форма вежливости»), отраженное во фразеологизме на «вы» (говорить, обращаться к кому – н.): В кухне он называл меня на «вы», и мне это понравилось

При подлежащем – местоимении вы, обозначающем одно лицо, глагол и краткое прилагательное в сказуемом имеют форму мн. ч., а существительное или прилагательное в полной форме – форму ед. ч.: Как Вы себя чувствуете?; Вы были правы; но: Вы – мой лучший друг; Вы здесь – лишний.

Местоимения мы и вы могут употребляться в абстрагированном, обобщенном значении: Охотно мы дарим, Что нам не надобно самим (Крыл.); В магазине продавались детские игрушки. Привлекали к себе внимание – да просто вы окаменевали, глядя на них! – волшебные фонари (Олеша).

Значение формы мн. ч. местоимения он – они не отличается от значения мн. ч. существительных. В отдельных случаях в стилистически окрашенных контекстах, при передаче подобоострастной, раболепной речи форма они употребляется вместо форм ед. ч. *он, она: русс: А, понял, понял! Он заболел? Никак нет. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской комнаты. Я же им еще газету давал*[Стрелкова,1950,46] – *тадж: А фаҳмидам, фаҳмидам! Вай бемор шуд? Не. Намедонам. Онҳо танҳо шёткаи дандониӯиро, сачоқ ва собунро аз хучраи адъютани гирифтанд. Ман боз ба онҳо газетаро додам. – фр: A compris, compris! Est – il malade? Non. Je ne peux pas savoir. Seulement ils sont pris leur brosse à dents, leur serviette et leur savon de la chambre des qdjjudqnts. – узгн: A famtum, famtum yo kasal soto? Nai. Nafamum. Wađen faqat δendun šyotkayat, polatençat sabunen az malayand zoxt. Wuzum vo wefard gazeta dakçud*

Такое употребление устарело и сейчас отмечается только в просторечии, а также в разговорной речи в шуточных и иронических контекстах.

Форма мн. ч. они, подобно форме ед. ч. он, может употребляться для обозначения тех, кого почему – либо нельзя или не следует называть их собственным обозначением: И был миг, когда я отчетливо видел их – высоченные, выше самых высоких деревьев, бледные фигуры с седыми бородами до земли и черными ямами глазниц.

Местоимение третьего лица он (он, она, оно – в ед. ч. и они – во мн. ч.) изменяется по смешанному склонению, объединяющему в себе падежные флексии существительных и прилагательных.

В редких случаях наблюдается ненормативное употребление при слове кто местоимен. прил. такой в форме сред, р.: Да кто вы такое и зачем вы сюда приехали? (Дост.).

Местоимение **что** может указывать на лицо в тех случаях, когда целью вопроса является установление не личности человека (кто пришел?; кто вы такой?), а отличительных черт его характера, его свойств, сущности; при этом что синтаксически выражает значение сред, р.: Казалось когда – то, что это какое – то особое, почти страшное существо – человек, проживший сорок, пятьдесят лет. И вот таким существом стал наконец и я. Что же я такое, сказал я себе, чем именно стал я теперь?

В условиях контекста местоимение, что может содержать вопрос о живом существе: что там пробежало?; что это – волк или собака?

Личные местоимения – местоимения, которые указывают на предмет, но не называют его.

В группу личных местоимений входят такие слова как: **я, ты, он, она, оно, мы, вы, они.**

Местоимения 2 – го и 1 – го лица (ед. или мн. числа) могут указывать на определённые лица, на идущего мимо человека, на собеседника (я, ты, вы, мы).

Местоимения 3 – го лица (ед. или мн. числа) указывают на тех или того, кто не участвует в диалоге, или на предмет (он, она, оно, они).

Личные местоимения могут употребляться с предлогами: **у него, к нему, за ним, с ними, с ним, благодаря ему, ей, им.**

В русском языке личные местоимения имеют формы лицо, число, падеж, род (только местоимения 3 – го лица единственного числа).

При этом формы косвенных падежей образуются от разных основ (**я – меня, мне; ты – – – тебя, тебе; он – его, ему; и т. д.**);

Местоимения 3 – го лица имеют разные формы при наличии и отсутствии предлога: **её – у неё, ими – с ними (после предлога добавляется «н»).**

Некоторые местоимения в творительном падеже имеют дополнительные «удлиненные» формы: **мной – мною, тобой – тобою, ей – ею, ней – нею.**

У всех личных местоимений формы родительного и винительного падежа совпадают.

Личные местоимения 1 – го и 2 – го лица занимают особое положение по сравнению с личным местоимением 3 – го лица. Местоимения 3 – го лица в русском, французском и шугнанском языках относятся как к людям, так и к предметам и явлениям (ср. русск. он, она, оно, они), в то время как местоимения 1 – го и 2 – го лица используются только при указании на людей (за исключением редких случаев персонификации, например: **Я люблю тебя, жизнь.** Личные местоимения 3 – го лица в ряде языков отличаются от местоимений 1 – го и 2 – го лица по склонению.

Личные местоимения 1-го и 2 - го лица встречаются в определенном жанре языка; можно представить обширный текст доклада, в котором они не употреблены ни разу, в диалогах же без них нельзя обойтись. Отмеченные особенности личных местоимений 1-го и 2 - го лица объясняются спецификой их семантики.

Первое и второе лицо считается равноправным и действующими лицами. Близость 1 – го и 2 – го лица объясняется тем, что, если участвующие в беседе А и Б говорят о себе «я», этим обозначается два разных лица, значение же 3 – го лица не меняется от того, что о нем говорит А или Б.

Принципиальное отличие личных местоимений 1 – го и 2 – го лица от местоимений 3 – го лица особенно подчеркивается Э. Бенвенистом. По его мнению, 3 – е лицо – это фактически немаркированный член корреляции лица. В отличие от местоимений 1 – го и 2 – го лица местоимение 3 – го лица не указывает на момент речи. В отличие от имен, которые приспособлены информировать о постоянном и «объективном» понятии и могут быть виртуальными или актуализоваться в единичном понятии, местоимения 1 – го и 2 – го лица не приспособлены давать информацию, поскольку нет такого «объекта», который мог быть определен словом «я», или «ты»

[Бенвенист,1974,54]. Любое «я» имеет свою собственную информацию и соответствует каждый раз единичному существу.

Единственная реальность, к которой относится «я» (и «ты»), – это реальность речи. При помощи слов сферы 1 – го лица (менее отчетливо также и 2 – го) все события соотнесены с моментом речи, и практическое значение подобных слов поистине неоценимо: если бы для выражения чувства своей субъективности каждый говорящий имел бы свой особый указатель (подобно тому, как каждая радиостанция имеет свои собственные позывные), практически было бы столько языков, сколько индивидов, и общение между людьми стало бы невозможным. Второе лицо играет роль посредника между самым субъективным 1 – м и самым объективным 3 – м лицом. Во многих языках только во 2 – м лице возможно противопоставление по субъективной оценке, т. е. употребление местоимений вежливости наряду с местоимениями, нейтральными по субъективной оценке.

Мы согласны с В. Я. Мыркиным в том, что первобытный человек в своих примитивных представлениях о мире прежде всего противопоставлял «Я» – «не – Я» [Мыркин,2005,105].

Однако из этого логического рассуждения не следует делать вывод, что в языке первоначально существовало только два местоимения, одно из которых указывало на говорящего, другое – на все то, что окружало говорящего.

Наоборот, мы убеждены в том, что абстрагируясь от однозначных слов, первичные указательные частицы, из которых впоследствии возникли как указательные, так и личные местоимения об этом, выражали разнообразные, довольно конкретные оттенки указания на все то, что окружало говорящего. Следует еще иметь в виду, что категория личных местоимений появляется только при условии четкого выделения 2 – го лица в противоположность 1 – му, поскольку сферу 3 – го лица могли обеспечить и указательные местоимения.

В. Я. Мыркиным, не противоречат нашему тезису: от одной и той же основы сначала могло развиваться личное местоимение 2 – го лица, а потом, значительно позднее – местоимение 3 – го лица. Повторяем, особенности, сближающие 1 – е и 2 – е лицо (в противопоставлении 3 – му лицу), варьируются в зависимости от языков, однако, по – видимому, эти особенности получают все же перевес над другими, сближающими 2 – е и 3 – е лица (в противопоставлении 1 – му) [Мыркин, 2005, 67] .

Личные местоимения выделяются не только логически, но и грамматически (например, по согласованию личных глагольных окончаний, по обособлению собственноличных местоимений от существительных в образовании форм падежей и числа). Однако в традиционном распределении личных местоимений грамматические мотивы редко принимаются во внимание. Большинство лингвистов придерживается логического принципа определения системы лиц, несмотря на то, что данный принцип к местоимениям множественного числа не совсем подходит: «мы» это не есть «я + я», «вы» может равняться «ты + ты», или «ты + он».

Пользуясь чисто логическим принципом определения системы личных местоимений, некоторые лингвисты допускают возможность увеличения числа «лиц» примерно так: 1 – е лицо – говорящий, 2 – е лицо – собеседник, 3 – е лицо – тот, о ком говорят 1 – е и 2 – е лица, 4 – е лицо – тот, о ком говорит 3 – е лицо (например, в предложении Он сообщил ей представителем 4 – го лица было бы ей). Нельзя не согласиться с П. Форхеймером в том, что подобный подход ведет к бесконечному расширению количества лиц.

С нашей точки зрения, выделение четырехчленной системы личных местоимений правомерно было бы лишь в том случае, если в каком – либо языке такая система имела бы грамматическую поддержку (например, если бы глагол в соответствии с личными местоимениями изменялся не по трем, а по четырем лицам).

Поскольку личные местоимения 1 – го и 2 – го лица выражают противопоставление говорящего и собеседника, дифференциация личных местоимений по видимости – невидимости, известности – неизвестности может касаться только указания на лицо (предмет), о котором идет речь, т. е. касаться только сферы 3 – го лица.

Наряду с личными местоимениями, относящимися к определенным, известным лицам, употребляются и личные местоимения, выражающие, что действующее лицо неизвестно или что его не хотят конкретно указать; во французском языке употребляется неопределенно – личное местоимение *on*, из них те, которые относятся ко второму ряду, выступают при указании на более конкретное лицо (на лицо, присутствующее при разговоре, лицо упоминавшееся ранее) и этим отличаются от местоимений первого ряда

Следует отметить, что местоимения множественного числа в местоимения единственного числа большей частью преобразуются только в семантическом, но не в грамматическом плане: независимо от того, выражают ли в функции подлежащего эти местоимения одно лицо или много лиц, глагольное сказуемое с ними обычно согласуется во множественном числе. Во многих языках местоимения 1 – го лица множественного числа распределяются по признаку включения (инклюзив) или не включения (исключения, эксклюзив) собеседника.

Инклюзив и эксклюзив противопоставляются либо в сфере 1 – го лица двойственного числа (но составу лиц в данном случае возможно только по одному варианту для инклюзива и эксклюзива: **мы инклюзивное = я ты, мы эксклюзивное – я + он**), либо в сфере местоимений множественного числа (в таких случаях как по инклюзиву, так и по эксклюзиву возможны по три варианта: **мы инклюзивное = я + вы, или мы + ты, или мы вы, а мы эксклюзивное = я + они, или мы + он, или мы они**).

В русском языке по признаку грамматического рода в 3 – м лице единственного числа противопоставляются личные местоимения мужского, женского и среднего родов: *он, она, оно*, однако во множественном числе им

соответствует лишь одно местоимение (они), нейтральное по указанию на грамматический род. Ударенные и неударенные ряды личных местоимений в той или иной степени различаются в ряде современных романских языков

По нашему мнению, специфичные, чисто языковые особенности и функции личных местоимений 1 – го и 2 – го лица способствовали более раннему оформлению слов этих категорий по сравнению с местоимениями 3 – го лица. Пути оформления личных местоимений 1 – го и 2 – го лица мы себе представляем следующим образом. В процессе развития языка возникла необходимость дифференцировать указательные местоимения и личные местоимения 1 – го и 2 – го лица. Путем приобретения разного звукового оформления основы, разных (местоименных, выделительных и других) формантов, дифференцированных моделей формообразования первичные указательные частицы, с одной стороны, превращались в указательные местоимения, с другой – в личные местоимения 1 – го и 2 – го лица. При этом указательные и личные местоимения могли развиваться от разных или тождественных первичных указательных частиц.

Менее существенными мы считаем факторы психологические и общественные, выдвинутые, например, А. А. Леонтьевым, считающим, что могла существовать стадия развития языка, когда употреблялись только местоимения 1 – го и 2 – го лица, при условии, что существовала такая система общественных отношений, при которых действия постороннего 3 – го лица были несущественными [Леонтьев, 1969, 67 – 80]. иного происхождения личных и указательных местоимений, во втором же случае это вполне возможно. Во многих языках, действительно, сохранились следы, подтверждающие тождество основ указательных местоимений и личных местоимений 1 – го и 2 – го лица.

2.4. Личные местоимения во французском языке

Во французском языке личные местоимения 3 – го лица различаются по указанию на грамматический род замещаемых существительных; ср. формы единственного числа: *фр: il – русс: он – тадж:вай, ӯ – шугн:уо (мужского рода), фр: elle – русс: она – тадж:вай, ӯ – шугн:уа (женского рода);*

Во французском, например, всем неударенным формам личных местоимений соответствуют ударенные, причем неударенные выступают исключительно в приглагольном употреблении, как бы заменяя утраченные личные флексии глаголов. Ударенные формы могут употребляться независимо от наличия или отсутствия в предложении соответствующих неударенных местоимений; ср: *фр: Je pense, moi [Benveniste, 1966, 66]. русс: ‘я думаю’ (je – ‘я неударенное, moi – ‘я ударенное); тадж: Ман фикр мекунам. шугн: Wuz fikriyom. Фр: Qui est là? – Moi русс: ‘Кто там? Я (в данном случае употребляется только ударенное moi ‘я)’ тадж: Кӯ? Ман. шугн: Ćaiat? Wuzum.*

В грамматике французского языка в случае безличных предложений в речи употребляется мужской род, личного местоимения третьего лица («он») в единственном числе, например: *фр: «il pleut – русс: дождь идет – тадж: борон борида истодааст – шугн: boron ded. фр: il semble – русс: кажется – тадж: гӯё ки – шугн: гуво ки».*

Во французском языке различие между самостоятельными и служебными (приглагольными) формами особенно важно. Самостоятельные и приглагольные местоимения как бы поляризуют свойства русских местоимений. Последние не обязательны при глаголе, но могут выступать при нем в качестве подлежащего или дополнения. Французские приглагольные местоимения обязательны, если отсутствует словесное выражение подлежащего, а иногда и объектов.

Со своей стороны, самостоятельные, особенно *moi* и *toi*, не могут сочетаться с глаголом. Нельзя сказать *«Moi suis venu; Je vois toi; J’ai invité*

lui». Самостоятельное местоимение без предлога обычно выступает во фразе в роли обособленного члена – сегмента. Синтаксическая функция его уточняется приглагольным местоимением: *«Moi, je trouve la bien»* (субъект); *Moi, m'est egal* (косвенный объект). Отклонения от этого правила употребления самостоятельных местоимений наблюдаются:

в) при выделении или противопоставлении: *фр: «Je ne vois que toi»* [Гак, 1989, 96] – *русс: «Я вижу только тебя»*; – *тадж: «Ман танҳо туро мебинам»*; – *шугн: «Wuz tu dund winum»*; – *фр: «J'aime mieux toi que ta soeur»* – *русс: «Ты мне нравишься чем твоя сестра»*; – *« Назар ба хоҳарат ту ба ман маъкули »*; – *шугн: «Nazar bar xi yax tut murd xuš»*; – *фр: «Mais il y a moi»* – *русс: «Но есть Я»*; *тадж: «Аммо ман ҳастам»*; *шугн: «Амо wuzum yast»*; – *фр: «Je me represente toi jeune, rieuse »*; – *русс: «Я представляю тебя молодой, смеющийся»*; – *тадж: «Ман туро тасаввур мекунам, ки ҷавон ва хандон ҳастӣ »*; – *шугн: «Wuz tu yošat šunčajin tasavur kinum »*.

б) в функции подлежащего при наличии уточнителей: *moi aussi* я тоже, *toi seul* – ты один, *moi – tème* я тоже; в) при обо значениях совокупного подлежащего вместе с другим словом *фр: «Vers deux heures ma mere et moi etions simplement extenués par ses remarquables improvisations»* – *русс: «Около трех часов я и моя мама были просто изнурёнными его замечательными импровизациями»* – *тадж: «Такрибан се соат ману модарам аз бадеҳагӯи аҷоибӣ ӯ ҳаста шудем»* – *шугн: «Arai soat sut mot mu nanam az we badei lovdov mot sat»*.

Французские личные самостоятельные местоимения – слова с ограниченной синтаксической связью.

При исследовании категории числа личных местоимений наибольший интерес представляют три группы вопросов: 1) о системах форм числа; 2) о способах образования форм числа; 3) о сходствах и расхождениях по категории числа между именами и личными местоимениями. Противопоставление форм числа относится к наиболее характерным чертам

личных местоимений. Как отметил В. Шмидт, формирование категории числа в языках началось у личных местоимений, точнее в сфере местоимений 1 – го лица, поскольку единство индивида наиболее отчетливо воспринимается в 1 – м лице.

По выражению числа системы личных местоимений в большинстве языков двучленны: форме единственного числа противопоставляется форма множественного числа. Кроме двучленной системы в языках мира выявляются трехчленные (единственное – двойственное – множественное число) и четырехчленные (единственное – двойственное – тройственное – множественное число) системы.

Большой интерес представляет вопрос об очередности возникновения типов форм не – единственного числа, т. е. вопрос о том, что появилось раньше: форма множественного числа, выражающая неуточненное количество лиц, или формы двойственного, тройственного числа, выражающие точное количество лиц.

П. Форхеймер считает, что формальное выражение множественного числа логически более необходимо, чем формальное выражение двойственного и тройственного числа, легко заменимое числительными «два» или «три». Из этого следует, что формы множественного числа впервые появились в сфере личных местоимений и оттуда распространялись на сферу имен, в то время как формы точного числа (двойственного и тройственного) сначала появились в сфере имен и оттуда распространялись на личные местоимения. Этим объясняется, наличие во многих языках форм двойственного числа у имен при отсутствии этой формы у личных местоимений, в то время как обратное положение (наличие в каком – либо языке формы двойственного числа у личных местоимений при их отсутствии у имен) встречается значительно реже.

Склонение личных местоимений можно рассмотреть по трем аспектам:

- по количеству падежей, входящих в парадигму;
- по способу образования форм падежей;

- по взаимосвязи надежного склонения личных местоимений и имен. По первому аспекту личные местоимения нами не будут рассмотрены. Отметим лишь, что системы личных местоимений по количеству падежей весьма разнообразны.

В одних языках личные местоимения (или некоторые из них) вообще не склоняются (например, французские ударные *moi* 'я', *toi* 'ты' и т. д.), в других они изменяются по немногим падежам (например, в русском языке), в третьих (например, в коми и финском языках) в парадигму склонения личных местоимений входит значительное количество падежей. Способы образования падежных форм также весьма разнообразны, тем не менее по данному аспекту мы ниже попытаемся выявить некоторые закономерности.

По склонению личные местоимения могут отличаться друг от друга; нередко по одному типу склоняются личные местоимения 1 – го и 2 – го лица, по другому типу – местоимения 3 – го лица, падежные формы от местоимений единственного числа образуются часто иначе, чем эти же формы от местоимений множественного числа.

По нашему мнению, вопрос о первичности указательных или личных местоимений, как и вопрос о путях их развития, можно решить только исходя из того факта, что личные местоимения и их роль в языке неоднородны. Местоимения 1 – го и 2 – го лица существенно отличаются от местоимений 3 – го лица.

Кроме того, личные местоимения 1 – го и 2 – го лица по своим языковым функциям более резко отличаются от указательных местоимений, чем личные местоимения 3 – го лица. При помощи личных местоимений 1 – го и 2 – го лица указывается на самого говорящего или на самого собеседника, в то время как с помощью соответствующих указательных местоимений может быть указано только на сферу говорящего или на сферу собеседника. Кроме того, в отличие от указательных местоимений личные местоимения 1 – го и 2 – го лица не могут замещать существительные (хотя и употребляются только в субстантивных функциях) и могут относиться только к людям (о

расхождений между указательными и личными местоимениями 1 – го и 2 – го лица).

Местоимения выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и существительное. Они могут замещать любую другую часть речи и даже целое предложение, если они выступают в функции N.

Синтаксические функции местоимений: подлежащее (Il vient) прямое дополнение (Je le vois); предикатив, именная часть сказуемого (Etes – vous medecin? Oui, je le suis); косвенное дополнение (Je ne crois pas a cela); дополнение к имени, прилагательному, местоимению (une lettre de lui; facile pour moi; chacun d’eux); обстоятельство причины места и др. (Il en est tombe malade; Il vient d’y arriver).

В отличие от существительных местоимения не могут сочетаться с детерминативами и с прилагательными. Местоимение не может полу, чать ни детерминации, ни характеристики, так как, замещая N, либо указывая на объект по ситуации, оно отсылает к объекту со всеми его характеристиками. Поэтому прилагательное или относительное предложение, сопровождающие местоимение, обособляются и получают предикативное значение. Сочетаясь с детерминативом, местоимение депроминализуется, становясь существительным.

Личные местоимения могут определяться только уточнителями – словами, которые выражают идентификацию или объединение референтов: moi seul; a nous deux; lui – meme, vous tous, eux aussi.

Во французском языке местоимения играют большую роль в син – таксической организации предложения. Служебные приглагольные местоимения заполняют синтаксические валентности глагола, благодаря чему достигается полнота глагольной синтагмы. Указательные служебные местоимения **ce**, **celui** используются для замещения N в именной группе. Связывая предложения между собой, местоимения выполняют строевую функцию в организации сверхфразового единства, всего текста.

2.5. Личные местоимения в шугнанском языке

М. Аламшоев подразделяет шугнанские местоимения на такие разряды: личные, лично – указательные, определительные, указательно – определительные, количественные, указательно – количественные, взаимные, вопросительно – относительные, отрицательные, неопределенные

Личные местоимения в шугнанском языке изменяются и по числам, но их «нельзя проанализировать как связанные только противопоставлением, потому что **«mâš»** – это не «много я», а **«wuz и другие»**, **«tama»** – это не **много ты**, а **«ты и другие»**. Местоимения мн.ч. имеет инклюзивное и эксклюзивное значение. К местоимениям мн.числа **tama** присоединиться суффикс – **en**, употреблявши для выражения вторичного мн.числа (**mâšam** «именно мы», **tamayet** «именно вы»))» [Аламшоев,1992,99].

Личное местоимение I л. ед.ч. изменяется по падежам (прямой **wuz** и косвенный – **mu**). Местоимение 2 л. ед.ч. **tu** «ты», а также местоимения мн.ч. **«mâš» мы** и **tama «вы»** имеют формы косвенного падежа.

По мнению Виноградов В.В. личные местоимения имеют значения дейктичности, в любом языке «личные местоимения дают характеристику предмету или лицу относительно центра координации, каковы является говорящий данной речевой ситуации. Номинативная способность слова уже предполагает существование у него значения в самой системе языка, т.е. «значения внеситуативного». При этом меняется лиц референция [Виноградов,1972,281].

Косвенный падеж *шугн:* «**ти**», *русс:* «**меня/мой**», *тадж:* «**маро/аз они ман**», *фр:* **те/тон**» кроме значения дейктично – сти, используется для выражения посессивности: *шугн:* «**a virod, tu niyu**» – *русс:* «**Ой брат, слушай меня**» – *тадж:* «**Э бародар маро gūш кун**» – *фр:* «**Hey frère écoute moi**» – *шугн:* «**Mu mis xu qati tar kino yos**» – *русс:* «**Возьми меня с собой в**

кино» – – тадж: «Маро бо худ ба синамо бар» фр: «*Emmène – moi au cinéma*»

Все формы прямого падежа ед. и м. ч. употребляются субстантивно. При этом они постоянно выступают в роли подлежащего и именного сказуемого: *шугн*: «*Wuz – um red*» – русс: «Я осталась» – тадж: «Ман мондам» – фр: «*Je suis restée*» – *шугн*: «*Sozinda – yum wuz*» – русс: «Певец – я» – тадж: «*Хофиз манам*» – фр: «*Je suis chanteur*»

Косвенный падеж **mu** (а также местоимения **tu, tama**, которые не имеют косвенной форм) при субстантивном употреблении выступают в роли прямого дополнения *шугн*: «*mur– d tâlim maъa, xu kor– ta wuz xubaъ bidî vizûn – um*» – русс: «Не учи меня, своё дело я сам лучше знаю (букв. Меня заставляешь, а своё дело я сам лучше знаю)».

Косвенного дополнения с предлогами *as* и послелогом *шугн*: «*tu ma reъs*» – русс: «Ты не спрашивай меня. – *шугн*: «*murd ma lov*» – русс: «не говори мне».

Обстоятельства в сочетании с существительными, предлогами или постпозитивными предлогами и частицами: *шугн*: «*Tar tu ёid yad*» – русс: «Приходи ко мне домой» – фр: «*Viens chez moi*» – тадж: «Ба хонаи мо биё»

При атрибутивном употреблении все личные местоимения прямого и косвенного падежей (кроме *wuz*) стоят перед определяемым именем и имеют значение посессивности: *шугн*: «*Yida, yid mu naqli tama – rd*» – русс: «Вот это вам мой рассказ» – тадж: «Ин ҳамин буд ҳикояи ман» – фр: «*Voilà est mon récit pour vous*». *шугн*: «*Tut iъird darcor nest*» – русс: «Ты совсем ненужный человек (букв. Твоя душа в тупике, твоё копыто проклято)» – тадж: «Шумо тамоман одами беарзишед» – фр: «*Tu es une personne complètement sans valeur*»[Аламшоев,1992,122].

Местоимение – **tu** иногда теряет значение местоимённости и используется как выделительная частица. В таких случаях оно обычно употребляется с изафетом – **i** и стоит после определяемого слова, причем

определяемыми словами могут быть сами местоимения, существительные и глаголы. При этом **tu** может функционировать и с именами во мн.ч.

Косвенный падеж личного местоимения I л., ед. ч. в изолированном виде совпадает по всем языкам и диалектам (за исключением сарыкольского «**šiy**»), однако яри словосложении он подвергается фонетическим изменениям, вследствие чего появляются новые варианты.

Местоимение **шугн: «yam» – тадж: «ин» – русс: «эта» – фр: «се»** в единственном и множественном числе, имеющие прямой некосвенный падеж в ближней степени удаления указывает на реальные вещи, предметы и объекты, находящиеся у говорящего. Они соотносятся с временным фактором и образуют целое предложение, например: **шугн: «yam kitob» – русс: «эта книга» – тадж: «ин китоб» – фр: «ce livre»**– **шугн: «yam verod» – русс: «этот брат» – тадж: «ин бародар» – фр: «ce frère»** **шугн: «mað kitoben» – русс: «эти книги» – тадж: «ин китобњо» – фр: «ces livres»**– **шугн: «mað veroden» – русс: «эти братья» – тадж: «ин бародарњо» – фр: «ces frères».**

Косвенные формы слов:

«**mi/nam**» стоят в единственном числе, а слово «**tev**» во множественном числе.

Данные слова обозначают предметы, объекты, которые лежат неподалеку от говорящего, к примеру:

шугн: «Mi ze» – русс: «возьми этот» – тадж: «инро гир» – фр: «prends ça»,
данные отрывки имеют мужского рода.

шугн: «Mat yos» – русс: «отведи эту » – тадж: « инро бар» – фр: «emporte – le» – шугн: «tam vaz yos» – русс: «отведи эту ее козу» – тадж: «бузи инро бар» – фр: «emporte sa chèvre».

Во множественном числе: **шугн: «tev vazen» – русс: «этих коз» – тадж: «ин бузњоро – фр: « ces chèvres; шугн: «tev vassen ay ki» – русс: «Прогони этих коз» – тадж: «ин бузњоро сур кун» – фр: « chasse ces chèvre».**

В процессе использования такого типа местоимений (указательной формы) есть свои правила, которые необходимо придерживаться, так как без них

адекватность и грамматический смысл пропадает. Одно из таких правил заключается в том, что они имеют способность функционировать после каждой прямой формы 3 – х степеней удаления. Также после местоимения, которое стоит перед другим и вбирает в себя указательное значение. В случае не учитывания такого правила, в предложении второе будет указательным, а первое – притяжательным. В таких случаях прямые формы никогда не употребляются: уа *шугн*: «*wi kitob*» – *русс*: «его книга» – *тадж*: «*китоби вай*» – *фр*: «*son livre*»; *шугн*: «*tam dam kitob*» – *русс*: «эту ее книгу» – *тадж*: «*ин китоби вайро*» – *фр*: «*ce livre à lui*»; *шугн*: «*wam wam kitob* – *ту*» – *русс*: «та ее книга» – *фр*: «*ce livre – là*»; *шугн*: «*yam wi qalam*» – *русс*: «этот его карандаш» – *тадж*: «*ин қалами вай*» – *фр*: «*ce crayon à lui*»; *шугн*: «*таден wef qalamen*» – *русс*: «эти их карандаши» – *тадж*: «*ин қаламҳои онҳо*» – *фр*: «*ces crayons à leur*» [Аламшоев, 1992, 120].

В средней степени находятся местоимения, по отношению к предметам и их лицам, находящимся рядом с говорящим и слушателем, и оба обязательно должны иметь в кругу своего зрения тот самый объект, также в отношении к человеку или предметам, находящиеся между не далеко и не близко и тоже видимыми объектами, например: *шугн*: «*yid wän*» – *русс*: «эта/та ива (близкая, рядом или в поле зрения у говорящего)» – *тадж*: «*ин дарахт*» – *фр*: «*cet arbre*»; *шугн*: «*yid buq*» – *русс*: «тот/этот бугор (чуть отдаленный от говорящего)» – *тадж*: «*он тенна*» – *фр*: «*ce monticule*».

Порой «*yid*» утрачивает значение указания, функционирует косвенно, другими словами, когда говорящий находится рядом, но его не видно, например: *шугн*: «*yid – ta xi na – fämt*» – *русс*: «он себя не понимает» – *тадж*: «*ӯ худаширо намефаъмад*» – *фр*: «*il ne se comprend pas*»; *шугн*: «*yid čorik sudj*» – *русс*: «он стал мужчиной» – *тадж*: «*ӯ мард шуд*» – *фр*: «*il a devenu homme*».

В повествовательных предложениях «*yid*» в зависимости от контекста при аналогичной ситуации может заменить – «*yu/wi*» – «он», *шугн*: «*yu wi di*

čid darünand nüsč» – русс: «*тот/он сидит внутри этого дома*» – тадж: «*ӯ даруни ин хона нишастаст*» – фр: «*il est assis dans cette maison*»

Все косвенные указательные местоимения, стоящие в единственном числе изменяются по родам: *шугн*: «*wi tat tüyd*» – русс: «*его отец ушел*» – тадж: «*надари вай рафт*» – фр: «*son père sont allé*»; *шугн*: «*di tat/ wi tat kate kor kixt*» – русс: «*его отец работает с его отцом*» – тадж: «*надари вай бо надари ӯ кор мекунад*» – фр: «*son père travaille avec son père*»; *шугн*: «*wi tat nivišt*» – русс: «*его отец пишет*» – тадж: «*надари вай менависад*» – фр: «*son père écrit*»; *шугн*: «*dam tat pi dišid sifid*» – русс: «*ее отец поднялся на крышу*» – тадж: «*надари вай ба бом баромад*» – фр: «*son père est monté sur le toit*». [Карамшоев, 1963, 99].

Указательные местоимения обладают и формой числа. В ед.ч. *уат, уид, уи, уа* во мн.ч. *дәд, вад* : *шугн*: «*уат kitob*» – русс: «*эта книга*» – тадж: «*ин китоб*» – фр: «*ce livre*»; *шугн*: «*dād kitoben*» – русс: «*эти книги*» – тадж: «*ин китобҳо*» – фр: «*ces livres*».

Указательные местоимения имеют также два падежа: прямой и косвенный.

Все прямые формы в основном содержат в себе такие значения: дейктивности, когда лицо или предметы видны, известны, близки референту в пространстве и во времени: *шугн*: «*уат čorik čow kixt*» – русс: «*этот мужчина косит траву*» – тадж: «*ин мард дарав мекунад*» – фр: «*»*».

– анафоричности, когда указывается на определенные, предварительно упомянутые предметы или понятия, например: *шугн*: «*tu – nd dis lap kito viđj*» – русс: «*У тебя много книг*» – тадж: «*»*» – фр: «*»*». *шугн*: «*Yam kitob mi – rd xuš*» – русс: «*Эта книга мне нравится*» – тадж: «*»*» – фр: «*cet homme fauche l’herbe*».

Косвенные формы кроме дейктивности к анафоричности тлеют значение посессивности. И к прямым и косвенным падежам указательных местоимений всех степеней удаления присоединяются суффикс «*ik*» и препозитивная

усилительная частица «**yik/ik**». Все указательные местоимения употребляются субстантивно и атрибутивно.

Местоимения шугнанского языка, как и другие, имеют следующие разряды: личные, указательные (лично – указательные), указа – тельно – определительныз, указательно – количественные, количественные, возвратно – притяжательные, определительно обобщенные, определительные. взаимные, вопросительно – относительные, отрицательные, неопределенные. В названных языках нет формы притяжательных местоимений. Притяжательную функцию здесь выполняют другие местоимения, например, такие как личные, возвратные и другие. Предпринята попытка найти четкую грань между многими разрядами, например, такими как определительно «**ar**», «**каждый**», «**xuba**», «**сам**», которые рассматривались по – разному» Введены в класс местоимений такие слова, как **çond.** «**столько**»; **varð** «**оба'**; **обе**»; **çidom** «**какой**»; **yiga** «**другой**»; **digaen** «**другие**»; **yilaven** «**некоторые**»; **amdigar, yakdigar** «**друг друга**», а также вопросительно – относительные местоимения, которые ранее выделялись как особые формы. Местоимение – «Я», во многих языках начинается с т или Ъ, Карамшоев, в свою очередь, поясняет это следующим образом: «Примитивный человек свое «Я» представляет помещенным в собственном теле, поэтому звуками т и Ъ, произнесенными сомкнутыми губами, человек символизировал свое «Я». В бадахшанском ареале в частности шугнанском языке, данный вопрос рассмотрен в трудах АламшоевМ.М, Карамшоев Д анализируются разные мнения при определении разрядов местоимений [Аламшоев, Карамшоев Д, 2000, 63].

Исходя из этого, в большинстве случаев, авторами научных работ по неизвестной причине игнорируется категория III – го лица местоимения (он, она, они – у, вай, онъо), при том, что в точности наоборот ситуация происходит с памирскими языками. Более распространено данную тему о двусмысленном употреблении указательных местоимений косвенных форм разрабатывал Д. Карамшоев и М. Файзов.

В шугнанском языке предложение: шугн: «*wam kitob yos*» – «*отнеси ее книгу*» – тадж: «*кутоби ўро бар*» – фр: «*portes son livre*» шугн: «*wam kitob yos*» – русс: «*отнеси ту книгу*» – тадж: «*вай китобро бар*» – фр: «*portes ce livre – là*» относится к такому типу. Относительно специфических качеств форм и структуры вторичного множественного числа, I – го и II – го лиц, например, «шугн: *таден, tamayet* – русс: *они, вы* – тадж: *онҳо, шумо* – фр: *ils, vous*» и личных местоимений II – го лица, единственного числа, например: фр: «*tu*» русс: «*ты*» тадж: «*ту*» шугн: «*tu*» и множественного, например: шугн: «*tama*» русс: «*вы*» тадж: «*шумо*» фр: «*vous*» Аламшоев М.М, Карамшоев Д дает небольшое пояснение [[Аламшоев, Карамшоев, 2000, 65].

В отличии от других форм местоимения, один, все же, остался несовсем изученный. Таковой оказалась форма, связанная с суффиксами из категории местоимений множественного числа:

Шугн: *Mu tat – at wi amroyen pi ku sifid* – русс: «*Мой отец и его спутники поднялись в гору*» – фр: «*Mon père et ses compagnons sont monté la montagne*» – тадж: «*Падарам ва ҳамроҳгонаш ба кӯҳ баромаданд*», данное предложение имеет заимствованные слова, которые выступают в виде местоимений: «*çunin*», «*amçunin*» – «так, такой *iç – andi, çandun* «несколько, «сколько – то», «не так». Нет четкого категориального определения форм: «*varḡ*», «оба», «обе» и «*yiga* и другой», *digayen, digaren* «другие», *amdigar, yakdigar* – друг друга.

За много лет исследований, тщательных анализов и детального изучения, учеными, специализирующимися в сфере памироведения, еще не было достигнуто одного, альтернативного мнения в определении функции и качеств грамматического статуса местоимения «*ar*», обозначающего: «каждый/всякий». Ученые делятся на тех, кто относит данное местоимение к неопределенным, и тех, кто считает, что оно является вполне определительным.

В посвященных шугнанскому языку работах синтаксические функции местоимений рассматриваются не полностью, и осталось много неисследованных их сторон. В опубликованных работах вопросительные и неопределенные местоимения не подвергнуты четкому исследованию и группированию, сопоставляются функции местоимений шугнанского языка и их формы с местоимениями других языков: «А проникновение вглубь и сущность языка невозможна без сопоставления с другими неродственными языками».

Необходимо также заметить, что в формировании начальной формы местоимений (не измененной) основную роль играет звукообразование и звукоподражание. Как не странно, звуковая составляющая занимает особое место как в своем профессиональном исполнении, так и вспомогательном, для образования тех или иных местоимений, оно также может быть полезным в различных группах местоименных слов и словосочетаний.

Местоимение – «Я», во многих языках начинается с т или Ъ, Карамшоев, в свою очередь, поясняет это следующим образом: «Примитивный человек свое «Я» представляет помещенным в собственном теле, поэтому звуками т и Ъ, произнесенными сомкнутыми губами, человек символизировал свое «Я». В бадахшанском ареале в частности шугнанском языке, данный вопрос рассмотрен в трудах Аламшоев М.М, Карамшоев Д анализируются разные мнения при определении разрядов местоимений [Аламшоев, Карамшоев Д, 2000, 63].

Исходя из этого, в большинстве случаев, авторами научных работ по неизвестной причине игнорируется категория III – го лица местоимения (он, она, они – у, вай, онъо), при том, что в точности наоборот ситуация происходит с памирскими языками. Более распространено данную тему о двусмысленном употреблении указательных местоимений косвенных форм разрабатывал Д. Карамшоев и М. Файзов.

В шугнанском языке предложение: шугн: «*wam kitob yos*» – «отнеси ее книгу» – тадж: «*китоби ўро бар*» – фр: «*portes son livre*» шугн: «*wam*

kitob yos» – *русс: «отнеси ту книгу»* – *тадж: «вай китобро бар»* – *фр: «portes ce livre – là* » относится к такому типу. Относительно специфических качеств форм и структуры вторичного множественного числа, I – го и II – го лиц, например, *шугн: таден, tamayet* – *русс: они, вы* – *тадж: онҳо, шумо* – *фр: ils, vous*» и личных местоимений II – го лица, единственного числа, например: *фр: «tu» русс: «ты» тадж: «ту» шугн: «tu»* и множественного, например: *шугн: «tama» русс: «вы» тадж: «шумо» фр: «vous»* Аламшоев М.М, Карамшоев Д дает небольшое пояснение [[Аламшоев, Карамшоев, 2000, 65].

В отличии от других форм местоимения, один, все же, остался несовсем изученный. Таковой оказалась форма, связанная с суффиксами из категории местоимений множественного числа:

Шугн: Mu tat – at wi amroyen pi ku sifid – *русс: «Мой отец и его спутники поднялись в гору»* – *фр: «Mon père et ses compagnons sont monté la montagne»* – *тадж: «Падарам ва ҳамроҳгонаш ба кӯҳ баромаданд»*, данное предложение имеет заимствованные слова, которые выступают в виде местоимений: *«çunin», «amçunin»* – «так, такой *iç – andi, çandun* «несколько, «сколько – то», «не так». Нет четкого категориального определения форм: *«varḡ», «оба», «обе»* и *«yiga и другой», digayen, digaren* «другие», *amdigar, yakdigar* – друг друга.

За много лет исследований, тщательных анализов и детального изучения, учеными, специализирующимися в сфере памироведения, еще не было достигнуто одного, альтернативного мнения в определении функции и качеств грамматического статуса местоимения *«ar»*, обозначающего: «каждый/всякий». Ученые делятся на тех, кто относит данное местоимение к неопределенным, и тех, кто считает, что оно является вполне определительным.

В посвященных шугнанскому языку работах синтаксические функции местоимений рассматриваются не полностью, и осталось много неисследованных их сторон. В опубликованных работах вопросительные и

неопределенные местоимения не подвергнуты четкому исследованию и группированию, сопоставляются функции местоимений шугнанского языка и их формы с местоимениями других языков: «А проникновение вглубь и сущность языка невозможна без сопоставления с другими неродственными языками».

Необходимо также заметить, что в формировании начальной формы местоимений (не измененной) основную роль играет звукообразование и звукоподражание. Как не странно, звуковая составляющая занимает особое место как в своем профессиональном исполнении, так и вспомогательном, для образования тех или иных местоимений, оно также может быть полезным в различных группах местоименных слов и словосочетаний.

2.6. Местоимение в языках Бадхшанского ареала

Памирские языки – группа иранских языков. Распространены в долинах Западного и Южного Памира (Горно – Бадхшанская АО Таджикской ССР и прилегающие районы Афганистана, Пакистана.Северной Индии) и в отрогах Сарыкольского хребта (Синьцзян – Уйгурский автономный район КНР). К ним относят ваханский, ишкашимский (с сангличским и зебакским диалектами) ,язгулямский языки и шугнано – рушанскую группу близкородственных языков и диалектов – шугнанский (с баджувским диалектом), рушанский, хуфский, бартангский, орошорский (или рошорвский), сарыкольский.

Сюда же входил ныне вымерший старованджский и, возможно, саргулямский. По ряду признаков к П. я. примыкает мунджанский и близкородственный ему йидга, однако это вопрос спорный.

Историко – генетические характеристики этих языков не позволяют рассматривать их как семью, отличную от других восточноиранских языков. Ряд таких черт объединяет различные порознь с разными восточноиранскими языками. Близкое родство с возможностью реконструкции общей прасистемы прослеживается между севернопамирскими языками (шугнано – рушанская группа, язгулямский и старованджский языки). При этом структурное сходство всех памирских языков большой общий лексический фонд указывают на их возможное конвергентное развитие в языковом союзе.

Личные местоимения имеются только для 1 – го и 2 – го л. (3 – е л. передаётся указательными местоимениями, кроме язгулямского языка, где указательные перешли в разряд личных); они отражают древние формы, но во 2 – м л. мн. ч. появилось новое образование по субстратной модели (кроме ваханского языка). Указательные местоимения сохраняют (кроме язгулямского языка) индоевропейскую систему трёх серий: I – ближайшее к говорящему; II – ближайшее к собеседнику или эмфатическое, анафорическое; III – удалённое или нейтральное.

Склонение местоимений архаично, сохраняется и в языках, где существительные его утратили (язгулямский язык, большинство языков шугнано – рушанской группы, ишкашимский язык).

Имена характеризуются категориями числа (ед. и мн.), рода (мужск. и женск.), степени сравнения (сравнительная степень прилагательных выражена морфологически, превосходная – контекстом), определенности/неопределенности (выражается артиклями: указат. местоимение и числительное 'один'). В ваханском, сарыкольском, мунджанском языках имеется также категория склонения. В язгулямском, ишкашимском и шугнано – рушанской группе языков существительные полностью утратили склонение. В язгулямском, ваханском, мунджанском языках счет двадцатиричный, а в языках шугнано – рушанской группы – десятиричный. Глагол в памирских языках, как правило, имеет две основы (настоящего и прошедшего времени); в шугнано – рушанской группе, ишкашимском и ваханском имеется еще основа перфекта. В ягнобском сохранилась только одна основа, от которой образуются все видовременные формы. Глагол характеризуется категориями залога, наклонения, лица, числа, рода, времени, переходности/непереходности и модальности. Показатели лица и числа в наст, времени флективные, а в прошедших временах – энклитические или аналитические (развивавшиеся из древних энклитических местоимений и связок, которые в мунджанском образовали вторичную флексию).

2.7. Местоимения вежливого обращения в русском и французском языках.

Местоимения вежливого обращения, преобразованные из местоимений 3 – го лица, обычно сохраняют свои прежние синтаксические связи: когда, например, подобные местоимения употребляются в функции подлежащего, глагольное сказуемое с ним согласуется не во 2 – м, а в 3 – м лице. Когда используется местоимение множественного числа, согласуемое глагольное сказуемое выступает соответственно в форме 3 – го лица множественного числа; **русс: «Вы идете (одно лицо или несколько лиц, буквально они идут)» – тадж: «Шумо меравед» – фр: «Vous allez ».– шугн: «Tamata seto »**

Замена местоимением множественного числа, местоимения единственного числа того же лица в Европе впервые зарегистрирована в III в. нашей эры в документах римского государства, возглавляемого одновременно двумя или тремя правителями. Издавая декреты, эти правители употребляли, естественно, личное местоимение 1 – го лица множественного числа. Позднее, когда установилось единовластие, причины для подобной замены не было, но необходимость уже успела превратиться в привычку, и в французском языке 1 – е лицо множественное число стало обычной формой обращения царствующей особы к своим подданным.

Так образовалось противопоставление двух личных местоимений единственного числа: обычного, типа русского я, и возвышенного «царского», типа русского мы (в царских указах), употребляемого одним лицом, императором России. В связи с заменой монархий республиками в большинстве современных языков устарело указанное противопоставление местоимений (обычного и царского) 1 – го лица единственного числа, но в свое время оно успело породить другое противопоставление подобного типа: в сфере местоимений 2 – го лица. Поскольку правитель о себе часто говорил во множественном числе, другие, обращаясь к нему, начали также употреблять

личное местоимение 2 – го лица множественного числа вместо соответствующего местоимения единственного числа.

В последствии французские языки данную модель начали использовать в обращении не только к правителям, но также к высокопоставленным светским и духовным лицам, и, наконец, в знак уважения – к любому лицу. Французский язык данную модель заимствовал из латинского, и современное французское личное местоимение 2 – го лица множественного числа **vous** – **вы** как местоимение вежливости относится безразлично к одному лицу или ко многим лицам. Личное местоимение 2 – го лица множественного числа в вежливом обращении используется по образцу французского **vous**.

По использованию местоимений вежливого обращения французской модели следует русский литературный язык (Вы – обращение к одному лицу и ко многим лицам; под влиянием русского языка подобная модель вежливого обращения распространяется во многих языках Советского Союза), но в русском просторечии выявляется и другая модель замены форм числа; при учтвом упоминании 3 – го лица форма множественного числа употребляется вместо формы единственного. *русс: «Где доктор? Они ушли домой» – тадж: «Духтур дар кучост? Онҳо ба хона рафтанд» – фр: «Où est le médecin? Ils sont allés à la maison » – шугн: «Kaye duxtur? Yo tar mala sut»*

Несколько иного характера противопоставление возникает в сфере местоимений 1 – го лица в связи с употреблением, так называемого авторского множественного числа. Не желая подчеркивать и выделять свою особу «яканьем», авторы произведений и докладчики избегают употребления местоимения 1 – го лица единственного числа, предпочитая заменить его более скромным местоимением множественного числа в том же лице; например: мы предполагаем (вместо я предполагаю); мы еще раз подчеркиваем (вместо я еще раз подчеркиваю). В русском языке в выражении уважения местоимение имеет особый статус. Необходимо напомнить, что местоимение считается указательной единицей, поэтому ее истинное значение проявляется в тексте. Поэтому средой ее использования является прежде всего

беседы и общения. Вот почему вопрос о выражении речевого акта и ее исследования было прежде всего обзором местоимения. В русском языке при выражении уважения личные местоимения приходят во множественном числе: мы, вы, они.

Местоимение «мы» означает первое лицо во множественном числе, но такой же вид, как «вы» означает единственное лицо тоже. В этом случае, первое лицо во множественном числе, который является говорящим, приходит вместо личного местоимения «я» и выражает скромность. В этом случае использования местоимение «мы» совместно со словами «слуга, бедный, малоимущий, раб» проявляет функцию синонима. Подобное использование «мы» в отношении собеседников, даже читателей, означает уважение. Наиболее простым и распространенным видом лексического выражения уважения считается местоимение второго лица во множественном числе – «вы». Так как это местоимение означает второе лицо, момент его применения, в отличии от местоимения «мы» в форме диалога, является непосредственной беседой.

русс: «Что вы, зачем? Я всё равно не мог бы остаться в этом доме после смерти матери » – тадж: «Шумо чӣ, барои чӣ? Баъд аз марги модарам то ҳол дар ин хона истода наметавонам – фр: «Pourquoi? Je ne pouvais pas toujours rester dans cette maison après la mort de ma mère» – шузн: «Ĉizard? Wuzum bad az mu nan midow tar we ĉid aĉga nistow navardod».

Таким образом, местоимение «вы», как «мы», имеет два значения: – второе лицо во множественном числе, и второе лицо в единственном лице для уважаемой личности. Естественно, что подобная ситуация создает трудности в понимании значения конкретных ситуаций. Эта сложность привело к тому, что владельцы языка для решения этой проблемы приказном порядке превратили местоимение «вы» и таким путем создали отличие между местоимением выражающей второе лицо во множественном числе и местоимение второго лица для уважаемых персон: *русс: «Хорошо, давайте я вам покажу самое прекрасное место этого сад » – тадж: «Хуб биёед ман*

ба шумо як ҷои хеле зебои ин боғро нишон диҳам » – фр: «Bien laissez – moi vous montrer le plus bell place de ce jardin» – шузн: «Xai vet wuz tamard sar xuşru joi me bogand devesum».

Тем не менее, эта норма, то есть прихода в виде двойного множественного числа местоимения второго лица выражающий уважение, не превратился в застывшее правило и слово «вы» до сих пор более используется в этих двух значениях: *русс: «Вы же не были скакуном, уважаемый дядя? » – тадж: «Шумо асп набудед, амаки азиз» – фр: « Tu n'étais pas un cheval, cher oncle» – шузн: «Tamaet vorj nest makjon ».*

В форме двойного множественного числа прихода местоимения второго единственного числа должна быть языковым феноменом в качестве речевого акта, о приходе которого свидетельствуют другие указательно лексические подразделения.

2.8. Система значений местоименных слов во французском языке

Местоимение представляет собой своеобразный класс слов, статус которого в языке до сих пор остается не определенным. С одной стороны, еще со времен античных грамматик местоимение по традиции включается в состав полнозначных частей речи, где оно фигурирует наряду с существительным, прилагательным и глаголом. Практически такой подход оказывается целесообразным, оправдывая себя и при обучении языку и при его описании. С другой стороны, большинство попыток обусловить такой подход теоретически наталкивается на значительные трудности и нередко приводит к отрицанию самостоятельного существования местоимения как отдельной части речи.

Следует отметить, что лексические значения местоименных слов являются ничем иным, как конкретными семантическими и общими (категориальными) значениями. Поскольку сфера приложения местоименных значений ограничивается лишь структурой и механикой самого речевого акта, то вполне естественно и ограниченный характер этих значений. А поскольку данная структура не претерпевает сколько –нибудь серьезных изменений в каждом конкретном случае, то не удивительно, что и набор местоименных значений проявляет высокую стабильность. Это не значит, конечно, что в семантике местоимений не происходит никаких модификаций, что не появляется новых местоименных значений и новых местоименных форм, иными словами, что в этой области не наблюдается никакого движения. Это значит лишь, что данные изменения носят чрезвычайно медленный и крайне ограниченный характер. В этой отношении значения местоимений сближаются с грамматическими значениями и, подобно этим последним, образуют отчетливую, легко обозримую систему.

Эта система носит концентрический, асимметричный характер, который обусловлен концентрической и асимметричной структурой самого объекта отражения.

Центральное положение в этой системе занимает относительно автономная подсистема личных местоимений, также построенная асимметрично и концентрически. В ее центре находится личное местоимение I – го лица, главная, определяющая часть системы в целом, ее первично доминирующий элемент или иерархическая вершина, от которой зависит состав системы, ее структура. Наличие этого элемента с необходимостью требует наличия другого элемента обозначающего собеседника, то есть местоимения 2 – го лица. А наличие этих двух элементов вызывает к жизни появление еще одного, точнее, серии элементов для представления предметов речи. Так возникают две перекрещивающиеся основные оппозиции, на которых система базируется: оппозиция «говорящий – собеседник и более широкая, перекрывающая ее оппозиция «собеседники – предметы их речи.

Обозначение собеседников не дает обычно сколько – нибудь заметных вариаций. Зато обозначение предметов речи разнообразно и специфицировано. Для говорящего предметы речи различаются, в первую очередь, по признаку «определенности – неопределенности.

В первом случае имеются в виду объекты, о которых оба собеседника достаточно осведомлены. Это значит, что об объекте уже шла речь или что объект физически присутствует в данной обстановке, так что на него можно указать пальцем, или что он может быть отождествлен с каким – либо известным объектом (равным образом может быть установлено отсутствие тождества, что также придаст ему характер «определенности) и т.д.

Во втором случае имеются в виду объекты, о которых у одного из собеседников или у обоих одновременно необходимые сведения отсутствуют.

Во французском языке личные местоимениями являются только местоимения I – го и 2 – го лица, ибо только они выражают лицо (говорящее, или слушающее). Что касается местоимений 3 – го лица, равно как и тех, которые находятся за пределами подсистемы, то некоторые авторы (например, Э.Бенвенист) предлагают называть их «неличными» местоимениями. Две формы противопоставляются, таким образом, множеству форы, что делает

асимметричной структуру системы в целом. Первые (личные) создают речевую ситуацию, вторые только предоставляют материал для беседы, идет ли речь об одушевленных существах или неодушевленных предметах.

Так называемые местоимения 3 – го лица оказываются членами микросистемы личных местоимений и противопоставляются непосредственным образом собственно личным местоимениям только в качестве антиподов этих последних (представителей личных местоимений, находящихся за пределами микросистемы). От этого данная микросистема приобретает законченный характер и воспроизводит принцип структуры системы в целом. Через местоимения 3 – го лица как бы осуществляется связь личных местоимений со сферой «определенных» и со сферой «неопределенных» местоимений (в широком понимании этих терминов). Однако от этих последних местоимения 3 – го лица отличаются тем, что лишены свойственных им дополнительных значений, специфицирующих отношения между объектами речи и собеседниками.

Их роль – служить противовесом местоимениям I – го и 2 – го лица, и в таком качестве они разделяют многие категории, функции и морфологические признаки этих последних. Необходимость в укомплектовании структуры подсистемы личных местоимений путём введения в нее неких инвариантов «неличных («определенных» и «неопределенных») местоименных форм была, по – видимому, продиктована тем обстоятельством, что в современном французском языке употребление местоимения при глаголе в личной форме является обязательным. Соответствующая тенденция возникла задолго до наших дней.

В русском языке, где аналитические тенденции еще не привели к господству аналитического строя, имеется лишь представитель группы «определенных» местоимений («он»).

Во французском языке эта местоименная форма развилась первой. Неопределенно – личное «он» представляет собой сравнительно позднее образование. Что же касается возможности подобного укомплектования, то

она представилась благодаря концентрическому строению системы местоимений, для которой вообще характерно взаимопроникновение семантических типов. Это значит, что среди местоимений определенного разряда всегда можно встретить «представителей» других разрядов. Например, если местоимения 3 – го лица есть не что иное, как указательные, вторгшиеся в сферу личных, то притяжательные местоимения представляют собой личные, вторгшиеся в сферу указательных «лично – указательным».

Сопровождающий абсолютную притяжательную форму определенный артикль, который не чередуется с неопределенным, может здесь считаться своеобразным носителем указательной семы. Вокруг центрального ядра системы группируются в иерархическом порядке прочие разряды местоимений, образуя две полусферы, Ближе к центру стоят те группы, которые выражают непосредственное отношение к собеседникам. Периферию системы занимают количественные местоимения, позволяющие осуществлять особые операции с множествами объектов.

Таким образом, развитие подсистемы личных местоимений проявилось, во – первых, в образовании личного местоимения 3 – го лица; во – вторых, в появлении первых неавтономных форм объектного личного местоимения и, в – третьих, в тенденции к регулярному употреблению субъектного местоимения 1 – го лица при глаголе.

Личное местоимение 3 – го лица образовалось в результате перехода указательного местоимения из диалогической речевой системы в монологической, что было связано с генерализацией анафорической функции этого местоимения. Генетическое значение (отдаленности от речевой ситуации по времени и месту) переосмыслилось при этом в значение ориентации

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении нескольких десятилетий сопоставительно – типологические исследования продолжают оставаться актуальными. Несмотря на то, что сопоставительному анализу подвергнут широчайший круг языковых явлений, важность подобного рода исследований все возрастает. В современную эпоху большое значение приобретает свободное владение несколькими языками. Это расширяет коммуникативные возможности человека, способствует его профессиональному росту.

Сама социальная природа нашего общества, состоящего из множества народов, ставит перед лингвистами большую задачу: заняться исследованием взаимодействия языков народов России и за рубежом, вникнуть в суть двуязычия и многоязычия, выяснить основное назначение. Наряду с этой теоретической задачей, перед лингвистами, преподавателями вузов и школ стоит и лингводидактическая задача: организовать обучение билингвов русскому, родному и неродному языкам таким образом, чтобы свободное владение этими языками стало нормой речи каждого человека.

За основу сопоставительного анализа личных местоимений разносистемных языков нами берутся грамматические категории, как стержень грамматического строя любого языка, через призму которого ярко проявляется функциональные особенности и своеобразие языков. Важно отметить, что в содержании каждого языка различаются два компонента – универсальный и идиоэтнический. Именно поэтому перспективными задачами типологии и описательных грамматик индивидуальных языков, интересы которых перекрещиваются, являются анализ грамматических форм с целью выявления их функционального содержания и отсложения универсальных элементов от идиоэтнических.

Каждому языку свойственны черты, присущие только ему и отличающие его от других языков. Вместе с тем, также обнаруживаются и свойства, являющиеся общими, универсальными для всех или ряда языков.

При этом общность проявляется не только в родственных, но и в типологически и генетически совершенно разных языках.

Общие и сходные явления обусловлены, во – первых, общими законами и формами мышления, отражающими объективную действительность и имеющими общечеловеческий характер, а также общей связью языка с действительностью. Во – вторых, длительное контактирование, результатом которого становится взаимовлияние языков, приводит к появлению общих или сходных явлений. Результатом такого взаимовлияния могут стать многочисленные лексические, фразеологические заимствования. Однако сходные морфологические и грамматические явления не могут быть заимствованными, поэтому причины их сходств нужно искать в более глубоких процессах развития языка.

В настоящей диссертации мы ставили перед собой весьма скромную задачу: на примере функционирования нескольких грамматических категорий одной части речи нам хотелось раскрыть сложный и противоречивый характер грамматических образований данного типа в разносистемных языках. При этом сопоставительный анализ грамматических категорий и функций личных местоимений дается с учетом уровня языкового развития и степени разработанности в них исследуемых проблем, а также типологических сходств и различий грамматического строя исследуемых языков. Неоднородность планов выражения и содержания, а также многослойность грамматической структуры делают типологический анализ грамматических форм делом нелегким и кропотливым. Рассмотренные в настоящей диссертации грамматические факты позволяют конкретнее определить морфологические категории и выявить, что в языках синтетического строя специфическую особенность образуют синтетико – морфологические категории, как падеж, число, грамматический род, слабо представленные или вовсе отсутствующие в аналитическом.

Основные различия в языках обусловлены тем, что между мышлением и языком нет прямолинейной взаимозависимости. Язык – это относительно

самостоятельное явление и имеет свои законы развития, которые отличаются от законов развития мышления.

Таким образом, проведенный нами сопоставительный анализ личных местоимений в таджикском, французском шугнанском и русском языках свидетельствует о наличии сходств и различий в этих языках. Так, в таджикском, французском шугнанском и русском языках местоимения, по семантической соотнесенности с другими частями речи и грамматическим особенностям, делятся на три группы: местоимения – существительные, местоимения – прилагательные и местоимения – числительные.

Что касается деления на разряды по значению, то во всех трех языках в классе местоимений наблюдается соответствие большинства разрядов, за некоторыми исключениями, которые обусловлены историческим развитием языков.

В каждом языке наличествуют свои собственные закономерности, регулирующие выбор того или иного средства референции в каждом конкретном случае. Так, в русском, французском и шугнанском языках личные местоимения используются в дейктической и анафорической функциях. Основное семантическое отличие местоимений третьего лица от их коррелятов первого и второго лиц состоит в том, что первые обычно указывают на лицо или предмет, известные ранее, в то время как вторые – на участников акта речи;

Семантика личных местоимений во всех исследуемых языках не ограничивается собственно дейктическим или анафорическим компонентом, а включает ряд дополнительных смыслов – «предметность», «одушевленность», «пол» и др.

Исследуемый материал таджикского, французского шугнанского и русского языков показывает, что личные местоимения во всех языках выступают в синтаксической позиции подлежащего. В роли подлежащего могут выступать как местоимения первого, так и второго и третьего лиц единственного и множественного чисел, хотя продуктивность и разнообразие

их функционирования неодинаковы. В этом и заключаются, главным образом, основные сходства и некоторые различия в предложениях с подлежащим, выраженным личным местоимением.

Анализ личных местоимений в синтаксической позиции сказуемого в разносистемных языках русском, французском и шугнанском показал, что возможности местоимений в этом смысле неодинаковы. Во всех исследуемых языках личные местоимения могут выступать в роли сказуемого.

Функция дополнения является типичной для всех местоимений, а в частности личных. Это функция выделяется всеми учеными – лингвистами в области русского, французского и шугнанского языкознания.

На основе материала можно сделать вывод, что коммуникативная функция личных местоимений реализуется по – разному.

Характерное для русского языка использование формы множественного числа Вы для передачи вежливого отношения не свойственно французскому и шугнанскому языкам, где такое отношение выражается лексическим способом.

Личное местоимение мы во всех исследуемых языках (таджикском русском, французском и шугнанском) иногда заменяет форму единственного числа я. Такое употребление наблюдается, когда адресант включает себя в какую – либо группу людей, объединенных общим признаком (род занятий, возраст и т.д.). Это местоимение также используется в языке научного стиля изложения, где автор научного исследования излагает свои мысли при помощи множественного числа мы.

Метаязыковая функция личных местоимений, которая связана непосредственно с переводом в разносистемных языках, в очередной раз, доказывает, что эти местоимения неоднородны и разнообразны.

Исследование различных способов передачи одного и того же содержания в разных языках служит не только практическим целям, но и углубляет наши знания о соотношении языка и мышления, и в этом заключена немалая методологическая и общетеоретическая значимость

сопоставительных исследований. Сопоставительный анализ позволяет определить эффективные подходы к выбору и разработке методики обучения неродному языку. К этому явлению примыкает каждому известный, но все еще недостаточно изученный факт двуязычия и внутреннего ценностного соотношения между языками, совмещающимися в языковом мышлении индивида.

На наш взгляд, настоящая работа является базой, фундаментом для дальнейших изысканий функционального характера, наиболее перспективными направлениями в современной лингвистике, поскольку подлинно типологическая оценка языка должна основываться на глубоком анализе выразительных возможностей языков и общих условий функционирования языка как социальной коммуникативной системы.

Если попытаться подвести итоги анализа местоимений и исследованиях таджикских и русских лингвистов и в общем языкознании, то можно сказать, что в результате этих исследований были установлены следующие основные черты лексической и грамматической природы местоимений:

1) Основным признаком, присущим лексическому значению местоимений, является соотнесенность с субъектом речи.

2) Местоимения указывает не только на отношения говорящего к предметом и признакам, но и на сами предметы и признаки, они выражают категории предметности и атрибута (признака), но не качественного, через отношение к субъекту речи. Местоимения являются словами значительными.

3) Местоимениям присуща смысловая всеобщность в растяжимость лексического значения, обуславливающая широту их применения и возможность конкретизации в каждом данном случае употребления.

4) Местоимения могут выступать в качестве формальных слов, выражающих грамматические значения и отношения (этот признак отмечался всеми языковедами, но истолковывался по-разному).

5) Нет формальных грамматических признаков, которые были бы общим для всех разрядов местоимений. Основные морфологические категории

существительных и прилагательных обнаруживаются и в местоимениях, однако формы выражения этих категорий в местоимениях имеют свои особенности.

6) Местоимения выполняют те же синтаксические функции, которые свойственны существительным и прилагательным, но обладают рядом синтаксических особенностей.

7) Выделение местоимений в особую часть речи должно производиться не только на основе специфики их лексика – семантического содержания, но и с полным учетом степени их грамматического своеобразия, грамматической обособленности от существительных и прилагательных.

Если исходить из этих принципов, то легко заметить, что грамматическая природа слов, относимых обычно к числу местоимений, в современном таджикском языке весьма неоднородна.

Использованная литература

I. Научная литература

1. Авлиёва, П.Т. Сопоставительно – типологическое исследование личных, притяжательных и указательных местоимений в английском и таджикском языках: дис. ... канд. фил. наук. / П.Т. Авлиёва – Душанбе, 2020. – 167с
2. Аламшоев, М.М. Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано – рушанской группы памирских языков): дис. ... канд. фил. наук. / М.М. Аламшоев. – Душанбе, 1992. – 178 с.
3. Аламшоев, М.М. Карамшоев Д Хиуни зеи грамматика шугнанского языка на шугнанском языке / М. М. Аламшоев, Д. Карамшоев // – Хорог. Памир, 2000. – 425с
4. Алисова Т.Б. и др. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова // – М., 1987. – 348 с.
5. Алпатов В.М. История лингвистических учений / В.М. Алпатов // Языки русской культуры. – М., 1998. – 368 с.
6. Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи/ В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 37 – 46.
7. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира/ Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. Сб. научн. ст. Вып. 28 / АН СССР ВИНТИ. – М., 1986. – С. 5 – 33.
8. Арзуманов С.Д. в главе «Местоимения», Грамматика таджикского языка, учебник для ВУЗА / Арзуманов С.Д. // – Сталинобод, 1956. – С. 91.
9. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 118 – 126.
10. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд // – Л., 1981. – 295 с.
11. Арутюнова Н.Д. Введение Логический анализ языка / Н.Д. Арутюнова // Культурные концепты. – М., 1991. – С. 21 – 31.

12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений / Н.Д. Арутюнова // (Оценка, событие, факт). – М., 2010. – 338 с.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова // – М., 1998. – 896 с.
14. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3 – 42.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова // Издательство «Советская энциклопедия» – М., 1966. – 503 с.
16. Ашнин Ф.Д. Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук/ Ф.Д. Ашнин // – М., 1956. – 25 с.
17. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык / В.В. Бабайцева, Максимов Л.Ю.// Синтаксис (сложное предложение) – М.: Просвещение, 1991. – 452 с.
18. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык/ В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов // Ч.3 – М.: Просвещение, 1991. – 271 с.
19. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли // – М.: Изд – во иностр. лит., 1955. – 416 с.
20. Бахтибеков Т. К семантико – грамматическим особенностям иранской антропонимии / Т. Бахтибеков // Иранское языкознание. – М., 1985. – С.86.
21. Белошапкова, В. А. и др. Современный русский язык: [учебник для филологических специальностей университетов] / В. А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. //; под ред. В. А. Белошапковой. – 2 – е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 799 с.
22. Бенвенист, Эмиль. Общая лингвистика / Э. Бенвенист//; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. Пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. – 2. изд., стер. – М.: УРСС, 1974. – 446 с.
23. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики, изд. 5 – е, / Богородицкий В.А. // М. – Л., 1935. – С. 104 – 106.

- 24.Боголюбов М.Н. Личные местоимения в хорезмийском языке / М.Н. Боголюбов // Уч. Зап. ЛГУ им. А.А.Жданова. – М.: Просвещение, 1991. – 352 с.
- 25.Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене// – М.: Изд – во АН СССР, 1963. – 400 с.
- 26.Бондарко А.В. Понятия «семантическая категория», «функционально – семантическое поле» и «категориальная ситуация» в аспекте сопоставительных исследований / А.В.Бондарко // Методы сопоставительного изучения языков / Отв. ред. В.Н. Ярцева //– М.: Наука, 1988. – С. 12 – 18.
- 27.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев // изд. 3 – е, ч., – М., 1869. – С. 180.
- 28.Бухоризода, А.Л. Функция местоименных суффиксов в современном таджикском литературном языке. автореф. дис. ... канд. филол. наук. /П. Авлиёев. – Сталинабад, 1954. -21 с.
- 29.Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая // (Пер. с англ. А.Д. Шмелева) М.: Языки русской культуры, 1999. – 780с.
- 30.Верхотурова Т.Л. Когнитивный признак наблюдаемости как механизм формирования языкового значения любого уровня / Т.Л. Верхотурова // Вестник НГУ – №6 – 2004. – С. 153 – 156.
- 31.Верхотурова Т.Л. Многозначность прототип познание / Т.Л. Верхотурова // Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация. – 2000, №5– С. 29 – 31.
- 32.Виноградов В.В. Русский язык / В.В. Виноградов // 3 – е изд. – М.: Высшая школа, 1960. – С. 266 – 281.
- 33.Виноградов В.В. Русский язык/ В.В. Виноградов // Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- 34.Виноградов В.В. Современный русский язык/ В.В. Виноградов // М.: Русский язык, вып. 1, 1938. – 639 с.

35. Винокур Г.О. Я и Ты в лирике Баратынского: (Из этюдов о русском поэтическом языке) / Г.О. Винокур // Филологические исследования. – М., 1990. – 250 с.
36. Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи: дис. ... канд. фил. наук / Т.Г. Винокур. Москва, 1953. – 165 с.
37. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо – романских языков) / Е.М. Вольф// – М.: Наука, 1974. – 450с.
38. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии / Воркачев С.Г.// Вопросы языкознания. 1997. – № 4. – С. 115 – 123.
39. Гаджиева Н.З Сравнительно – историческое изучение языков разных семей / Н.З Гаджиева // Теория лингвистической реконструкции. М.: Наука, 1988. – 237 с.
40. Гак В.Г. К проблеме сопоставительно – типологического анализа речевого акта и текста / В.Г. Гак // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. – С.37 – 48.
41. Гак В.Г. Межъязыковые сопоставления и преподавание иностранных языков / В.Г. Гак // Иностр. языки в школе. 1979. – № 3. – С. 3 – 11.
42. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М.: Прогресс, 1989. – 245 с.
43. Гак В.Г. О сопоставительной стилистике/ В.Г. Гак // Методы сопоставительного изучения языков / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1988. – С. 48 – 59.
44. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак // – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
45. Головин Б.Н. Введение в языкознание / Головин Б.Н. // М.: Высшая школа, 1977. – 311 с.
46. Грамматика таджикского языка: Учебник для вузов. – Ч.1. Фонетика и морфология. – Сталинобод: Нашрдавтоджик”, 1998.–232 с. (на тадж яз).

47. Грамматика русского языка, т.1: Фонетика и морфология, издан СССР, М., 1956 – С. 26– 38.
48. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт// - М.: Прогресс, 2000. - 400 с.
49. Гвоздев А.А «Стилистическая роль местоимений» / А.А Гвоздев // «Русский язык в школе», 1950. – 259.
50. Дорофеева Л.Н. Язык фарси – кабули/ Дорофеева Л.Н. // М., 1960 (серия языки зарубежного Востока и Африки»), стр. 37 – 42; ср. также Ефимов В.А, Язык афганских хазара / В.А Ефимов // М., 1965 (серия «Языки народов Азии и Африки»), стр. 37 – 44.
51. Ермакова, О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: дис. ... д – ра фил. наук / О.П. Ермакова. М., 1977. – 433с.
52. Ермакова, О.П. Лексические значения производных слов в русском языке / О.П.Ермакова// М.: Русский язык, 1984. – 152 с.
53. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков / Л.С. Ермолаева // М.: Высшая школа, 1987. – 127 с.
- 54.Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен//– М., 1974. – 489 с.
- 55.Земский, А.М. Русский язык. Часть 1 / А.М. Земский, С.Е. Крючков, М.В. Светлаев// -9 –е издание., испр. и доп. - М.: Просвещение, 1980. - 303 с.
56. Иванов В.В. Типология и сравнительно – историческое языкознание / В.В. Иванов // Вопросы языкознания. 1958. – № 5. – С. 34 – 42.
- 57.Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов //– М.: Высшая школа, 1981. – С.40 – 43.
- 58.Исаченко А.В. О синтаксической природе местоимений / А.В. Исаченко // Проблемы современной филологии. – М., 1965. С.» Ленинский сборник», XII, С. 223.
- 59.Калакуцкая Л.П. Ономастика и грамматика / Л.П. Калакуцкая // М.: Наука, 1981. – 270 с.

- 60.Калакуцкая Л.П. Ономастика и норма/ Л.П. Калакуцкая // – М.: Наука, 1976. – 176 с.
- 61.Карамшоев Д. Особенности памирских личных имен / Д. Карамшоев // Памироведение. – Душанбе, 1963, вып.2, – 285с.
- 62.Карасик В.И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) / В.И. Карасик // Концепты. Вып. 2 – Архангельск, 1997. – 270 с.
- 63.Каримов А.Ф. Лексико – грамматический анализ личных и лично – предметных местоимений в разносистемных языках (на материале таджикского, русского и английского языков): дис. ... канд. фил. наук/ – Душанбе, 2019. – 166 с.
- 64.Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. 1984. – № 4. – С. 3 – 13.
- 65.Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики / Г.А. Климов // – М.: Наука, 1990. – 166 с
- 66.Кузьмина А.А. Современная персидская антропонимия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук/ А.А. Кузьмина // – М., 1985. – 25с.
- 67.Кузьмина А.А. Простые персидские лично – собственные имена в Кузьмина историческом освещении/ А.А. Кузьмина // Вопросы восточного языкознания. М., 1983. – С. 92 – 116.
- 68.Курбанов Б.Р. Структура и семантика местоимений в лезгинском языке. Автореф. канд. дисс / Б.Р. Курбанов //– Москва, 1996. – 27 с.
- 69.Клевцова С.Д. Местоимение в современном персидском языке. Автореф. канд. дисс / С.Д. Клевцова //– М., 1951. –25 с.
- 70.Лившиц В.А. Местоимения в афганском языке (пашто). Автореферат канд. дисс / В.А. Лившиц // – М., 1952. – 25 с.
- 71.Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз // Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
- 72.Левина И.Н., Леденев Ю.И. Местоимение. / И.Н. Левина, Ю.И. Леденев // Учебно – метод. пос. Ставрополь, 1994. – С. 28 – 45.

- 73.Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев // М.: Высшая школа, 1969. – С. 67 – 80.
- 74.Майтинская, К.Е. Местоимения в языках разных систем / К.Е. Майтинская // – М.: Наука, 1969. – 380 с.
- 75.Мамадназаров А. Морфологические особенности личных местоимений в таджикском и английском языках / А. Мамадназаров // Международная конференция «Грамматические категории в контрастивном аспекте», Москва: МГПУ, 11 – 14 мая 2016. – С.115 – 163.
- 76.Маъсуми, Н. Язык и стиль Ахмада Дониша / Н. Маъсуми // – Душанбе: Дониш, 1976. – 75 с. (на тадж. яз).
- 77.Маъсуми Н.А «Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик, Сталинобод 1954, а также его «Язык повести С.Айни «Смерть ростовщика». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.А Маъсуми // Сталинабад, 1954. – с 25
- 78.Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Мейе А. // Пер. с фр. М. – Л.: Госэкиз, 1938. – 509 с.
- 79.Мыркин В.Я. Чувственно – иконическое значение слова / В.Я. Мыркин // Филологические науки, 2005. – 250 с.
- 80.Мошеев, И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков / И.Б. Мошеев // – Душанбе, 1990. – 229 с.
- 81.Нахангова, М.А. Местоимения в современном таджикском языке: дис. ... канд. фил. наук – / М.А. Нахангова. – Душанбе, 1971. – 178 с.
- 82.Неменова, Р.Л. Сопоставление грамматического строя таджикского и русского языков в преподавании русского языка в таджикской школе / Р.Л. Неменова // Советская школа, 1955. – №5– С. 48 – 59.
- 83.Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка / Г. Павский// Рассуждение второе: «Об именах прилагательных, числительных и местоимениях» СПб, 1850. – С. 249 – 250.
- 84.Падучева Е.В., Крылов С.А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Сб. обзоров. М., 1984 – 450 с.

- 85.Падучева Е.В. О семантике синтаксиса / Е.В. Падучева // – М., 1974. – 229с.
- 86.Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике / Е.В. Падучева // Семиотика и информатика. 1977. – Вып. 8. – 250 с.
- 87.Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов // – М., 1999. – 275 с.
- 88.Панов М. В. Степени членимости слова / М. В. Панов // Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М.: «Наука», 1968 – 420 с.
- 89.Петрова Р.З. Местоимение в системе функционально – семантических классов слов / Р.З. Петрова // Воронеж. Издательство Воронежского университета. М., 1977. – 450с.
- 90.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский // – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
- 91.Плунгян, В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учеб. пособие. Изд. 2 – е, испр. / В.А. Плунгян // – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
- 92.Попова З.Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике / З.Д. Попова // Методологические проблемы современной лингвистики – Воронеж, 2001. – 250 с.
- 93.Попова З.Д., Стернин И.А. Некоторые проблемы выявления национальной специфики языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное языкознание – Воронеж, 2002. – 250 с.
- 94.Попова И.Н., Казакова Ж. А. Грамматика французская языка / И.Н. Попова, Ж. А. Казакова // (практический курс), издание 2 – е. Учеб. пособие. Москва, «Высшая школа», 1975. – 424 с
- 95.Потебня, А.А. Из записки по русской грамматике / А.А. Потебня // – М., 1960. – Т.1 – 2. – 556 с.
- 96.Потебня А.А, из записок по русской грамматике, ч 1, Введение, Воронеж, 1874. – С. 82.

97. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики персидского языка / В.С. Расторгуева // (приложение к кн. Б.В.Миллер, Персидско – русский словарь, изд. 2, М., 1953), о местоимениях. – С. 632 – 634.
98. Расторгуева В.С, «Краткий грамматический очерк таджикского языка» (приложение к «Таджикско – русскому словарю») / В.С. Расторгуева // – М., 1954. – 549 с.
99. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский // Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект – Пресс, 1996. – 536 с.
100. Рубинчик Ю. А. Современный персидский язык / Ю. А. Рубинчик // – М., М., 1960 (серия «Языки зарубежного Востока и Африки»), – С. 63 – 70.
101. Садыхова Дж. Личные местоимения в персидском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Садыхова Дж. // 1966. – 25 с.
102. Самойленко, С.Ф. Из истории восточнославянских местоимений / С.Ф. Самойленко. – Л., 1959. – 423 с.
103. Сиёев, Б. История местоимений таджикского языка / Б. Сиёев. – Душанбе: Дониш, 1972. – 235 с. (на тадж. яз).
104. Сиёев, Б. Формирование местоимения в таджикском языке : дис. ... канд. фил. наук. / Б. Сиёев. – Душанбе, 2003. – 495 с.
105. Смирницкий, Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / А.И. Смирницкий // – М.: Просвещение, 1959. – 340 с.
106. Соколова В.С. Итоги первой диалектологической экспедиции / В.С. Соколова // Труды ТФАН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951. – – 495 с.
107. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр // Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31.
108. Стеблин – Каменский М.И. Грамматике норвежского языка / Стеблин – М.И. Каменский // – М.: – Л., 1957. – С. 82 – 83.
109. Стеблин – Каменский М. И. Значение машинного перевода для языкознания / Стеблин – М.И. Каменский // В сб.: Материалы по машинному переводу. Сб. 1. Л., Изд. ЛГУ, 1883. – 270 с.

110. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка / Ю.С. Степанов // Семиотические проблемы лингвистики философии, искусства. М.: Наука, 1985. – 332 с.
111. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов // – М.: Наука, 1975. – 310 с.
112. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания/ Ю.С. Степанов // – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
113. Стрелков. П.Г. Местоимение / П.Г. Стрелков. // Русский язык в школе, 1950. – № 5 – С. 37 – 46
114. Соколовская Н.К. Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений / Н.К. Соколовская // Теория и типология местоимений: Кол. мон. / Под ред. И.Ф. Вардуля. – М.: Наука, 1980. – С.84 – 103.
115. Тарасов Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте / Е.Ф. Тарасов // Национально – культурная специфика речевого поведения. – М.: Просвещение, 1977. – С.67 – 96.
116. Тоджиев Д, Б.Рахимзода, А.Эшонджонов, Таджикский язык / Д Тоджиев, Б.Рахимзода, А.Эшонджонов // Учебник для школьников IX, – Сталинобод, 1948. – 250 с.
117. Формановская К.И. Стилистика сложного предложения /К.И. Формановская //Русский язык. М.: Наука, 1978. – С.82.
118. Халимов С. Местоимения / С. Халимов // Таджикско - советский энциклопедия. Ч. 8. – Душанбе, 1988. – С. 498–499.
119. Хут С.Н. Субъективная реализация модальности в разносистемных языках (на материале русского, французского и адыгейского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Хут С.Н. // – Краснодар, 1997. – 25с.
120. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика / Н.М. Шанский // М.: Русский язык, 1985. – 239 с.
121. Шанский Н.М., А.Н. Тихонов Современный русский язык / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов// Ч.2. Словообразование, морфология. – М.: Просвещение, 1981. – 272 с.

122. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов // – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с. Шахматов, А.А. Историческая морфологии русского языка / А.А. Шахматов // – М., 1957. – 400 с.
123. Шведова Н.Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова // – М., 1995. – 540 с.
124. Шелякин М.А. Вопросы русской аспектологии / М.А.Шелякин // – Воронеж, 1975. – 400 с.
125. Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии / М.А.Шелякин // Вопросы русской аспектологии. М., 1976. – С. 28 – 36.
126. Шемелева Т.В. Русское местоимение как часть речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Хут С.Н. // – Краснодар, 1997. – С. 10.
127. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи / Н.А. Шигаревская //Л.: Изд – во Ленингр. ун – та, 1970. – 620 с.
128. Шмелев Д.Н. О типах лексических значений слова / Д.Н. Шмелев // Проблемы современной филологии. – М., 1965. – 216 с.
129. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). дисс. ... докт. филол. наук / Д.Н. Шмелев // – М., 1969. – 416 с.
130. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев // – М., 1973. – 420 с.
131. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. – С 63 – 84.
132. Щерба Л.В. Преподавание иностранного языка в средней школе / Л.В. Щерба // Общие вопросы методики / Под ред. проф. И.В. Рахманова. – М.: Высшая школа, 1974. – 112 с.
133. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон // Пер. с англ., фр., М.: Гнозис, 1996. – 246 с.
134. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н Ярцева // М., 1981. – С. 111.

135. Ярцева В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков / В.Н. Ярцева // Проблема языкознания. Международный конгресс лингвистов. М.: Наука, 1967. – С. 203 – 207.
136. Abd ul Ghafûr Garhadi, le persan parle en Affganistan / Garhadi Abd ul Ghafûr //, Grammaire duKabul, Paris, 1955. – P. – 51 – 61.
137. Bagoroda H. Kitobi darsi zaboni tojiki. Grammatika va imlo baroi sinfhoi III – IV g II, Stalinabad, 1939. –240 p.
138. Bally Ch. Traitement de l'« e » muet en francais moderne / Bally Ch. // Paris, 1955. – P. – 178p.
139. Baylon Ch, Fabre P. Grammaire systematique du francais / Ch. Baylon, P. Fabre // Paris, Nathan. 1973. 400 p.
140. Benveniste E. Problemes de linguistique generale / E. Benveniste // Paris, 1966 (I); 1974 (II). – 455 p.
141. Ingram D. Typology and universals of personal pronouns //Universals of human language, vol. 3: Word structure / J. H. Green – berg (Ed.). Stanford, CA: Stanford University Press, 1978.P. 213 – 247.
142. Lazard G. La Langue des plus ansciens monuments de la prose persane, Paris. 1963, pp. 221 – 261.
143. Lazard G. Grammaire du person contemporain, Paris 1957, pp. 99 – 123.
144. Rast N.A., Prot A. Persian Personal Pronouns a Comparative Account, Tehran, 1955.
145. Yagudoyev V. Morfologia Kitobi darsi baroi sinfhoi 5 – umva 6 – umimaktabhoimiyonai nomukamal va miyona, Toshkand, 1938, – s 220.

II. Исползованный словарь

146. Расторгуева, В. С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып.5. Таджикско-русский диалектный словарь / В. С. Расторгуева – М., 1976. 513 с.
147. Русско-таджикский словарь (свыше 72 тысяч слов). Под ред. М.С.Асимова. – М.: Русский язык, 1985. – 1280 с.
148. Русско-таджикский словарь. -Душанбе, 2006.
149. Французко-русский – Русско - французский словарь: с грамматическим приложением/ Под ред. Д.Ихилеф. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Издательский дом «Диалог», 2005. – 735 с.
150. Новейший французко-русский – русско - французский словарь/ Под ред. Н.Т. Безвесельная, Т.А. Данченко – К.: Издательство «Арий», – М.: ИКТЦ «ЛАДА», 2007. – 832 с.

III.Художественная литература

151. Айни С.Воспамяинание. В поле / С. Айни. – Душанбе: Адиб, 1987 – 224 с. (на тадж. яз).
152. Айни С. Смерть ростовщика (Повесть) / С. Айни. – Душанбе: Адиб, 1939. – Часть 1, 2. – 352 с. (на тадж яз).
153. Айни С. Рабы (Повесть) / С. Айни. – Душанбе: Адиб, 1935. – Часть 1, 2. – 352 с. (на тадж яз).
154. Айни С. Избранное произведение. Часть. 1 / С. Айни. – Сталинобод, 1958. – 117 с.
155. Лермантов М.Ю. Герой нашего времени (Произведение) / М.Ю. Лермантов. – М.: Наука, 1840. – 176 с.
156. Островский, Н. Как закалялась сталь / Островский, Н. 1973// Энциклопедия отечественного кино
157. Пушкин А.С. Капитанская дочка. Исторический роман(Повесть) /А.С. Пушкин. – М.: Наука, 1836. – 350 с.

158. Толстой Л.Н. Анна Каренина (Произведение) / Л.Н. Толстой. – М.: Наука, 1855. – 884 с.
159. Чехов, А.П. Произведение искусства / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1976. – 450
160. Aini S. La mort de l'usurier (nouvelle) / S. Aini. Traduites du tadjik et du russe par S. Borodine et V. Voinot Paris, 1957. – 356 p.
161. Aini S. Boukhara(nouvelle) / S. Aini. Traduites du tadjik et du russe par S. Borodine Paris, 1958. – 376 p.